

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 9 ФЕВРАЛЬ 1982

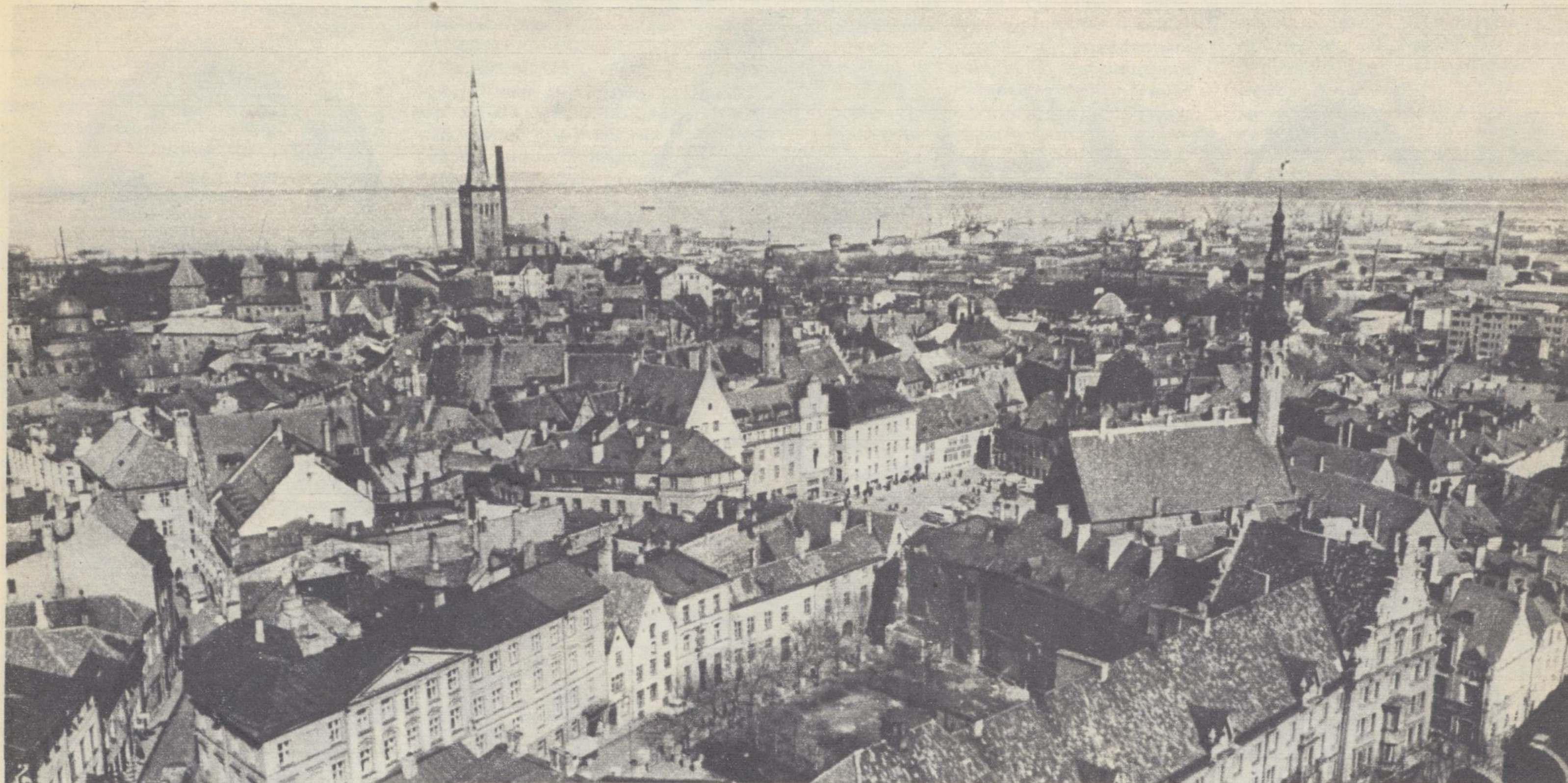

Эстонская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ: 45,1 ТЫСЯЧИ КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ.
РЕСПУБЛИКА РАСПОЛОЖЕНА НА МАТЕРИКЕ, ОСТРОВАХ И ОСТРОВКАХ — ИХ СВЫШЕ 1500.
НАСЕЛЕНИЕ: 1 МИЛЛИОН 496 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК.
С 1940 ПО 1980 ГОД:
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ УВЕЛИЧИЛОСЬ БОЛЕЕ ЧЕМ В 48 РАЗ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ — В 1,8 РАЗА
ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — ПОЧТИ В 100 РАЗ
ИЗДАНИЕ КНИГ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ — ВОЗРОСЛО ПОЧТИ В 6 РАЗ.

«Шестидесятилетие СССР — знаменательное событие в жизни советского народа, свидетельство торжества ленинской национальной политики КПСС, исторических достижений социализма. В эту славную годовщину Советский Союз предстает перед всем миром как дружная семья равноправных республик, совместно строящих коммунизм».

Из Постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик».

МОЯ РОДИНА МАЛЕНЬКАЯ И БОЛЬШАЯ

Антс САAР, писатель

Когда наблюдаешь и оцениваешь окружающее, порой получается как с живописью: подойдешь к картине слишком близко и ничего, кроме пестрых мазков, не видишь. Так и в жизни бывает. Увязнув в повседневных проблемах и проблемках, вдруг утрачиваешь общую картину. Чтобы увидеть целое, разглядеть и оценить в нем самое важное, надо отойти на расстояние.

Моим сверстникам в этом смысле повезло. Стоит вернуться на несколько десятилетий, и вот уже смотришь на сегодняшнюю Эстонию глазами солдата, потрясенного развалинами городов и сел, разрушенных только что кончившейся войной. И словно опять слышишь те давние голоса, сочувствующие и злорадствующие, голоса тех, кто утверждал: меньше чем за полстолетия, нашей стране раны войны не залечить.

И вновь я смотрю на сегодняшний Таллин, Тарту, Нарву, проезжаю десятками городов и поселков. Те же города и поселки видят тысячи приезжающих к нам туристов. Наверняка среди них найдется немало тогдашних «прорицателей». Теперь они молчат.

Еще на десять лет вспять — и я вижу сегодняшний день словно из другого мира. Это потому, что в тридцатые годы нас отделяли от других народов Советской страны заграждения из колючей проволоки, а еще больше — дурман в виде всевозможных «измов», выгодных буржуазно-фашистскому правительству, главным образом националистические бредни.

С такой временной дистанции трудно решить, какие же привести сравнения, чтобы ясно стало, что было тогда и что есть теперь. Кажется почти невероятным, но в Эстонии, в общем, считавшейся еще в царской России губернией с высокой грамотностью, в 1939 году более сорока процентов детей не получало начального образования. Люди болели и умирали без врачебной помощи, потому что посещение врача, не говоря уже о больнице, большинству трудящихся было не по карману. Были биржи труда, длинные очереди безработных за воротами фабрик и заводов; сельские бедняки в поисках работы странствовали с хутора на хутор.

Очевидно, в юбилей образования Советского Союза уместно перечислить достижения нашей республики. Это действительно замечательные показатели в промышленности, которая по сравнению с буржуазным временем дает теперь в десятки раз больше продукции. От тончайшей электроники до мощных экскаваторов. Республика с полуторамиллионным населением отправляет свои морские суда на все моря и океаны мира. Там, где среди болот и кустарников теснились, как драное лоскутное одеяло, крохотные участки единоличников — и с лошадью не развернуться,— раскинулись теперь просторные мелиорированные колхозные и совхозные поля с обилием тракторов, комбайнов и другой техники. И нам не приходится краснеть за свое сельское

См. стр. 13.

Передовики третьего цеха — старший мастер В. Н. Пименов, бригадир Н. В. Ильичев, токарь И. М. Тюрин, контролер ОТК Е. А. Панфилова и строгальщик Ф. А. Шемелин.

Фото М. САВИНА

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ

Минувший год был стартовым годом одиннадцатой пятилетки и первым годом работы страны после XXVI съезда КПСС. Поэтому важно было так организовать дело, так повести социалистическое соревнование, чтобы последующие годы пятилетки были творчески плодотворны и результативны. И вот только что подведены итоги Всесоюзного социалистического соревнования за успешное выполнение Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1981 год. Лидеры определены; дело чести всех предприятий, колхозов и совхозов выверить свои усилия и возможности по высоким показателям знаменосцев социалистического соревнования. А брать пример у нас в стране есть с кого! Признаны победителями и награждены переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ 871 коллектив объединений, предприятий, организаций и учреждений промышленности, строительства, транспорта и других отраслей народного хозяйства, научно-исследовательских, проектных, конструкторских организаций, в том числе 515 с занесением на Всесоюзную Доску почета на ВДНХ СССР.

...Москва, старые стены завода-ветерана. В дирекции, парткоме и цехах радостное возбуждение: радио и «молнии» оповестили коллектив о важной трудовой победе! Московское станкостроительное производственное объединение «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова — в числе победителей Всесоюзного социалистического соревнования в минувшем 1981 году. Добрая весть как нельзя кстати: в марте головное предприятие, знаменитый станкостроительный завод «Красный пролетарий» отметит свое 125-летие. Ко многим трудовым наградам завода-юбиляра отныне прибавится переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ с занесением на Всесоюзную Доску почета ВДНХ СССР.

— Продукция краснопролетарцев известна широко. Много лет токари работали на наших станках,— рассказал заместитель секретаря партийного комитета Сергей Николаевич Сергеев.— А сейчас мы освоили новую продукцию. В нашей стране и за рубежом популярны новые токарные восьмишпиндельные станки-полуавтоматы с числовым программным управлением. Этот современный станок получил Знак качества. Рабочий с помощью оперативной системы задает станку программу. Срабатывает запоминающее устройство, и станок выбирает наилучшие режимы изготовления деталей любой сложности. Полуавтомат экономит и металл и энергию, а также помогает одному оператору работать за восьмерых токарей...

Чудесный станок работает за людей, но создают его люди, мастера своего дела. Вот третий цех — один из ведущих на заводе-ветеране. Здесь как раз и комплектуют детали для сборки новых восьмишпиндельных полуавтоматов с числовым управлением. Работа, как видно, спорится. Помогают и высокое признание трудовых заслуг и близкий юбилей.

— В этой пятилетке полностью перейдем на поточное производство станков с программным управлением и постепенно доведем их ежегодный выпуск до шести тысяч трехсот. Коллектив объединения гордится столь качественным совершенствованием продукции. Без наших станков ни одно современное предприятие не обойдется,— сказал С. Н. Сергеев.

Н. БЫКОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (2850)

27 ФЕВРАЛЯ 1982

Владимир МАТЯШ

ПЕНТАГОН ГОТОВИТ ХИМИЧЕСКУЮ ВОЙНУ

«Осторожно, отравляющие газы». Такой надписи не встретишь в американском городе Пайн-Блафф, что в штате Арканзас. Но для ее появления там имеются все основания. С начала 50-х годов здесь в обстановке строгой секретности проводятся эксперименты по производству и испытанию нового поколения химического и биологического оружия. Глухие заборы, опоясанные рядами колючей проволоки, по которой пропущен электрический ток высокого напряжения, скрывают от постороннего взора лаборатории и заводские корпуса Пайн-Блаффского комплекса — одного из старейших арсеналов военно-химической службы армии США. Именно здесь изготавливались различные зажигательные и боевые отравляющие вещества, которые американские войска широко применяли в годы войны в Индокитае.

Нынешняя американская администрация, проводящая авантюристический, безрассудный курс на международной арене, с большой помпой провозгласила недавно беспрецедентную многомиллиардную программу «химического перевооружения» Соединенных Штатов. Этим обстоятельством тотчас воспользовались обуреваемые людоедскими инстинктами «медные каски» Пентагона, приступившие к производству еще одного чудовищного средства массового уничтожения людей — так называемых бинарных зарядов, начиненных смертоносной нервно-паралитической смесью.

По свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», бинарные боеприпасы займут главное место в химическом арсенале США. Они убивают человека, поражая нервную систему, парализуя мышцы, контролирующие дыхание и другие жизненно важные процессы, происходящие в организме. По признанию бывшего руководителя программы разработки новых видов химического оружия в американской армии С. Хормэтса, главной жертвой нового оружия станет незащищенное гражданское население.

Подготовка администрации США и Пентагона к химической войне и предопределила тот бум, который переживает сейчас Пайн-Блаффский арсенал и другие подобные ему «фабрики смерти» по производству новых видов химического оружия. В рамках рекордного милитаристского бюджета Пентагона на реконструкцию завода в Пайн-Блаффе пойдет около 100 миллионов долларов. В течение ближайших лет он будет ежегодно выпускать до 20 тысяч бинарных снарядов. Впоследствии мощность комплекса планируется значительно увеличить, начав изготовление химических авиационных бомб и мин. В общей сложности Пентагон рассчитывает произвести в Пайн-Блаффе около 3 миллионов единиц различных химических боеприпасов с бинарным газом.

Таким образом, армия США будет иметь новые химические боеприпасы к основным артиллерийским системам, химические авиабомбы «Биг ай», головные части оперативно-тактических ракет «Лэнс» в бинарном снаряжении, крылатые ракеты, выливные авиационные приборы и кассеты.

Любители «газовых душегубок» с берегов Потомака, перенимая преступный опыт главарей третьего рейха, запланировали увеличить запас химических боеприпасов с 3 миллионов до 5 миллионов единиц, а также обновить и значительно расширить базу для складирования этого оружия. Общие затраты на химическое перевооружение армии США оцениваются от 4 до 10 миллиардов долларов. «Это и есть настоящая широкомасштабная подготовка к химической войне,— говорит один из руководителей авторитетной исследовательской организации США — Информационный центр по военным проблемам — А. Канигис.— Вымыслы администрации Рейгана являются удобным прикрытием для подготовки самих Соединенных Штатов к химической и бактериологической войне».

Возникает резонный вопрос: против кого нацелены эти антигуманные, грозящие человечеству неисчислимыми бедствиями преступные планы? Помощник американского министра обороны Дж. Уэйд с поразительным цинизмом заявил в конгрессе США, что оснащение американской армии новейшими видами химического оружия необходимо для того, чтобы «иметь возможность вести крупномасштабную химическую войну в Европе против стран Варшавского Договора». В свете этого становится понятным, почему официальный Вашингтон прибегает к лживым, клеветническим измышлениям о «причастности» Советского Союза к якобы имевшему место применению химического и токсинного оружия в странах Юго-Восточной Азии (Лаос, Кампучия) и в Афганистане. Эта насквозь пронизанная клеветой шумная пропагандистская кампания направлена на расшатывание международных соглашений в области разоружения и свидетельствует о нежелании тех, кто пускает в ход подобные злонамеренные вымыслы, в конструктивном духе решать вопросы, имеющие действительно важное значение для обуздания гонки вооружений, предотвращения опасности ядерной войны.

Хорошо известно, что СССР последовательно выступает за то, чтобы как можно скорее было поставлено вне закона химическое оружие. Еще в 1969 году Советский Союз вместе с другими социалистическими странами предложил для обсуждения на международных форумах конкретный проект конвенции о запрещении химического и бактериологического (биологического) оружия. Известно и то, что СССР и другие социалистические страны представили в Комитет по разоружению в Женеве проект конвенции «о запрещении разработки, производства и накопления запасов химического оружия и его уничтожении». Однако в результате обструкционистской позиции США он до сих пор пылится на полках в Комитете по разоружению. Более того, США в угаре милитаристской истерии в одностороннем порядке прервали советско-американские переговоры о запрещении химического оружия и по-прежнему не проявляют готовности к их возобновлению.

Соединенные Штаты оказались единственным государством из 157 стран — членов ООН, которое на сессии Генеральной Ассамблеи отказалось подтвердить запрет на применение токсических или удушающих газов, вытекающий из знаменитой Женевской конвенции 1925 года, на ратификацию которой Соединенным Штатам, кстати, понадобилось почти полвека. Вашингтон также проголосовал против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, призывающей все государства воздерживаться от производства и развертывания новых видов химического оружия и от его размещения на территории тех стран, где его нет в настоящее время.

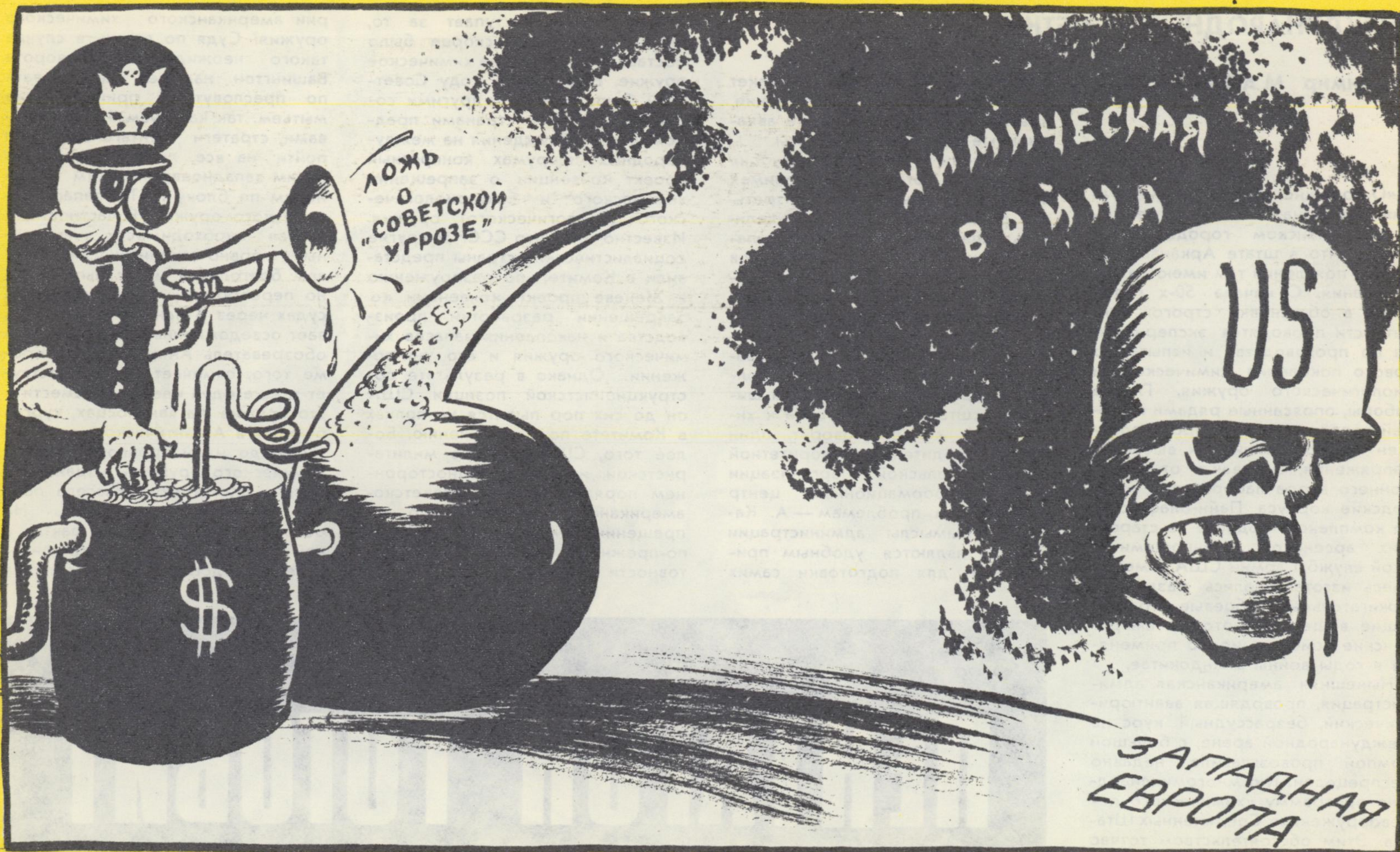
Вопреки всем международным обязательствам, и в частности вопреки Заключительному акту совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, администрация Р. Рейгана взяла курс на безумную гонку химических и иных видов вооружений. При этом человеконенавистники из Пентагона усматривают в начиненных нервно-паралитическим газом бинарных зарядах «идеальное» средство для применения на европейском континенте, а сами надеются отсидеться вдали от разрывов химических ракет, снарядов и авиабомб.

А что если союзники США не пожелают превратиться в «подопытных кроликов» и воспротивятся размещению на своей территории американского химического оружия? Судя по всему, в случае такого неожиданного поворота Вашингтон намерен действовать по пресловутому принципу: не мытьем, так катаньем. Иными словами, стратеги Пентагона готовы пойти на все, лишь бы навязать своим западноевропейским партнерам по блоку НАТО запасы химического оружия. В частности, в случае необходимости «начиненные нервно-паралитическим газом боеголовки могут быть срочно переброшены на скоростных судах через Атлантику», — указывает осведомленный американский обозреватель Антони Льюис. Кроме того, отмечает он, «существует и еще одна идея — разместить это оружие на авианосцах, курсирующих в Атлантическом океане».

Передо мной брошюра «Угроза химического оружия», изданная в Англии «Комитетом Рассела против химического оружия». На основе неопровержимых фактов в ней показано, какие катастрофические последствия для населения Европы и всего мира может иметь применение химического оружия. Особую тревогу авторов вызывает тот факт, что крылатые ракеты и «Першинги» предназначены для развертывания в странах Западной Европы. Это говорит о том, что и бинарные химические снаряды также созданы для использования в Европе. Вашингтон, уже давший понять, что готов к ведению «ограниченной» ядерной войны на европейском континенте, подчеркивается в брошюре, может пойти и на применение в этой войне химического оружия. Что касается Великобритании, то, по всей вероятности, Пентагон намерен превратить ее в «химический погреб».

Во всем мире поднимается волна гневных протестов против навязываемого правительством США нового опасного раунда гонки вооружений, и прежде всего безудержного наращивания арсеналов оружия массового уничтожения. Как отмечается в недавнем Заявлении ТАСС, разрабатываемые с хладнокровной циничностью планы превращения целых континентов в газовые камеры лишний раз показывают также подлинную цену лицемерных разглагольствований Вашингтона о «правах человека».

Не допустить готовящегося чудовищного преступления против мира и человечности — прямой долг всех народов, всех честных людей на земле.

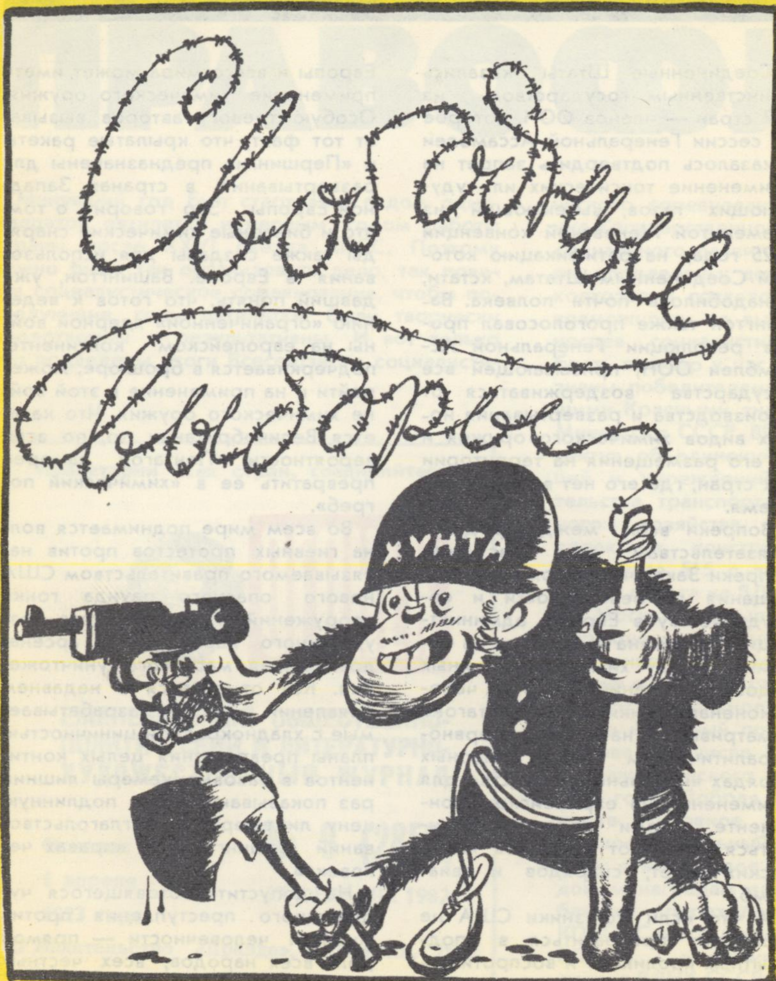

Вашингтонский «химкомбинат».

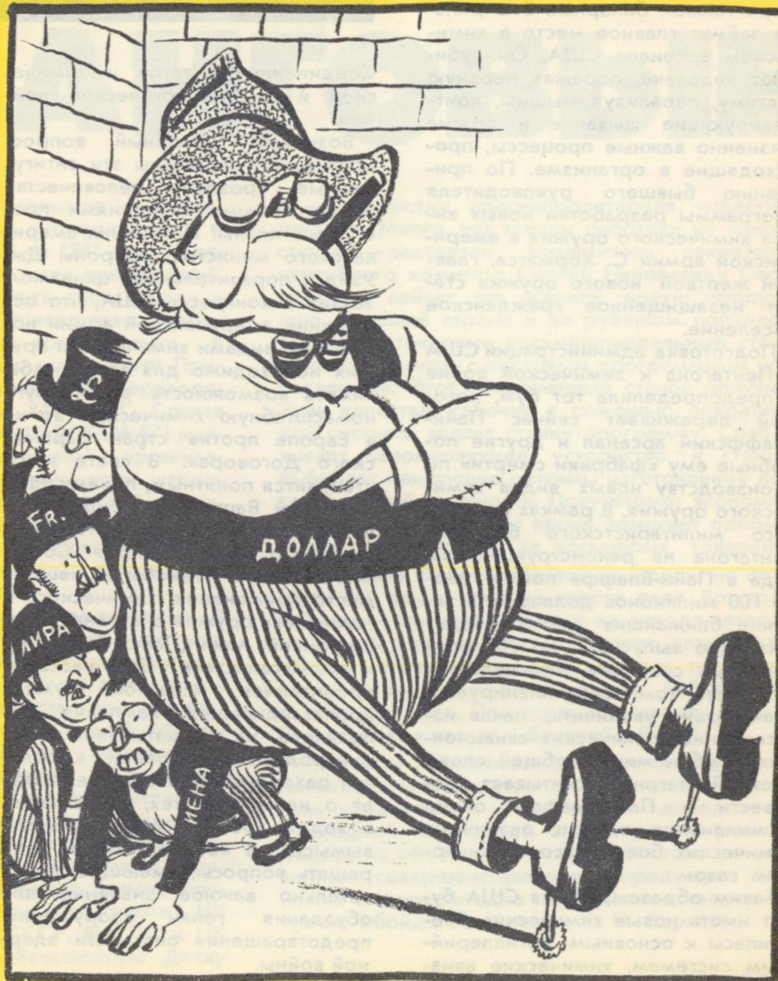
МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

«Демократизация» в Сальвадоре.

Загнал в угол.

Пожинают бурю

Весь мир следит за событиями, которые происходят в Сальвадоре. Эта маленькая страна расколота надвое. Идет гражданская война. Решается вопрос: быть или не быть жестокой тирании, на совести которой более 35 тысяч убитых и замученных соотечественников. С одной стороны линии фронта — подпираемая американскими штыками хунта, с другой — восставший сальвадорский народ, не желающий больше быть объектом угнетения и расправ.

Публикуемые снимки взяты из фильма «Боль и гнев Сальвадора», который на днях был показан по Центральному телевидению. Он сделан на Центральной студии документальных фильмов по материалам иностранной кинохроники.

Смерть сегодня может вломиться в двери любой сальвадорской семьи. Повсюду рыскают головорезы из «эскадронов смерти», находящихся на содержании у самой махровой реакции. Простые сальвадорцы, засыпая, не уверены, что им удастся дожить до утра. Убивают даже в больницах и церквах. День и ночь на улицах столицы и других городов гремят выстрелы и раздаются предсмертные стоны.

Название сальвадорской деревни Мосоте в департаменте Морасан сейчас знают везде. Недавно ее захватили каратели из бригады «Атлакатль», которыми командовал лейтенант Ортега. Они согнали жителей на окраину, разграбили дома, забрав все, что можно было унести, а спустя несколько часов начались расстрелы. Сначала были убиты мужчины, потом женщины. Затем наступила очередь стариков и детей. Самому старшему из расстрелянных было 95 лет, самому младшему — месяц от роду. Нужно потерять все человеческое, чтобы хладнокровно исполосовать автоматной очередью тело младенца, который едва увидел свет... Избежать гибели удалось лишь трем жителям Мосоте, которые рассказали о трагедии родной деревни. Ночью горы трупов были облиты бензином и подожжены. 1009 человек — таков кровавый счет операции, проведенной лейтенантом Ортега в департаменте Морасан.

Читая сообщение об этой бойне, невольно вспоминаешь южновьетнамскую деревушку Сонгми и американского лейтенанта Колли. Это он и его вояки в садистском угаре в упор расстреливали мирных жителей, не щадя ни старых, ни молодых.

Такое сопоставление не случайно. Сальвадорские каратели прошли школу изуверств под началом американских инструкторов, имеющих за плечами «вьетнамский опыт». Их учили не только обращению с оружием — американские «зеленые береты» прививали своим питомцам и свою философию: беспощадность, полное презрение к человеческой жизни. Лейтенант Ортега и лейтенант Колли — духовные братья, у них общая мораль, вера во всевластие террора.

Террор и цинизм всегда существовали рядом. В то время как вооруженные на американские деньги, управляемые американскими инструкторами сальвадорские каратели расправляются с мирными жителями, Вашингтон убеждает мир в том, будто хунта проявляет заботу о... гражданских правах и добилась в этом крупных успехов. Недавно в США был опубликован доклад американского правительства конгрессу. В нем черным по белому написано, что «политическое насилие в Сальвадоре неуклонно убывает». Но ведь это явная ложь. Головорезы хунты устроили недавно кровавую баню мирным жителям в департаментах Усулутан, Морасан, Кабаньяс, в рабочем пригороде Сан-Сальвадора. Хунта идет по трупам, а в Вашингтоне умиляются ее планам провести «свободные», «всеобщие» выборы, фарисейски толкуют о «демократизации» сальвадорского общества.

Рассуждения о предстоящих в марте «свободных» выборах, о социальных реформах выглядят не просто насмешкой — откровенным издевательством над народом Сальвадора. Всем понятно, что время социальной демагогии и разговоров об избирательных бюллетенях в этой республике давно истекло,— сегодня народ голосует оружием.

Америка все глубже утопает в сальвадорской авантюре. Однако при этом ее руководители постоянно обвиняют других во вмешательстве во внутренние дела Сальвадора, лицемерно утверждают, будто «бациллы революции» были занесены в эту республику извне — с Кубы и из Никарагуа, грозят этим странам «санкциями», вплоть до военных.

Сейчас Вашингтон принял решение втрое увеличить военную помощь сальвадорской хунте, предоставить в ее распоряжение современное оружие, в том числе самолеты и вертолеты. В последнее время появились данные о том, что сальвадорские каратели применяют против вооруженных патриотов и мирного населения химическое оружие. Военная авиация опыляет леса отравляющими веществами, чтобы заставить повстанцев покинуть свои укрытия и расстрелять их с воздуха. Подобную тактику широко использовали американские войска в Южном Вьетнаме. Теперь, как видно, США делятся с хунтой опытом преступной войны.

Сальвадор охвачен борьбой. Бои идут во всех его четырнадцати департаментах, вспыхивают на улицах городов. Авторы фильма «Боль и гнев Сальвадора» Н. Максимова и А. Никаноров приводят слова видного деятеля рабочего движения Центральной Америки Фарабундо Марти, именем которого назван патриотический Фронт национального освобождения: «Когда историю становится невозможно писать пером, мы должны писать ее оружием». Сегодня строки истории истерзанной, истекающей кровью страны пишутся винтовкой, беспримерным героизмом ее народа. В драматическом противоборстве рождается будущее страны, которая хочет быть и будет свободной.

В. ЛАПСКИЙ

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ—БОГАТСТВО НАШЕ

Такой была тема выступлений победителей соревнования на призы «Огонька» — рабочих и строителей «Атоммаша», БАМа, КамАЗа и Оренбургского газоперерабатывающего комплекса — участников встречи, состоявшейся в редакции (см. № 26 за 1981 год). Выступавшие говорили о неполадках, мешающих полноценному отдыху, занятиям спортом, участию в художественной самодеятельности, высказывали критические замечания в адрес некоторых руководителей и организаций.

В редакцию поступили письма работников, от которых зависит решение поставленных вопросов.

Однако далеко не все из этих вопросов решаются так, как этого требует жизнь.

РАЗГРУЗИЛИ

Первым реагировал на выступление журнала партком Камского объединения по производству грузовых автомобилей. В ответе, подписанном секретарем парткома Е. Я. Андреевым, говорится, что вопрос об общественных нагрузках А. П. Андреева, бригадира прессово-рамного завода КамАЗа, рассмотрен. Он, являясь секретарем партбюро цеха, был обременен еще различными (десятью!) общественными нагрузками, и времени для отдыха и личной жизни у него совершенно не оставалось.

«В настоящее время тов. Андреев А. П. является,— сообщается в письме,— членом ГК КПСС, а также (по его желанию) членом двух комиссий, состав которых утверждается цеховым партийным бюро (комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом и комиссия по шефской работе).

Парткомом прессово-рамного завода проведена проверка распределения партийных поручений среди коммунистов с целью недопущения случаев чрезмерной перегруженности общественными поручениями отдельных коммунистов».

ВАГОНЧИКИ БУДУТ!

В письме из Оренбурга тоже конкретный ответ.

«Объединением выполняется большая программа по дальнейшему развитию материальной базы для отдыха и культурного досуга газовиков. В жилых массивах имеется летний стадион, более 10 спортплощадок, 11 дворовых детских клубов, шахматно-шашечный клуб. Строится профилакторий на реке Сакмара, пионерские лагеря под Оренбургом и в городе Анапе, пансионат матери и ребенка в Евпатории. Строительство Дворца культуры «Газовик» откладывается.

По замечаниям бурового мастера В. Липатова приняты следующие меры: обновлена часть вагончиков под красные уголки в полевых условиях, приобретены радиоприемники «Серенада», телевизоры для каждой буровой бригады.

Перечисленные выше вопросы регулярно обсуждаются в партийных и профсоюзных организациях.

Начальник ВПО «Оренбурггазпром» Ю. Вышеславцев, секретарь парткома Б. Прогнимак, председатель профкома Б. Хадыкин».

ОТВЕТ ПРИШЕЛ, НО...

Появятся ли у строителей Набережных Челнов общежития для малосемейных и матерей-одиночек, улучшится ли оборудование существующих молодежных общежитий, оформление красных уголков, будут ли у строителей музыкальные инструменты для проведения танцевальных вечеров? Обо всем этом говорила в своем выступлении старший воспитатель А. Якупова.

К сожалению, в пространном письме секретаря Комсомольского райкома партии И. Т. Козыревой нет ответа на все поставленные вопросы. «Материалы «Огонька» были обсуждены на совместном заседании отдела культуры исполкома Комсомольского районного Совета народных депутатов и методкабинета ремонтно-строительного и жилищно-эксплуатационного управления производственного объединения «Камгэсэнергострой»...» — говорится в письме. Далее приводятся данные о количестве учреждений культуры и искусства, перечисляются «дни микрорайонов», конкурсы, выставки... Но это же все не о том. И вот, наконец, на второй странице:

«Вместе с тем, мы должны отметить справедливость критических замечаний, высказанных на страницах «Огонька» воспитателем общежития А. Якуповой. Действительно, в ряде случаев бытовые условия молодых строителей, проживающих в общежитиях производственного объединения «Камгэсэнергострой», не всегда соответствовали современным требованиям... Приняты соответствующие меры... Особое внимание обращается на качество и внешний вид мебели, от которых зависит уют в комнатах. Так, в женских общежитиях большинство (85%) кроватей заменены на деревянные...» (Так и хочется спросить: а сколько процентов кроватей заменено в мужских общежитиях?— **Ред.**) «Все общежития обеспечены постельными принадлежностями, скатертями, портьерами...» «...Имеются в достаточном количестве телевизоры, стиральные и швейные машины, радиодинамики, радиоприемники, магнитофоны, проигрыватели, баяны...» «Во всех общежитиях открыты красные уголки». Но не в этом дело. Ведь А. Якупова хотела привлечь внимание к тому, что красные уголки скучно, однообразно, по стандарту оформлены.

И вот, наконец, на третьей странице письма: «Ведется строительство двух первых типовых общежитий для молодых семей, предназначенных для коллектива домостроительного комбината — одной из ведущих организаций производственного объединения «Камгэсэнергострой». Предусматривается дальнейшее строительство домов такого типа».

А как же с приобретением музыкальных инструментов — нет, не баянов, а современных электроинструментов и музыкальной аппаратуры для проведения танцевальных вечеров?

НЕ ПРИСЛУШАЛИСЬ

А что ответила Тында? А. К. Васильев, заместитель начальника Главбамстроя, подробнейшим образом останавливается на общих данных — перечисляется количество школ, детских дошкольных учреждений, клубов, библиотек, открытых в поселках и городах на трассе БАМа. Называет количество путевок в дома отдыха, пансионаты и санатории, проданных строителям, количество людей, занимающихся спортом и художественной самодеятельностью... Но конкретных ответов на конкретные вопросы и острые сигналы о непорядках нет. Они обойдены молчанием, будто их и не существовало. Напомним их. «Квартиры в благоустроенных домах предоставляются в первую очередь эксплуатационникам и, что греха таить, чаще всего начальникам разного рода...» «В поселке Бирюсинка нет даже начальной школы». «Начальник поезда Руслан Андреевич Климов уже три года обещает сделать пристройку для кинопроектора к красному уголку»... «Для строителей завозятся громоздкие гарнитуры, но как их в вагончике разместишь?!» «Мечтаем, хорошо бы в Тынде, столице БАМа, театр открыть... Ну, допустим, пока не профессиональный, а студийный... Еще нужен музей. Надо, чтоб у него было собственное здание. Разве БАМ этого не заслужил?»

Перефразируем риторический вопрос бригадира В. Сигаева. Разве строители БАМа — а в редакции нашими гостями были лучшие строители, немало лет проработавшие на этой стройке, победители соревнования,— не заслужили того, чтобы прислушаться к их голосу?

Да, музей и театр быстро не создашь и не построишь. Но в остальном администрация, общественные организации обязаны были немедленно отреагировать на весьма скромные, скажем прямо, насущные, житейские нужды людей. И не просто отреагировать — исправить положение.

ГОЛОС ИЗ ВОЛГОДОНСКА

Не поступил ответ от коллективов «Атоммаша» и его строителей. На встрече говорилось о том, что попасть в кинотеатры сложно, их так мало, что достать билет на очередной сеанс — проблема... Видимо, дело не только в кинотеатрах.

«Мало уделяется внимания досугу атоммашевцев. Мало атоммашевцы видят концертов художественной самодеятельности, в то время когда агитплощадки практически бездействуют. Слабо поставлена работа в клубах по месту жительства. Плохо работают спортинструкторы профкома. Недостаточно ведется работа по сдаче норм ГТО, мало внимания уделяется развитию массовых видов спорта».

Картина, так сказать, ясна, тем более, что это строки из выступления Л. И. Попова, секретаря парткома объединения «Атоммаш» на последней отчетно-выборной профсоюзной конференции, опубликованные в многотиражке.

Редакция ждет ответа от председателя профкома объединения Н. В. Капустянова.

Владимир ГРЕБЕНЮК

СКОЛЬ

...Здесь, на востоке Подмосковья, где пески, болота да супеси, и в хороший-то год не просто вырастить приличный урожай зерна, картофеля и кормовых культур, а в погодных условиях минувшего года и подавно. А вот коллектив совхоза «Мир» в условиях жесточайшей засухи сумел получить достаточно высокий урожай картофеля и полностью обеспечить животноводство кормами. В считанные дни летом сумели здесь развернуть полив огромных площадей. Орошение велось в две смены. Вода подавалась на поля по временным трубопроводам протяженностью свыше пятидесяти километров!

Впрочем, так четко была организована работа не только в совхозе «Мир». Для многих подмосковных хозяйств характерны энергичные действия в создавшейся ситуации. Но в «Мире» поражало другое. То, что в самое напряженное время, когда на счету был каждый человек, когда об отдыхе и помышлять вроде было невозможно, здесь строго по графику люди отдыхали по выходным, шли в отпуск. Чего никогда не было раньше.

— Прежде почти каждую субботу и воскресенье нам приходилось объявлять рабочими днями,— рассказывает директор совхоза Валентин Васильевич Бушуев. — Но и это не спасало положения. Людям надо было предоставлять отгулы, но такой возможности, как правило, не находилось, а потому приходилось выплачивать им за переработку... Как ни старались, а техника использовалась плохо, сроки проведения той или иной полевой кампании растягивались надолго. Если же и уходил механизатор на выходной день, то трактор ставил к забору. Пришло время отпуска — машина вновь простаивала. Велика была текучесть кадров.

Однажды, подписывая очередное заявление на расчет, Бушуев поинтересовался у механизатора:

— И куда же, если не секрет, пойдешь от нас работать?

— На ГРЭС, — ответил тот.

— Чем же там лучше?

— Заработок, конечно, поменьше, чем в совхозе, зато отработал свои часы — и свободен. Наступили твои законные выходные дни — гуляй спокойно.

Ничего нового директор, понятно, не услышал. Бушуеву было жаль отпускать того тракториста: совхоз терял неплохого работника. Попытка отговорить и удержать его оказалась безуспешной.

— Вы не обижайтесь, Валентин Васильевич, — сказал на прощание тракторист, — но если так будет в хозяйстве и дальше, то в скором времени от вас все уйдут. Люди ведь не железные, и нельзя их заставлять работать по полгода без выходных.

Конечно, тракторист в чем-то преувеличивал. Выходные дни все же случались. Задождило, например,— иди в отгул, отдыхай, пока кончится ненастье. Бывало, что целыми неделями механизаторы сидели дома. К тому же довольно много свободного времени у них было зимой, и переработка в летнюю пору в какой-то мере компенсировалась зимним отдыхом. Однако в чем был прав прощавшийся с хозяйством тракторист, так это в том, что нехватка механизаторов сказывалась все острее и болезненнее. Пока совхоз выходил из положения за счет шефов, которых присылали и на посевную и на уборочную кампании из Шатуры, Москвы.

Разумеется, во всех отношениях плохо, что не хватает механизаторов, но Бушуева в связи с этим гораздо больше беспокоило другое обстоятельство. Становилось все труднее призвать к порядку прогульщиков, любителей выпить. Неоднократно сам Бушуев наказывал их и морально и материально, устраивались рабочие собрания, и заседали товарищеские суды, но ожидаемых результатов все эти меры не приносили. Выговор в приказе, денежный начет, общественное порицание и другие наказания, обычно эффективные тогда, когда речь идет о совестливом человеке, совершившем проступок случайно или по крайней мере не преднамеренно, а в силу некоторых обстоятельств. А что говорить о тех, для которых «злодейка с наклейкой» заслонила все и вся! Им штраф, увещевание — пустое. Более того, в совхозе вынуждены даже защищать иногда этих горе-работников. К примеру, в милиции лишили прав тракториста или шофера — был нетрезв за рулем, — директор звонит в милицию, доказывает:

— Поймите, трактор стоит...

Безнаказанность ничего, кроме вреда, не приносит. Пьяница, рвач и хапуга отлично знают, что заменить-то их некем. Вот эта незаменимость и развязывала им руки. Дело доходило до того, что некоторые прямо заявляли:

— А что вы мне сделаете? С работы не выгоните, а все остальное стерпится.

Нельзя сказать, что в совхозе остались именно такие механизаторы, нет, но на 70 трактористов полтора десятка выпивох и прогульщиков — это тоже немало. Более того, жилось-то им и работалось гораздо вольготнее, чем трудолюбивым, во всех отношениях хорошим людям. Пришел однажды к директору молодой звеньевой Володя Синев, отличный парень, просит:

— Валентин Васильевич, скоро сессия в техникуме, дайте несколько дней добить курсовой проект.

Бушуев и рад бы, но уж больно момент неподходящий, и уговаривает погодить немного.

— Володя, я сам свяжусь с техникумом, объясню ситуацию, а ты уж поработай, пожалуйста.

Володя понимает и со вздохом уходит. Бушуев качает головой и берется за телефонную трубку, чтобы найти замену Синеву. Только положил трубку, как позвонил еще один звеньевой — Егор Егорович Бухов. Просит разрешения использовать один отгул.

— А что случилось, Егор Егорович?

— Понимаете, Валентин Васильевич, племянник женится, вот на свадьбу надо бы съездить. Иначе обидится на всю жизнь.

«Ну как откажешь лучшему картофелеводу, — думает директор. — И в то же время заменить его некем».

— Хорошо,— все же соглашается Бушуев после некоторого раздумья.

Спустя четверть часа Бушуев встречает на улице двух подвыпивших односельчан. Один из них — совхозный тракторист, другой — тот самый механизатор, что год назад уволился и перешел работать на ГРЭС. Директору совсем не хочется беседовать с пьяным прогульщиком, но и пройти мимо он не может.

— Не стыдно? — спрашивает он.

Совхозный тракторист лыка не вяжет, а тот, с ГРЭС, хотя и чувствует себя неловко, но все же считает нужным объясниться.

— Так я имею право, товарищ директор, — говорит он, — у меня сегодня законный выходной. И завтра опять выходной.

— Это среди недели-то?

— Так у нас же скользящий график...

Бушуев, конечно же, знал, что на ГРЭС люди отдыхают по графику. Станция ведь работает круглосуточно, в будни и праздники. Знал он также, что есть немало других промышленных предприятий с так называемым непрерывным производственным циклом, только особенно не задумывался, как там люди пользуются выходными днями. Конечно, есть специальный график, но это же промышленность. Другое дело — сельское хозяйство... А вот после этой в общем-то неприятной встречи Валентина Васильевича словно озарило. А почему, собственно, нельзя в совхозе иметь примерно такой же график, как и на ГРЭС? Ведь посевную или сенокос, жатву хлебов или уборку картофеля не перекинешь и не отложишь на удобное хозяйству время. Страда строго циклична. Работа на фермах, кстати, тоже не прекращается даже в праздники. Более того, ведь на фермах как раз и действуют графики подмены доярок. Пусть не всегда удается их выполнять из-за нехватки подменных доярок, но это уже детали. А что мешает так же организовать труд механизаторов?

Вопрос был поставлен. Среди специалистов разгорелись споры. Вскоре совместными усилиями нашли такую формулу: три плюс один. Что это означает? В хозяйстве большинство полевых работ проводилось специализированными механизированными звеньями. Например, здесь действовали четыре звена по производству картофеля, столько же выращивали сочные корма, еще три звена возделывали зерновые культуры. Чтобы не менять уже сложившуюся структуру производственных подразделений, решили в звено добавить еще по одному механизатору. Получалось, что на три машины нужно по четыре механизатора. Это и давало возможность каждому трактористу работать по шесть дней, а затем получать по два выходных. Пока один из них отдыхает, за него работает подменный механизатор.

На заседании парткома Бушуев рассказал об этом графике и привел дополнительные доводы. Только за счет того, что хозяйство перестанет выплачивать механизаторам за неиспользованные отгулы, будет ежегодно экономиться 12—15 тысяч рублей. Кроме того, повысится производительность машинно-тракторного парка, а главное — сократится текучесть механизаторских кадров.

Как будто бы просто. Но когда вынесли этот вопрос на обсуждение всех механизаторов, то предложение было встречено в штыки. Возражения сводились к двум пунктам. Первый: новая организация труда заметно снизит заработки. Второй: как же можно доверить трактор другому человеку? Но один из лучших звеньевых хозяйства, Егор Егорович Бухов, заявил, что он согласен на эксперимент и берет в свое звено четвертого механизатора. Его поддержал Владимир Синев. Подменные механизаторы пришли сюда добровольно и с общего согласия всех членов звеньев.

Первые два месяца работы звеньев Бухова и Синева по новому графику показали, что опыт перспективный. Он проводился на глазах у всех. Никого не заставляли идти в коллективы, решившиеся на эксперимент. Ведь кое-кому прежний режим работы казался привычнее. И вообще не все шло гладко. Главная трудность заключалась в том, что далеко не всегда удавалось подобрать для того или иного звена хорошего подменного механизатора. Впрочем, это было только на первых порах. Очень быстро во многих звеньях убедились в преимуществах работы по скользящему графику. Часто подменными трактористов в звенья брали молодых ребят, а в некоторых звеньях даже таких механизаторов, на которых в совхозе давно махнули рукой. В общей сложности переход на скользящий график занял полгода. Тогда на «непрерывку» перешло 70 процентов механизаторов хозяйства.

О бушуевском графике в районе узнали довольно скоро. Как-то в районном управлении сельского хозяйства уточняли заявки на различные машины, тракторы, запасные части. Все уже было готово, как вдруг кто-то обратил внимание, что по ряду позиций не значится техника для совхоза «Мир». Не требовалось ему ни тракторов, ни автомашин. Позвонили в хозяйство. Трубку взял Бушуев.

— А мы и не заказывали их, — сказал он, — нет у нас такой надобности.

Месяца три спустя Валентин Васильевич заявил в горкоме партии:

— Прикинули тут наши специалисты, и выходит, что совхозу нет нужды держать на перевозках торфа привлеченные автомашины. Вполне обойдемся своими силами.

Можно бы это понять, если бы речь шла о хозяйстве, хорошо оснащенном техникой. Но в том-то и дело, что в «Мире» избытка машин не было и нет. Выручил скользящий график. Он-то и позволил значительно поднять производительность техники, да так, что отпала нужда в дополнительных тракторах и машинах.

Но откуда взялись подменные трактористы? Ведь на скользящем графике без резерва кадров не обойтись. И потому в зиму 1975/76 года (именно тогда стали внедрять скользящий график) организовали четырехмесячные курсы. Пойти учиться изъявили желание четырнадцать работников ремонтной мастерской и стройцеха. Каждый из них знал, что обязательно получит трактор сразу после окончания курсов. Так укомплектовали первые четырнадцать звеньев. Затем пришли четверо выпускников местной средней школы, а к осени еще шестеро ребят из СПТУ, и вопрос с механизаторами, в общем, был решен. Тем не менее резерва не было. Поэтому в следующую зиму вновь возобновили занятия на курсах. Больше стало уделяться внимания механизаторскому всеобучу и средней школе.

Многих выпускников СПТУ и средней школы стало привлекать то, что в хозяйстве упорядочена работа механизаторов, то есть возможность для отдыха и учебы. Вернулся после службы в армии Саша Пыльцин. До призыва он работал в хозяйстве. Саша оказался не одинок. Только за четыре года в совхоз вернулись сорок три воина.

В результате хозяйство успешно решило такой вопрос, как предоставление отпусков механизаторам в течение всего года. Здесь в расчете на каждые двенадцать тракторов имеется один механизатор, который поочередно заменяет тех, кто уходит в отпуск. Но работа по подготовке кадров не прекращается. Причем в профессиональной ориентации учащихся участвуют не только специалисты совхоза, но и родители — кадровые рабочие.

Но переход на непрерывную рабочую неделю потребовал основательной перестройки в работе всех служб хозяйства. Уж коль скоро все тракторы «в борозде» по субботам и воскресеньям, то в эти дни их должны обслуживать ремонтная мастерская, заправка, автогараж. Поэтому эти службы были также переведены на скользящий график.

Стали работать по графику в выходные дни специалисты, руководители среднего звена.

Сейчас скользящий график внедряется на животноводческих фермах. Здесь доярки работают по звеньевой системе. Только обычно в звене три доярки, а теперь— четыре, одна подменная. Она поочередно заменяет тех, кто уходит на выходные дни.

Но, как и всякое новое, скользящий график требует своего совершенствования.

Совсем недавно в совхозе серьезно раздумывали вот над какой проблемой. В одних звеньях довольны теми, кто их подменяет, а в других — нет. В подменных ходят те, кто недавно закончил учебу. Технику они пока зна-

ЗЯЩИЙ БУШУЕВСКИЙ ГРАФИК

ют слабо, а вынуждены работать на различных тракторах, выполнять многие операции. И хотя везде молодым стараются помочь, но не всегда это приносит пользу. Поэтому лучшие звеньевые Бухов, Синев и другие решили, что подменным трактористом должен быть самый опытный механизатор. Лучше всего, если им будет сам звеньевой. Их предложение приняли.

Переход на скользящий график дает хозяйству значительный экономический эффект. Только за счет лучшего использования тракторов, автомашин и другой техники совхоз ежегодно экономит до ста тысяч рублей. Объем механизированных работ увеличился почти на 60 процентов в то время, как тракторный парк вырос всего на 15 машин. Теперь в среднем каждый трактор используется на 35 дней больше, чем в 1975 году. Заметно возросла и сменная выработка механизаторов. Характерен такой пример. Если раньше посадка картофеля растягивалась на целый месяц, то теперь она производится за 10—12 рабочих дней.

Производительность машинно-тракторного парка по сравнению с 1975 годом увеличилась на треть, и одновременно расход горюче-смазочных материалов сократился более чем на восемь процентов. Есть еще один, пожалуй, важнейший показатель. Это выработка на трактор. Так вот, если в 1975 году она составила 1118 условных гектаров, то сейчас 2430.

Скользящий график позволил совхозу «Мир» решить еще одну серьезную проблему — создать хороший резерв механизаторов, свести на нет текучесть кадров.

При встрече звеньевой Егор Егорович Бухов рассказывал:

— Большое дело — иметь регулярные выходные в летнюю пору. За эти дни я успеваю многое переделать по дому, сходить на рыбалку или по грибы, словом, отдохнуть по-настоящему. После, конечно, и работаешь с удвоенной энергией.

Работница совхоза Надежда Синева добавила:

— До того, как мой муж Володя — он звеньевой — перешел на скользящий график, ни я, ни наш сынишка почти не видели его. Все на работе пропадал. Теперь иначе. У Володи регулярные выходные дни, появилась возможность больше помогать мне по дому, всерьез заняться воспитанием сына. Муж успешно закончил учебу в техникуме.

У механизатора Владимира Селезнева новая организация труда тоже вызывает одобрение:

— Я механизатор в отряде плодородия. У нас много сильной техники: экскаваторы, тракторы К-700 и Т-150. И очень важно, чтобы эти дорогостоящие машины не простаивали. В этом нам крепко помог скользящий график. Сейчас мы вывозим на поля до 130 тысяч тонн органики в год. И еще: раньше я учился в школе рабочей молодежи с большим трудом, времени на домашние занятия не хватало. Когда начал работать по-новому, учиться стало гораздо легче. В прошлом году я получил аттестат зрелости, вместе со мной закончили школу еще десять молодых рабочих.

Опыт совхоза «Мир» привлекает сейчас внимание многих хозяйств Подмосковья. Популярным он стал прежде всего в самом Шатурском районе, где свыше 70 процентов трактористов работают уже по скользящему графику.

— Мы ставим задачу перевести всех механизаторов на непрерывную рабочую неделю уже в будущем году, — рассказывает первый секретарь Шатурского горкома партии Ю. Д. Ключников.

А как в других районах Подмосковья?

Весной 1978 года по новому методу стал работать совхоз имени Тимирязева Мытищинского района. Результаты превзошли все ожидания. Сейчас шатурскую «непрерывку» используют в области 750 механизированных звеньев. И в каждом из них производительность труда поднялась на 15—25 процентов. Опыт совхоза «Мир» все больше применяется не только в хозяйствах, но и в подразделениях мелиораторов и агрохимиков Подмосковья.

К сожалению, бывает, что не всегда понимают суть шатурской «непрерывки». В некоторых хозяйствах нарушили принцип добровольности формирования звеньев, и люди не сработались. Иные хозяйственники решили создавать звенья по формуле три плюс один лишь на зимнее время, когда работы не так много, а не на самые напряженные периоды полевых работ (сев, сенокос, жатва). В результате пошли разговоры о том, что у нас, дескать, для «непрерывки» нет нужных условий, что не хватает дополнительного числа механизаторов, что зимой нет нужного объема работ и нечем занять людей. И получается, что на словах многие за скользящий график, а на деле ищут различные причины, чтобы отказаться от него.

— При создании звеньев для работы по скользящему графику, — не устает повторять Валентин Васильевич Бушуев, — надо иметь в виду следующее: лучше всего их комплектовать из тракторов одной марки. Тогда легче подобрать подменного механизатора, тогда ему будет легче работать на трех одинаковых машинах. Подменный механизатор должен быть опытным, ведь ему приходится выполнять различные работы. Для большей заинтересованности мы установили подменному трактористу доплату — восемь процентов от ежемесячного заработка.

Шатурская «непрерывка» получила широкую известность за пределами области. За пять лет в совхозе «Мир» побывали делегации из многих областей России, Украины, Белоруссии. Скользящий график заинтересовал наших болгарских друзей из промышленно-аграрного комплекса города Долна Митрополия.

...Бедна земля Мещеры. Пески да болота, бесконечные леса и крохотные островки полей. Вот на этой земле и раскинулись владения совхоза «Мир». Не столь давно, каких-то пять лет назад, здесь ломали голову, как поднять хозяйство. Хотя в совхозе отлично понимали: эта земля может одаривать хорошими урожаями лишь в том случае, если обильно удобрять ее органикой. И возможности для этого есть — торфа кругом предостаточно. Вот только возить его и вносить было некому, да и некогда: с неотложными делами не всегда управлялись.

Новая организация труда в конечном счете открыла большие возможности для хозяйской работы с землей. Вот уже несколько лет подряд каждый гектар совхозной пашни получает по сто тонн органики. И урожаи, естественно, растут. Теперь «Мир» — одно из самых крепких хозяйств на востоке Подмосковья.

...Бушуев говорит чуть глуховатым голосом:

— Еще от своего отца я слышал, что нет плохой земли, а есть плохие хозяева. Теперь у нас в совхозе все верят в нашу пашню. Надо только работать по-настоящему.

В совхозе «Мир» это умеют.

Шатурский район,
Московская область.

КУДА ДЕВАТЬ „ЛИШНИЕ ВЕЩИ"?

В № 52 за 1981 год в нашем журнале была опубликована статья В. Морозовой «Лишние вещи», нашедшая широкий отклик. Публикуя читательские письма, «Огонек» надеется, что соответствующие ведомства заинтересованно откликнутся на поднятые нашими читателями вопросы.

Прочитав статью В. Морозовой «Лишние вещи», хочу сказать, что вопрос надо ставить еще острее, больше заботиться о благе человека, а не об удобстве и спокойствии бюрократа. Пример: в Серпухове был рынок, на котором часто старики и старушки распродавали свои, ставшие «лишними вещи». Я сам там продал три рубашки и купил на эти деньги, там же, свитер. Конечно, этот стихийный рынок разогнали, тем более что запугать какую-нибудь старушку проще и менее хлопотно, чем придумать, как разумно организовать торговлю подержанными товарами.

А. М. МАНТРОВ

Чехов

Как нам, покупателям, отнестись к призыву быть бережливыми, если, например, в ателье по ремонту теле-, радиоаппаратуры и магнитофонов висят объявления о том, что аппаратуру с давностью свыше 10 лет в ремонт не принимают? Что же, я должен выбросить на совесть сделанный телевизор, если за десять лет у него полетела лишь одна лампа или сопротивление? А что такое гарантийный срок? Это срок, в течение которого человек может быть обречен на «хождение по мукам» в мастерские гарантийного ремонта, где он узнает совершенно удивительные вещи. Он узнает, что многократные поломки могут быть вызваны такими чепуховыми неприятностями, как «ложная пайка». Он узнает, что гарантийный ремонт производится бесплатно, а если окажется настолько доверчив, что поверит этому, то может и набегаться со своим телевизором. Перечень подобных курьезов можно было бы продолжить, но думается, что каждый человек сам встречал их в жизни.

А. Н. ВОЙТИШИН

Ленинград

Как верно поднял «Огонек» проблему «лишних вещей». Я сама очень часто думала о том же самом. У нас в семье росло шесть детей и, как вы понимаете, донашивали все до полного износа, ничего не выбрасывали. А сейчас у большинства по одному ребенку, в магазинах полно вещей, игрушек. Как появляется какая новинка, сразу покупается. У соседей — одна девочка, смотрю, тут на днях сосед несет на помойку целую сумку еще почти целой детской обуви. Конечно, сейчас достаток, возиться со старым никому неохота. Но я все же не могу смотреть на все это равнодушно. Вспоминаю старое милое время. Жили беднее, но гостей всегда встречали радостно, проводили в комнату и никто не смотрел на ноги. А сейчас настелили ковров, ходят в тапочках и босиком, гостей разувают и принимают на кухне. Что-то не вижу, чтобы пресыщенность и расточительство приносили кому-то радость.

Е. ИВАНОВА

Хабаровск

Боюсь, что проблема бережливости так и останется на бумаге. Может быть, в Москве еще дело как-то движется к разрешению, но у нас в Серпухове дело обстоит очень плохо. На каждом шагу сталкиваешься с явлениями неоправданного расточительства: у магазинов пылают костры сжигаемой картонной и деревянной тары (в городе есть бумажная фабрика, которая могла бы переработать все это в оберточную бумагу), в мусорные контейнеры выбрасывается кожаная обувь, одежда, посуда, мебель. Как-то читала в журнале, что за рубежом бой стеклянной посуды перерабатывают и так изготовляют новую. У нас в семье можно было бы отдать, продать, сдать в утиль чуть ли не треть вещей. Хотя у нас двое внуков, и кое-что от старшей девочки переходит младшему братишке (валенки, галоши...). А вот куда девать чисто девичьи вещи? Нам, старшему поколению, пережившему войну, больно на все это смотреть. Это молодые легко расстаются с немодным «старьем» и порой безудержно покупают модное, часто влезая в долги. Надо бороться с этими явлениями в общегосударственном масштабе. А пока у нас в Серпухове негде даже перелицевать мужской костюм.

Н. Е. КАНДАУРОВА

Серпухов

Возможно, «барахолки» — позор, и правильно, что их закрыли. Но что мы получили взамен? Ничего. Ведь комиссионки порой не принимают даже те вещи, которые в это же время лежат на прилавках магазинов. Да еще чтобы услышать от приемщицы грубое: «Это неходовой товар, не пойдет», — надо отстоять в очереди два-три часа. Скупки или что-то равноценное просто необходимы.

СЕРГЕЕВА

Ленинград

Вы опубликовали очень нужную и своевременную статью. Все в ней верно, хочу лишь присоединиться к главному вопросу автора статьи: куда девать «лишние вещи»?

Знаменитую одесскую «толкучку» закрыли, чтобы не процветала спекуляция. А она продолжает действовать в подворотнях, подъездах, на продовольственных рынках. Комиссионных у нас много, даже, на мой взгляд, без меры. Пошла я туда; за новые, но, как сказала продавщица, немодные туфли мне предложили 5 рублей. А я набралась смелости и на нашем «Привозе» продала их за двадцать пять рублей, и женщина еще благодарила меня. Торговля с рук там не разрешается, но «стихийно» все же существует. Посмотрите в воскресные дни на самодеятельную ярмарку на Черемушинском рынке. Постельного белья нигде нет, а там, пожалуйста, купила и простыню и пододеяльник за 25 рублей. Скажете, поощряю спекуляцию? А мне спать не на чем. А со спекуляцией, согласна, надо бороться. Но для этого надо научиться торговать, чтобы «лишние вещи» перестали быть лишними и обрели свою вторую жизнь.

Н. С. ОСТРОВСКАЯ

Одесса

Живем мы в деревне, не очень богато, ограничены в средствах, но и в нашей семье по-варварски уничтожаются вещи, годные к переработке, переделке, так как нет ни ремонтных мастерских, ни пунктов вторсырья. Покрышки от грузовиков, старая кожаная обувь, галоши, боты, без которых в деревне не проживешь, сломанные части машин, мешки из-под удобрений (список можно продолжить) — все это засоряет нашу землю и говорит о нашей вопиющей бесхозяйственности. Недавно читал повесть Ивана Франко. В ней говорится, как кузнец, деревенский мужик, так умен, что из горсти ржавых гвоздей может выковать такой топор, который будет служить десятилетиями. А сколько в истории было примеров, когда большие состояния попадали в плохие руки и полностью пускались на ветер. Так неужели мы в своем государстве не можем навести порядок? Вот про очки писали много, а что-то их в продаже так и нет.

Д. А. ДАДРУЦКОВ

с. Ярополец
Московской области

Н. Соломин. Род. 1916. НА РОДИНЕ. 1981

Н. Исайнок. Род. 1948. ЛЕН БЕЛОРУССКИЙ. 1981

ДЕКАДА

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Хлопоты, связанные с подготовкой пресс-конференции, захватили Кострова.

Мэри Фергюссон уже разослала приглашения, и Андрей попросил ее заняться устройством пресс-коктейля.

Составление программы для журналистов оказалось делом нелегким. Показать им полностью основные полнометражные фильмы Костров не мог: не хватало времени,— и он выбрал лишь наиболее эмоциональные кадры.

После этого он решил устроить официальную часть пресс-конференции: рассказать о целях декады, о привезенных лентах и ответить на вопросы. Затем продолжить демонстрацию двух короткометражных фильмов и широкоформатной ленты о цирке на льду.

А в самом конце все пройдут в фойе, где будут накрыты столы для пресс-коктейля.

Начало пресс-конференции намечалось на шесть часов вечера, но уже днем появились операторы телевидения, а в половине шестого — корреспондент радио. Пока телевизионщики устанавливали и подключали свет, Костров в последний раз проверил программу,— все бобины были склеены правильно, аппаратура прогрета. К шести часам собралось уже немало людей. Мэри, почувствовав, что Костров нервничает, незаметно подсчитала пришедших и шепнула ему:

— Тридцать уже есть, но ведь без опоздавших не обойдется!

Костров задержал начало минут на десять — пятнадцать. Он сделал это умышленно: кто опаздывает — успеет к началу, а кто уже пришел — осмотрит выставленную рекламу, возьмет разложенные буклеты.

Прошло минут десять.

— Сорок семь,— сказала Мэри Кострову.

— Отлично. Начинаем. Господа, прошу в зал,— обратился он к журналистам.

...Осмотрев буклеты, альбомы, журналы и отобрав необходимые, газетчики усаживались, оживленно обмениваясь первыми впечатлениями.

Высокий красивый парень с черными вьющимися волосами громко сказал:

— Мистер Костров, я случайно заглянул в соседний зал. Может быть, начнем прямо оттуда? Говорят, русские — гостеприимные люди...

— Русские — деловые люди,— парировал Костров.— Я думаю, сначала труды, а потом пироги.

Костров попросил тишины.

— Сначала мы покажем вам фрагменты из двух фильмов. Это ленты о фашизме и о войне, в которую он вверг человечество, о жертвах и подвиге советского народа.

Костров отметил про себя, что среди журналистов две трети — молодые люди. На вид им можно было дать лет двадцать пять, от силы тридцать. О войне они могли знать только то, что распространяла здесь, за океаном, официальная пропаганда.

В итоге — Костров неоднократно убеждался в этом — девять из десяти канадцев, выросших и воспитанных после сорок пятого, ничего не знали о Сталинградской битве, Курской дуге, об ужасах минувшей войны, обрушенной фашизмом на советских людей, о великой победе нашего народа над гитлеризмом.

Когда погас свет, журналисты умолкли, и заговорил экран.

...Маршировали штурмовики. Выли сирены. Гибли взрослые и дети. Рыдали вдовы и матери. Советские солдаты расписывались на стенах рейхстага...

Костров показал журналистам три части из «Обыкновенного фашизма» и три — из «Великой Отечественной». Эффект был для него несколько неожиданным.

— Почему вы не показывали эти фильмы у нас? — зло спросил его молодой мужчина в синем блейзере с морскими пуговицами.

— Их не покупали ваши прокатчики.

— Уж не хотите ли вы, мистер Костров, сказать, что они испугались коммунистической пропаганды?

Кто-то рассмеялся.

Костров спокойно поглядел в зал, произнес:

— Я хочу сказать, что прокатные фирмы вашей страны не проявили интереса к этим фильмам.

— Такого не может быть! Ведь показывали же у нас «Майн кампф»?!

— И тем не менее это факт. Прокатчики уверяли нас, что их никто не будет смотреть, что они не кассовые. Первая фирма, которая заинтересовалась нашими лентами,—«Розз энд Розз».

— Почему именно «Розз энд Розз»?

— Очевидно, потому, что президент фирмы Майкл Розз сам солдат, в годы войны дрался против гитлеровцев, познал ужасы фашистского плена...

Вновь погас свет. Когда журналисты смотрели мультипликационный фильм «Шайбу, шайбу!», в зале стоял хохот. Программу завершал широкоформатный фильм «Цирк на льду». Красочный, яркий, он вселял радость. Канадцы пришли в исступление при виде медведей на коньках, играющих в хоккей с шайбой,— взрывы восторга проносились по залу.

Наконец гостей пригласили на пресс-коктейль.

Внешне Костров выглядел спокойным. Но Мэри, успевшая уже изучить его, чувствовала, что он чем-то встревожен. Она внимательно оглядела стол. Нет, здесь все было в порядке.

— Дамы и господа, я надеюсь, что советские фильмы...

В этот миг в зрительном зале раздались взрывы. Гости замерли. Костров извинился и быстро направился к входу. Оттуда донеслись новые взрывы. «Кажется, хлопушки»,— подумал он, берясь за ручку. Зал был наполнен клубами едкого дыма. «Ну конечно, хлопушки и дымовые шашки»,— понял Андрей и плотно прикрыл дверь.

— Мэри! — крикнул он.— Скажите механику, чтобы включил вентиляцию на полную мощность. А я позвоню в полицию.

Он бросился к телефону, который стоял у входа. Вдруг все погрузилось в темноту. Светились лишь витринные окна, выходившие на подземную улицу. Неожиданно одно из стекол рассыпалось со звоном, и тяжелый гаечный ключ влетел через пролом в фойе.

Кто-то из журналистов попытался отворить дверь и заглянуть в зрительный зал. Костров резко приказал:

— Не открывать!

Дым просачивался сквозь щели. В глазах и горле начало першить. «Пожалуй, как бы это не слезоточивый газ»,— подумал Андрей.

Костров вызвал полицию и теперь, ожидая ее прибытия, оглядывал людей и помещение. Паники не было. Журналисты с несвойственной им деликатностью даже не тревожили его вопросами.

Подключили запасное электропитание. Зажегся свет, и монотонно загудели компрессоры вентиляции. Молодой светловолосый парень, ассистент оператора с телевидения, стал проверять кабель, проложенный прямо по полу фойе. Он-то и увидел гаечный ключ, завернутый в бумагу, исписанную непонятным ему текстом. Парень протянул Кострову лист, на котором по-русски было нацарапано:

«Сволочь! Убирайся отсюда, пока цел. И увози свою большевистскую пропаганду. Театр твой взорвем. Тебе свернем голову. Свободу Украине!!!»

Вместо подписи был нарисован трезубец.

Толпа перед разбитой витриной росла и вскоре запрудила подземную магистраль. Люди возбужденно переговаривались. Добровольные информаторы уже в который раз повторяли:

— Слышу — взрывы, крики! Потом стрельба. Кто-то пальнул из кольта и разбил стекло.

— Да не из кольта вовсе! Граната это, ручная граната!

Наконец неподалеку от кинотеатра появились полицейские.

Пока они пробивались сквозь толпу, Костров еще раз огляделся по сторонам.

Журналисты толпились у телефона.

Невысокого роста полный газетчик кричал в трубку:

— Премьера декады русских фильмов не состоится: неизвестные взорвали кинотеатр. Ущерб подсчитать пока невозможно, но это тысячи долларов. В зрительном зале пожар. Дым валит из-за дверей. Количество жертв не установлено.

Кряжистый широкоплечий журналист вырвал у него из рук трубку.

— Хватит врать, Фил! Для твоего листка этого вполне достаточно. Такого трепа и твоя вонючка не выдержит.

И, набрав номер своей редакции, через секунду спокойно диктовал:

— Сегодня в семь часов тридцать минут после полудня неизвестные пытались взорвать зрительный зал кинотеатра, в котором проходила пресс-конференция босса русского проката в нашей стране мистера Кострова. Со свойственной русским прямолинейностью Советы в своих фильмах хотят убедить, что в минувшей войне основной удар Гитлеру нанесли они. Взрыв в зале — очевидно, протест противников коммунистического режима в России. Мы можем их понять. Но форма их выступления вызывает сожаление. Это русские методы, несвойственные демократическим институтам нашей страны.

Рослые бобби, раздвигая толпу, медленно приближались к кинотеатру. Журналист продолжал диктовать:

— Быстро прибывший наряд полиции не смог задержать виновных...

Костров тоже пробился к телефону, позвонил в Оттаву, в посольство, и рассказал о случившемся советнику по культуре Петрову.

— Ты не ранен? — спросил тот.

— Нет, обошлось без жертв и увечий.

— Хорошо. Я доложу послу и еду к тебе. Во всяком случае, попытаюсь.

— Но это три часа быстрой езды, а уже темнеет.

— Попробую самолетом.

Полиция быстро закончила расспросы. Задерживать и впрямь оказалось уже некого, а в комнате для пресс-коктейля ничто не было нарушено.

— Господа, продолжим нашу беседу за столом...

Когда все уселись, Костров, обращаясь к журналистам, сказал:

— Вот в этот лист бумаги завернули гаечный ключ, которым разбили стекло. Послушайте, что здесь написано.

Сверкнули вспышки блицев. К Андрею протянулись десятки рук с микрофонами. Теле-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—8.

оператор, стоя на стуле, едва не плача, умолял журналистов:

— Парни, черт вас подери! Уберите же свои пустые головы. Дайте снимать.

Костров прочитал записку. Потом перевел ее содержание на английский и на французский языки.

Когда беседа подошла к концу, кто-то спросил:

— Мистер Костров, а что будет с декадой советских фильмов?

— Она состоится,— уверенно ответил Андрей.

После окончания пресс-конференции Костров поднялся на поверхность и неторопливо побрел к парковке. Хотя воздух на улице был не так чист, как прошедший через кондиционеры в подземелье, дышалось здесь все же легче.

Вернувшись домой, Андрей обнаружил в своем ящике для корреспонденции конверт.

— Только что принесли,— сказал ему одноглазый портье.

Костров вошел в лифт. Пока кабина плавно ползла вверх, он открыл сложенный втрое конверт, служивший одновременно и бумагой для письма. Ровным почерком по-английски было написано: «Пока вы не перестанете преследовать евреев и не выпустите их в Израиль, работать здесь мы вам не дадим. Не уедете сами — отошлем в цинковом гробу. Свободу советским евреям! Лига защиты евреев».

И внизу под письмом — шестиконечная звезда Давида.

Майкл лежал на полу, ощущая спиной ворс текинского ковра. Он привез его из Москвы года три тому назад. Под головой — круглая кожаная подушка, которую он купил в Болгарии. Эта большая комната была святая святых Майкла. Никто не смел сюда входить. Здесь он отдыхал, думал. Здесь стоял стереофонический комбайн «Виктор» и застекленный стеллаж с музыкальными записями. Диски и пленки располагались в строгом порядке. Телефона в комнате не было.

Майкл любил уединяться здесь. Привычка отдыхать, лежа на спине, выработалась еще в годы войны. Тогда молодой пилот бомбардировщика, он часами лежал в тени его огромных крыльев, глядел на плывущие в голубой выси облака, ждал команды на взлет и мечтал, мечтал. Боевая, далекая и невозвратная пора!

Из динамиков лился неповторимо чистый звук — играл Херб Альперт. Грустное пение «золотой трубы», усиленное эффектом стереофонии, настроило Майкла на философский лад.

Розз-старший поглядел на часы и вспомнил, что нужно включить телевизор и посмотреть сообщение о пресс-конференции Кострова.

Коробочка пульта дистанционного управления лежала рядом на ковре. Майкл нащупал ее и, не глядя, настроил телевизор на нужную программу.

Он услышал лишь конец фразы и сразу узнал голос Андрея. На экране был русский. К нему тянулись руки с микрофонами, мигали вспышки.

— Мистер Костров, а что будет с декадой советских фильмов? — спросил кто-то.

— Она состоится.

На экране возник следующий сюжет последних известий.

Майкл вскочил, бросился к двери, которая в это время отворилась.

— Извини, дорогой, но тебя к телефону,— сказала жена.

Майкл был уверен, что это звонит Костров, и, не спросив, кто говорит, сразу потребовал ответа:

— Что стряслось, Эндрю?

Костров сообщил о провокации и добавил:

— Жертв нет.

— А убытки? — спросил Майкл.— Что разрушено?

— Кроме одного витринного стекла и рекламы, ничего.

— Стекло — долларов 150—200 с доставкой и установкой,— вслух подумал Майкл и продолжил, спохватившись: — Ты, конечно, сейчас подумал: Майкл — капиталист, интересуется только убытками.

— Нет, Майкл, я подумал о рекламе. За витриной был фотомонтаж, а у меня не из чего сделать новый.

— Насчет рекламы ты опять не продешевил,— возразил Майкл.— Я успел посмотреть конец твоей пресс-конференции. По сути дела, стоимость стекла должен бы оплатить ты. Благодаря этим идиотам ты вновь создал такую рекламу, какую не сделаешь и за десятки тысяч. Через тридцать минут, в следующем выпуске новостей, все телевизионные компании по всем каналам страны сообщат о том, что русские и фирма «Розз энд Розз» устраивают декаду советских фильмов. Ты настоящий парень, Эндрю, и ты правильно сказал этим ребятам: декада состоится. И начнется она вовремя.

— Надеюсь,— ответил Костров.

Майкл был удивлен своим состоянием: ни тревоги, ни расстройства. Впрочем, какие убытки? Все покроет страховка. Он чувствовал себя так, будто ничего дурного не произошло.

Розз-старший вернулся в свою комнату. Здесь еще пела «золотая труба».

«Дурень»,— с сожалением подумал Майкл, вспомнив о трагической гибели гениального наркомана.

Он вновь улегся поудобнее и только раскурил хорошую сигару, как в дверях вновь появилась жена:

— Дорогой, тебя опять просят к телефону...

— Кто еще? — недовольно проговорил он.— Скажи, что меня нет дома.

Ему очень не хотелось вновь возвращаться к действительности из мира грез и музыки.

— Не сердись, Майкл, но, думаю, тебе придется подойти. Это мистер Горфункель.

Розз-старший выругался про себя, однако поднялся: Горфункель — отец той самой девушки, которая приглянулась его сыну, владелец трех заводов картонной тары.

— Мистер Розз, надеюсь, я не нарушил ваш отдых и не оторвал от занятий? О'кэй. Только что увидел по телевидению скандал в вашем кинотеатре. Думаю, нам бы следовало поговорить на эту тему, я искренне переживаю за вас.

«А не пошел бы ты ко всем чертям?!» — подумал про себя Майкл, но вслух сказал:

— Конечно, мистер Горфункель, буду рад встретиться с вами.

Вновь пронеслась мысль: «Все-таки три завода, и девочка, кажется, неплохая».

Договорились на завтра, на десять утра. Музыку больше не хотелось слушать. Он еще раз посмотрел последние известия, полистал выпуски вечерних газет и отправился спать. Впрочем, ночь он провел плохо. Майкл долго ворочался с боку на бок и наконец разбудил жену.

— Что с тобой? — спросила она.

— Дай мне снотворное.

Она удивилась: Майкл никогда не принимал лекарств и всегда упрекал ее за увлечение медикаментами.

После звонка Роззу-старшему Костров разделся и пошел в ванную. Прохладная вода приятно журчала, струйками сбегала по разгоряченному телу. Это успокаивало и восстанавливало силы. «Пожалуй, йогуртом дело не обойдется. Неплохо бы сделать яичницу с беконом, а?» — сказал он себе.

В долгие дни, недели, а порой и месяцы, проведенные в дальних городах и чужих странах, он иногда разговаривал с собой во втором лице, будто советуясь с кем-то. Это скрашивало одиночество, помогало заполнить пустоту. Так было и теперь. Андрей шутливо добавил: «Что, брат, проголодался?»

Зазвонил телефон. Он взял трубку.

— Мистер Костров, к вам пришли,— донесся до него голос Циклопа.

«Все-таки прилетел»,— подумал Костров, и от этого настроение его стало еще лучше.

— Пусть поднимется,— сказал он портье.

Андрей едва расслышал сквозь шум воды деликатное «динь-дон». Немного прикрутив кран, крикнул:

— Входи и располагайся! Я сейчас.

И, не дожидаясь ответа, вновь пустил сильную струю.

Потом он вылез из ванны, быстро растерся махровым полотенцем и, причесывая мокрые волосы, громко, так, чтобы было слышно сквозь закрытую дверь, сказал:

— А ты быстро! Я все же думал, что ты приедешь утром, не стоило лететь глядя на ночь. Впрочем, спасибо, что поспешил, посоветуемся.

Костров надел свежую пижаму и, открыв дверь, вышел из ванной прямо в комнату.

То, что он увидел, заставило его растерянно остановиться. Свет был потушен, и на фоне окна вырисовывалась фигура Мэри Фергюссон.

— Вы одеты? — спросила Мэри.

— Да,— машинально ответил он,— то есть не совсем.

Она обернулась.

— Извините,— сказал он и бросился в спальню.

— Вы переодеваетесь?—Звук ее голоса был неестествен.

— Да, сию минуту!

— Зря,— ответила она.

«Что это — провокация?» — думал он, быстро сбрасывая пижаму и натягивая легкие брюки и чистую рубашку.

Это было очень похоже на банальную провокацию. И все же он, Костров, успел уже узнать Мэри. Ведь проявляются же люди в чем-то, в поступках, например. Впрочем, нет, дело скорее в побуждениях, по которым они совершаются. Вот эти-то мотивировки действий помогают узнать людей лучше самих поступков. Мысль о провокации с ее стороны Андрей отвергал. Он искал четкой аргументации в пользу этой своей уверенности, но никаких доводов, кроме интуиции, у него не было.

«Но откуда, откуда у меня право и основание на это доверие?» — спрашивал он себя и не мог найти ответа.

Костров разозлился на себя, решительно застегнул пуговицы на груди, заправил рубаху.

— Зря переодеваетесь,— вновь донеслось до него. Голос звучал тревожно и слегка хрипловато. Андрей протянул руку, но дверь открылась сама, и в спальню вошла Мэри.

Она решительно шагнула к Кострову, ладонями сжала щеки, внимательно, будто впервые разглядывая его лицо.

— Но почему, почему? Разве я не красива? Или ты боишься, что я выдам тебя? Поверь, мне бы дорого заплатили, если бы узнали о том, что я у тебя! Я люблю тебя. А может быть, не люблю. Не знаю, как это назвать, но каждый миг я думаю о тебе, боюсь за тебя. Меня специально направили на работу в фирму, но я не мешала, а помогала. Боже, какое было счастье! Если бы я могла пережить его еще раз, но только не спастись, а погибнуть в то мгновение, когда ты был рядом и спасал меня! Зачем, зачем делать это, если я тебе не нужна?!

У нее началась истерика.

Костров попытался успокоить Мэри, но она продолжала рыдать так, что сердце его сжималось от боли.

Андрей усадил ее в кресло, принес воды. Постепенно она стала успокаиваться.

— Дайте сигарету,— сказала Мэри глухим, изменившимся голосом.

Он протянул пачку, щелкнул зажигалкой. С минуту она молчала, а потом спросила:

— Я вам совсем не нравлюсь?

— Наоборот, вы мне очень нравитесь, и я так благодарен за помощь!

— Благодарен — это не то. Я готова ради вас покинуть родину! — Глаза ее вновь заблестели, и в голосе зазвучала надежда:—Хотите, я приеду в Москву? Изменю гражданство?

— Разве любовь зависит от гражданства?

Когда сигарета догорела до фильтра, Мэри медленно поднялась с кресла.

Потом поправила прическу и занялась лицом. Она умело скрыла под пудрой припухшие от слез веки, и только тоска, затаившаяся в глазах, осталась от недавней бури.

— Прощайте,— сказала она и протянула руку. Андрей нагнулся, поцеловал тонкие, красивые пальцы и почувствовал, что Мэри на миг прижалась щекой к его затылку.

Уходя, она сказала:

— Если я не приду больше на работу — не сердитесь. Значит, у меня не хватило сил...

Костров подумал, что ему будет ее недоставать, но возразить не смог.

На улице моросил дождь. Крупные капли, сверкая тысячами огоньков, скатывались по ветровому стеклу. Мэри завела мотор, тихо повторила: «Прощайте» — и захлопнула дверцу.

«Шевроле» медленно отчалил от тротуара и словно поплыл по мокрому асфальту. У поворота на улицу Онтарио часто замигал сигнал поворота и вспыхнули красные огоньки. Потом все исчезло.

Ровно в десять утра Горфункель позвонил в офис фирмы «Розз энд Розз».

— Приезжайте, мы вас ждем,— сказал Майкл.

Владелец заводов картонной тары — мужчина средних лет, с холеным красивым лицом, на котором выделялись чуть прищуренные черные глаза. Взгляд их был одновременно осторожен и упрям, деликатен и груб.

— Мистер Розз,— начал он,— я приехал к вам и к вашему брату, как друг. Надеюсь, в этом нет никакого сомнения?

Майкл машинально кивнул. «Начало банальное»,— подумалось ему.

— Вы не можете сомневаться уже хотя бы потому, что, может статься, наше будущее где-то переплетется. Во всяком случае, мне так кажется, когда я думаю о своей единственной дочери, наблюдаю за ней. И, не скрою, за вашим сыном. Кстати, парень нам по душе, хотя, думаю, ни его, ни мою дочь это не тревожит. Наше поколение не сумело привить детям того почтения, которое испытывали мы к своим родителям.

«Это уже кое-что, — отметил про себя Майкл.— Но не приехал же он свататься?!»

— Однако ближе к делу. Скажите, Майкл, сколько вы рассчитываете заработать на русской декаде?

— На бюджете наших детей, если он будет общим, это не отразится в худшую сторону,— улыбнувшись, ответил Майкл.

— А все-таки?

— Я еще не подсчитал окончательно.

— Давайте прикинем вместе. Общее количество мест в купленных и арендованных вами залах в разных городах равно трем тысячам двумстам. По два сеанса в день. Это шесть тысяч четыреста билетов. В среднем по два доллара пятьдесят центов билет. Это составит шестнадцать тысяч в день. Примем посещаемость за шестьдесят процентов. Девять тысяч шестьсот. Помножим на десять дней. Девяносто шесть тысяч долларов. Долой сорок процентов русским, долой налоги, расходы на рекламу, аренду и тому подобное. Итого у вас останется тысяч двадцать пять — тридцать. Верно?

— Допустим,— сухо ответил Майкл. Его неприятно поразила осведомленность Горфункеля.

«Пока я собирался поинтересоваться, сколько стоит этот "картонный король", он уже все знает о моем деле».

— Так вот, есть люди, которые дадут вам пятьдесят тысяч.

— Условия?

— Русская декада не должна состояться.

— Это исключено,— с досадой сказал Майкл.— Пятьдесят тысяч! — повторил он вслух.

— И заметьте, без всякой мороки. Даже налог с оборота не надо будет платить.

— Скажите, вы имеете отношение к вчерашним событиям в кинотеатре под небоскребом?

— Упаси боже! Разве я похож на бандита?

— Ни на цент. Но цель у вас, очевидно, одна. Почему?

— Мы не хотим, чтобы коммунисты имели возможность вести пропаганду в нашей стране.

— Если можно, точнее. Кто это «мы»?

— Еврейская община. Мы против происков русских в Канаде.

— Я тоже не сторонник коммунизма, однако, по-моему, в рядах Коммунистической партии Канады немало евреев.

— Да, но это не евреи, а предатели,— раздраженно ответил Горфункель.

— Предатели,—задумчиво протянул Майкл.— Вы их не любите?

— А кто их любит?

— Никто, конечно. Пятьдесят тысяч! — вновь повторил Майкл.

— О чем ты раздумываешь? По-моему, это вовсе не плохо,— попытался вступить в разговор Эйб, но Майкл так поглядел на брата, что тот растерянно умолк.

— Ваше предложение заманчиво, Сэм, но я хотел бы уяснить альтернативу. Если я не приму его, то...

— В Канаде сотни тысяч евреев, и все смотрят кино. А ведь можно и не пойти в кинотеатр, который принадлежит братьям Розз или где они показывают свои фильмы. Кроме того, евреи владеют многими кинотеатрами и могут перестать пользоваться услугами вашей фирмы. Ведь если каждый еврей приносит вам только по двадцать пять центов в год, то и тогда на ваш счет в банке не поступят сотни тысяч долларов. Во имя чего вам идти на такой риск?

Взгляд Майкла стал жестким.

— Я не могу принять ваше предложение, Сэм.

— Но почему?

— Ваши пятьдесят тысяч — это тридцать сребреников Иуды. А мы с вами уже выяснили, что одинаково относимся к предателям.

— При чем здесь предательство? Какие обязательства могут связывать делового человека с коммунистами? Они наши враги!

— Нет, не во всем. Вместе с ними я воевал против фашистов в минувшей войне.

— Я тоже солдат.

— Может быть. Но тогда как же вы смеете предлагать мне предать другого солдата?

— Вы имеете в виду этого русского? Неужели вы не понимаете, что он агент Москвы?

— Он мой друг,— отчеканил Майкл.

— Друг?! Согласитесь, звучит фальшиво: вы бизнесмен, он коммунист.

— Это зависит от слуха.

— Подумайте, наконец, о наших детях!

— Я бы перестал уважать себя, если бы оставил в наследство сыну деньги, нажитые предательством.

— Не станете же вы убеждать меня, что обрели независимость и состояние бережливостью и расчетливостью, откладывая по центу в бабушкин чулок?

— Русские говорят: «С волками жить — по-волчьи выть».

— При чем здесь волки? — не понял Горфункель.

...Владелец прокатной фирмы и хозяин заводов картонной тары расстались сухо.

Утром Костров позвонил в фирму. Трубку взяла Энн.

— У шефа какой-то важный посетитель. Вот уже час они говорят. Но еще до этого хозяин велел мне сообщить страховой компании о случившемся вчера вечером и распорядился насчет ремонта. К четырем часам новое стекло обещали установить,— сообщила она.

Костров спустился вниз и купил утренние выпуски газет. Завтракая, он пролистал их и в каждой нашел сообщения о пресс-конференции и о вылазке налетчиков. Разница заключалась лишь в том, что одни выносили их на первые полосы и под бросними заголовками, а в других это было набрано петитом и помещалось в отделе происшествий и скандальной хроники. Во всех случаях это устраивало Кострова — получилась дополнительная реклама.

Назначая пресс-конференцию, Костров рассчитал время так, чтобы беседа с журналистами состоялась за день-два до выступления Пшебыльского. Таким образом он полагал расширить круг оповещенных о предстоящем показе советских фильмов.

Поэтому Андрей с нетерпением ждал завтрашнего дня. Вечером должна была состояться телевизионная передача. В полдень он позвонит Пшебыльскому.

А пока Костров еще раз спустился в подземный кинотеатр. Стекло уже устанавливали. Следов провокации почти не осталось. Он поинтересовался делами у кассира.

— Плохо,— ответил тот.— Сегодня продано всего семьдесят билетов.

Но Костров был доволен. Ведь до этого дня, несмотря на ежедневные сообщения в двух газетах, покупали не более десяти — пятнадцати в день.

— Послушай, Майкл, кажется, дела идут на лад,— сказал Андрей, входя в кабинет братьев.

Розз-старший не стал рассказывать Кострову о своей беседе с владельцем заводов картонной тары, вызвавшей у Майкла совсем не ту реакцию, на которую рассчитывал Сэм Горфункель. Поэтому Костров был удивлен, услыхав от Майкла:

— Я звонил Рыжему в Торонто и поручил ему вылететь в Виннипег и Ванкувер. Если ты согласен, «Розз энд Розз» арендует или купит кинозалы в этих городах.— И добавил: — За любые деньги.

— Ты все-таки решил?

— Да. Ты же сам просил об этом.

По-английски «Рыжему» звучало, как «Брауну», и потому Андрей переспросил:

— Какому «рыжему»?

— Рыжему Дику Салливену,— нетерпеливо объяснил Майкл.

Это озадачило Кострова: первоначально братья отказались от проведения декады в двух западных городах, и теперь у него не хватило бы копий. Но в то же время он думал о возможности более широкого проведения декады советских фильмов. Правда, решить этот вопрос самостоятельно ни он, ни Майкл не могли. Предварительно же Андрей согласился и спросил:

— Условия?

— Те же,— ответил Майкл.

— В принципе я согласен, но меня смущает нехватка копий для одновременного проведения декады. Может быть, начнем там лишь после того, как закончим здесь?

— Именно так я и думаю.

— Хорошо. Окончательный ответ завтра утром,— сказал Костров.— А ты добейся согласия вашего МИДа.

— Ол райт,— кивнул Розз.

Продолжение следует.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

МОЖЕТ, КТО-НИБУДЬ УЗНАЕТ СЕБЯ?

В 1929/30 учебном году мне довелось работать под Ташкентом в школьном городке имени Карла Либкнехта, заведовать учебным сельским хозяйством и преподавать хлопководство, овощеводство и садоводство.

Здесь жили и учились ребята-сироты, бывшие беспризорники. Среди них были дети многих национальностей: русские, белорусы, украинцы, татары, казахи, киргизы, узбеки... Ребята учились в средней школе, а в свободное время работали в школьных мастерских — столярных, слесарных. Те, кому было больше по душе сельское хозяйство, выращивали на нашем школьном участке овощи: помидоры, огурцы, перец, баклажаны, лук, ухаживали за плодовыми деревьями в саду. После уборки урожая учащиеся сами консервировали овощи, фрукты, сушили яблоки и груши. На специальной установке готовили томатное пюре, баклажанную икру, яблочное пюре и повидло.

Под руководством нашего агронома на хлопковой плантации велись опыты с удобрениями, поливами и сортоиспытанием хлопчатника.

По каждому участку был календарный план работы и проводился учет урожая. Участки были закреплены за учениками. Вся продукция использовалась на питание ребят школьного городка.

Совет отряда школьного городка осуществлял общее руководство и контроль за учебой и работой. Председателем совета отряда в то время был Павел Левчук, очень активный и исполнительный ученик 9-го класса. Ребята помогали друг другу в учебе и работе. Если кто-нибудь нарушал дисциплину, учителя не наказывали провинившегося, обращались в совет отряда, и все вместе решали, что делать. Вообще в своей работе с учениками руководство школы применяло методы замечательного советского педагога Антона Семеновича Макаренко, что, конечно, и дало свои результаты: из бывших беспризорников, когда-то занимавшихся бродяжничеством, воровством и даже совершавших серьезные преступления, удалось воспитать честных, хороших людей. Многие наши выпускники стали агрономами, педагогами, а во время Великой Отечественной войны вместе со всем советским народом защищали нашу Родину.

До сегодняшнего дня бережно хранятся у меня фотографии тех лет. К сожалению, большинство из них сделаны любительски, плохого качества. Но вот на снимке 1930 года — учащиеся 9-го класса с директором Касимовым, зав. учебной частью Козловым, зам. мастера Вольфом, зав. хозяйством Карчевским, овощеводом Плужниковым. Возможно, кто-то из бывших воспитанников школьного городка имени Карла Либкнехта узнает себя на этом снимке и отзовется.

З. БАРКОВСКАЯ

МОЯ РОДИНА МАЛЕНЬКАЯ И БОЛЬШАЯ

Начало см. на стр. 1.

Антс Саар.

хозяйство. Никогда прежде в Эстонии не видали таких тучных хлебов и не было такого продуктивного молочного стада. Нет такой республики, куда мы не посылали бы свою продукцию и откуда бы не получали необходимое нам — будь то сырье, топливо или машины. Все эти экономические связи — самый убедительный пример прочности и своеобразия нашего Союза. Ведь не случайно эти связи между республиками мы называем взаимопомощью. Такое оно, это своеобразие наших экономических отношений, которое Эстония особенно остро ощутила в период послевоенного восстановления — при создании своей крупной промышленности и флота, при осушении заболоченных полей и очистке их от камней.

И все-таки... Не есть ли экономический подъем результат чего-то еще более важного? Экономика иной раз может развиваться весьма бурно и тогда, когда вместо взаимопомощи господствуют обычные торгашеские отношения. В послевоенном мире можно найти такие примеры.

Есть что-то еще более значительное, что́ объединяет наши народы. Нечто трудно выражаемое словами, что до конца не раскрывают даже такие привычные нам всем два слова — дружба народов. Просто поразительно, насколько иной уроженец крохотной деревеньки, затерявшейся в прибалтийских лесах, чувствует себя как дома где-нибудь на берегу Тихого океана, в Каракумах или за Полярным кругом, среди людей, чьего языка он не понимает и чей внешний облик ему непривычен.

Мой народ вошел в братский союз советских народов 6 августа 1940 года. И все-таки разрешите уточнить... Нет, я не намерен уточнять историю или обвинять историков. Они не ошибаются. Действительно, 6 августа Верховный Совет СССР на своей сессии удовлетворил просьбу посланцев эстонского народа и принял Эстонскую Советскую Социалистическую Республику в состав Союза ССР. Все правильно. Однако все началось гораздо раньше. Наш союз существовал уже давно. И это стало для нашего народа настолько само собой разумеющимся, что 20 лет воздвигавшиеся преграды — колючая проволока и духовный дурман — не смогли убить переходившую от поколения к поколению убежденность: Эстония должна идти единым путем с Россией и живущими в ней народами.

Эта убежденность проникла в умы и души и моих сверстников, родившихся и выросших в буржуазной Эстонии. В школах распевали красивые патриотические песни о маленькой родине между Балтикой и Чудским озером. Государственные мужи произносили зажигательные речи о необходимости защищать ее границы прямо до последней капли крови. В таком духе дрессировали солдат и даже школьников на ежегодных военных учениях. Угроза исходила якобы прежде всего с востока.

А в деревне ни одни крестины, свадьба или иное празднество не обходились без обсуждения «русского вопроса». И то и дело звучала знакомая песня «Волга, Волга, мать родная...» и по-русски и по-эстонски, словно Волга была главной рекой не только России, но и Эстонии.

Хотя русский язык был изгнан из школ, оказалось невозможно вырвать его из памяти старшего поколения. А предыдущие поколения знали на собственном опыте: когда положение в пределах «маленькой родины» становилось невыносимым, помощь всегда можно было найти у восточных соседей. Туда уходил эстонский крестьянин, когда прибалтийские бароны совсем уж не давали ему вздохнуть в родном краю. Эстонские переселенцы целыми деревнями обосновывались по другую сторону Чудского озера, в Сальских степях и среди горцев Кавказа. Путь переселенцев обозначался эстонской речью, звучавшей в деревнях Зауралья, под Челябинском, Омском и Новосибирском — до самого Дальнего Востока.

Эстонский рабочий, отчаявшись найти работу в Таллине, Нарве или в каком-нибудь маленьком городишке Эстонии, неизменно отправлялся в Петербург, где передовые по тогдашним временам предприятия давали возможность применить свои силы, а русский рабочий всегда был готов помочь советом и делом, обучить специальности деревенского паренька, и не помеха было, что тот знал по-русски всего десяток слов.

«Вы не знаете русского народа... последним куском хлеба поделится с попавшим в беду...» — убеждали моих сверстников, часто зараженных националистическими предрассудками, наши отцы.

А за праздничным столом деревенский мужик, бывало, войдет в раж, подбодрившись чаркой, стукнет кулаком по столу, так что миски со студнем подпрыгнут, и заявит: «Почему это они границу с Россией закрыли? Граница между Эстонией и Россией должна быть открыта».

Об этом говорили не только люди труда. Наиболее здравомыслящие представители буржуазии вынуждены были признавать, что оторванная от России эстонская промышленность обречена на прозябание. Но граница была закрыта, поскольку «русский», «советский» стало синонимом коммуниста. А русский язык был изгнан из школ потому, что искусственный языковой барьер куда действенней любой колючей проволоки. Непонимание языка всегда рождает недоверие.

И все-таки...

С Октябрьских дней, когда таллинские и питерские рабочие плечом к плечу сражались под знаменами революции, прошло всего-то два десятка лет. Те, кто, будучи юнцами, встал под красные знамена, установил в Таллине и в других городах Советскую власть, отобрал у помещиков свои исконные земли и создал в волостях комитеты бедноты, к этому времени как раз вошли в пору зрелости. Не всех их буржуазии удалось убить или замучить насмерть в тюрьмах. Они жили среди нас, несли в себе дух Октября.

Еще одна грань, открывшаяся нам в нашем великом соседе намного раньше революционных июньских дней 1940 года. Пожалуй, именно сейчас, когда во всем мире столько говорят о мирном сосуществовании, торговых и экономических связях с Советской страной, об этом уместно вспомнить.

Многие годы Запад превозносил прибалтийские государства и подстрекал их выполнять «историческую миссию» — охранять Европу от «коммунистической опасности». В поощрение им бросали подачки со стола великих держав, клялись им в вечной верности и т. д. и т. п. Но едва положение в самой Европе осложнилось, как у западных «друзей» не оказалось ни времени, ни желания думать о каком-то миллионном народишке на берегу Балтики, на который надвигалась нехватка топлива, железа и стали, машин для сельского хозяйства. Руку помощи вновь протянул великий сосед. Эстонский рабочий и крестьянин впервые познали, что такое партнер, не пользующийся выгодной для него конъюнктурой, своим превосходством и мощью. Крошечное государство вело дела с великой державой как равный с равным.

Таковы уроки истории, таков опыт моего народа, такие уточнения мне хотелось внести в связи с исторической для него датой — 6 августа 1940 года.

Нет, я не собираюсь утверждать, что 20 лет буржуазного строя и буржуазной пропаганды не оказали своего влияния. Что касается буржуазной верхушки, так она, как и подобает всякой шавке, норовила укусить исподтишка своего великого соседа.

Но пробил час, и эстонский трудовой народ единодушно вышел на улицы и сверг ненавистное правительство. И события начали развиваться с калейдоскопической быстротой.

Пусть примут к сведению все это те, кто сейчас еще пытается наводить тень на плетень в связи с июньской революцией и вступлением эстонского народа в семью советских народов. Именно потому, что эстонский народ уже во многих поколениях чувствовал себя в союзе с народами России, что на баррикадах Октябрьской революции вместе сражались таллинские и питерские рабочие, следующим крупным шагом сразу после восстановления Советской власти стало восстановление исторически сложившихся связей.

Теперь логично было бы сказать о том, что дало нашему народу вхождение в семью советских народов. Но это означало бы повторение давно известных истин и ставших уже привычными фактов.

Тем летом мы ощущали какую-то особенную легкость. Заболел — можно пойти к врачу, а если надо — в больницу. Не нужно кланяться денежному мешку, когда ищешь работу, а потом ждать, когда он соблаговолит достать кошелек и, словно милостыню, выдаст крон двадцать за твой труд...

Это было чудо. Точно радуга озарила вдруг наше вечно серое небо. Чудо, которое может произойти в жизни человека, целого поколения только раз. Чудо, которого не пережили даже следующие поколения, так как его можно было ощутить лишь в момент перехода из одного — буржуазного — мира в другой — советское общество.

Мне даже как-то жаль, что следующим поколениям, родившимся уже при Советской власти, не довелось приобщиться к этому чуду, когда переступаешь заветный порог в новую жизнь. Но историю не повернешь назад, чтобы родившийся, скажем, в 1960 году смог пережить то, что пережили мы в 1940-м, и на собственном опыте сравнить буржуазное и социалистическое общество. Остается лишь просить: верьте нам, жившим, как я в шутку написал бы в анкете, два десятилетия за границей, то есть за пределами Советской страны.

Есть одна старая и даже несколько затертая, но очень верная истина, что друзья познаются в беде. Едва ли кто-нибудь смог бы придумать более суровый пробный камень для дружбы наших народов, чем Великая Отечественная война. Именно эти испытания в сложнейшей ситуации стерли последнее, что пристало к иным из нас в предыдущие два десятилетия.

Я написал целую книгу о том, как Россия, Татария, Чувашия и другие края стали новым домом для эстонских беженцев, как и в без того тесных жилищах находился кров и для нас, как делились с нами последним куском хлеба и всячески старались облегчить судьбу беженцев.

Но бывает капля, в которой отражается целый океан или даже весь мир. Для меня такими каплями стали два события — в конце 1941 — начале 1942 года, такие необычайные, что их просто не с чем сравнить.

Декабрь 1941 года. Ленинград в тисках блокады. Надвигается голод. Из-под Москвы враг лишь немного потеснен. Он готовится к новым наступлениям. Еще никто не знает, что впереди — грозная битва под Сталинградом. Миллионы изгнанных из родного дома людей. Тысячи устремившихся на восток эшелонов забили пути. И в этой круговерти несколько десятков тысяч эстонских беженцев и столько же военнообязанных затерялись как иголки в сене на огромной территории. Возможно ли вообще всех их разыскать и организовать их жизнь?

И все-таки разыскали. Мы собрались на Урале, чтобы обучиться воевать. Нас снабдили всем необходимым. Нам выдали оружие. Представьте себе, что значит получить оружие для человека, чей родной край оказался под пятой врага!

И в то же самое время произошло другое, еще более невероятное событие. На основе опыта тысячелетий человечество выработало мудрость, действительную для всех прошлых войн: когда говорят пушки, музы молчат.

Теперь же, в самые тяжелые месяцы самой тяжкой в истории человечества войны, в декабре 1941 года в Москве было принято решение о создании Эстонских государственных художественных ансамблей. И в древний русский город Ярославль съехались эстонские писатели, художники, композиторы, актеры, певцы, музыканты.

Идет схватка советского народа с врагом не на жизнь, а на смерть. На чашу весов брошено все. И в этот грозный час проявляется забота о том, чтобы литература и искусство одного маленького народа не заглохли. Гремят орудия, а в древнем русском городе создаются оперы, с которыми можно будет вернуться в освобожденную Эстонию. Закладывается основа будущего прославленного мужского хора Эрнесакса. Георг Отс делает первые шаги на поприще певца. Юри Ярвет, нынешний король Лир в фильме Козинцева, пока входит в танцевальную труппу ансамблей. Возможно, без Ярославля не родилась бы и послевоенная драматургия Якобсона. Издаются на эстонском языке книги, газеты, литературный альманах. Наконец, выставка эстонских художников в Москве в 1943 году.

Какая уверенность, убежденность, что мы победим! И чувство перспективы. Советская власть заботится о том, чтобы национальная культура эстонского народа не зачахла, чтобы ему не пришлось после победы начинать на пустом месте.

И не зачахла. «Ярославские ребята», как мы сейчас называем признанных мастеров, убеленных сединой, ставших за прошедшие годы народными артистами, лауреатами Ленинской и Государственной премий, заложили основы небывалого расцвета эстонской советской литературы и искусства, продолжают плодотворно работать и сейчас.

Таковы два события, как две капли воды отразившие тот новый мир, в который вступил эстонский народ в 1940 году.

Не стану утомлять вас, дорогие читатели, перечислением известных вам фактов. Это и послевоенное восстановление и наши сегодняшние успехи...

Позвольте мне вновь слегка отойти, теперь уже не во времени, а в пространстве. Мне хочется взглянуть на свой родной край глазами стороннего наблюдателя. Пусть даже недоброжелательного.

Как-то во время встречи с иностранцами меня отозвал в сторону коллега из одной зарубежной страны и спросил доверительно:

— Между нами... скажите честно. У вас действительно издаются стихотворные сборники на эстонском языке десятитысячными тиражами... или это... как у нас выражаются... ваша пропаганда?

— Читатели сердятся, что из-за нехватки бумаги эти тиражи маловаты.

Коллега задумался.

— Если это правда, знаете... я хотел бы быть поэтом в Эстонии.

Это ли не лучшее признание успехов моей родной республики, только вот я не знаю, до конца ли поверил мне мой собеседник.

Пусть будет так, что только в целях пропаганды мы издаем книги небывалыми тиражами, и лишь для того, чтобы провести честных зарубежных информаторов, народ раскупает в два-три дня весь тираж, прочитывает книги, приглашает авторов встретиться, поспорить.

Только лишь для маскировки своей художественной несостоятельности работают наши театры, и каждый вечер залы полны зрителями-слушателями. Только для этого у нас поют замечательные хоры и в праздниках песни участвует по крайней мере четверть населения республики. В этих же целях республика с полуторамиллионным населением создала свое национальное киноискусство.

Чтобы скрыть от объективных глаз эмигрантских журналистов «упадок национальной культуры», у нас успешно работает Институт истории, для этого же мы сделали Таллин центром исследования финно-угорских языков и истории наряду с Хельсинки и Будапештом.

Только в пропагандистских целях мы провели в Таллине Олимпийскую регату и построили Олимпийский комплекс, о котором с похвалой отозвались знатоки всего мира и создатели которого признаны достойными Государственной премии.

Что там Олимпийский комплекс! Старый город мы реставрировали и привели в порядок, новые микрорайоны с прекрасными квартирами для двухсот тысяч человек построили лишь для того, чтобы скрыть нашу бедность и несостоятельность. А чтобы это лучше удалось, жители еще обставили свои квартиры прекрасной мебелью. Не одну-две, даже не тысячи, а десятки и сотни тысяч квартир.

Видите, как далеко мы зашли во втирании очков «объективным журналистам». Потому они и пишут: не верьте ничему, что вам говорят и показывают в советской Эстонии. Новые колхозные центры и сельские поселки мы построили исключительно в целях обмана. Для того же создали самую передовую в мире сланцедобывающую и на ее базе химическую промышленность.

Да что говорить о людях. Даже животные поставлены на службу пропаганде. Коровы вместо довоенных и послевоенных двух тысяч килограммов молока начали давать по четыре-пять тысяч в год. Даже несмотря на несколько неурожайных лет, эти рогатые пропагандистки изо всех сил стараются удержаться на уровне четырех тысяч килограммов.

Что поделаешь, если вся наша жизнь, укоренившееся в людях чувство хозяина, равенство и дружба между людьми и народами, наша борьба за мир, наше продвижение вперед — прекрасный пример для народов всего мира, наглядная пропаганда новой и лучшей жизни. А что это так, могу засвидетельствовать собственным опытом до 1940 года.

Что же — пусть обвиняют нас в такой пропаганде. Это неплохо. Это хорошо. Даже очень хорошо.

СТИХИ ЭСТОНСКИХ ПОЭТОВ

Дебора ВААРАНДИ

ЛЮДИ СМОТРЯТ НА МОРЕ

Когда день отдымит,
когда с вершины башни
осядет шепот в подворотни,
когда бездомный голос поездов
к нам долетит —
приходят горожане к побережью,
стоят у моря,
молча
смотрят вдаль.
То здесь, то там
в вечерних сумерках,
когда вода напоминает
вдруг осиянные любовью очи
в прозрачной синеве осенних дней,
под криками смятенных птиц
перед началом ледохода,
окрашенного серыми тонами, —
стоят на парапете люди
и молча на море глядят.
Я вижу сквозь вечерний воздух
их очертанья в контурах свеченья,
их темные фигуры у воды,
у скал прибрежных, на камнях.
Так в бессловесном разговоре с морем
людей я вижу,
и в мгновенья эти
они всего мне ближе и понятней.
В умах лишь человеческие мысли.
Иначе для чего им приходить,
стоять, молчать,
смотреть на море.

КОГДА БЫ ОЖИЛИ МЕЧТЫ

Когда бы ожили мечты,
то вознеслась бы со стены барака
ввысь эта бабочка,
ввысь эта бабочка...
Ее изобразил ребенок так, как дети лишь
изображают, —
широко-пестрокрылое созданье,
лик человека,
большие черные глаза,
и нос, и рот...
«Но я не видела в природе бабочки,
в природе лагеря их просто нету...»
Дитя мое, поэзия перед тобой бессильна,
она витает над твоим терпеньем,
не в силах выразить его словами!
Но эта бабочка сама поэзия,
она душа крылатая твоя,
над мерзостью и смертью воспарив,
она к нам обращает
большие грустные глаза...
Когда навек умолкнет гром войны,
то на стене барака оживет
вот эта бабочка, взлетая,
и с миром канет в забытье
глухая скорбь —
река, что рвется к морю.
Скорбь выкричит себя до дна
и с миром канет в забытье,
конечно, лишь тогда,
когда умолкнет гром войны навек.

ТВОЕ ЛИЦО

Твое лицо —
игра можжевельника
с солнышком рыжим,
ветра игра с песком.
Твой лик растворился во мне.
Твое лицо —
весенние токи реки,
там узлы перекатов,
водоворотов ярость,
верхушки затопленных рощ.
Вливается лик твой в меня.
Твое лицо —
ледовое поле,
у разводий
всплеск гордых орлов, объятых любовью.
Скрывается лик твой во мне.

Когда ты заснешь,
лицо твое в мягких ладонях моих.
Обдуваю я пух одуванчиков,
он плавает в комнате
и исчезает во мне.

ЭЛЕГИЧЕСКИЙ ХИЙУМАА

Остров в тумане. Серо-зеленая чайка,
крылья раскинув, парит надо льдами
морскими.

Перья взъерошены,
корней узловатые пальцы
в землю морскую вцепились.
И всюду поющий песок.
Из-под корней вылетают песчинки,
поют, застывают.
Бабушкин добрый подол
опустел от подарков.
И дети уходят.
Ярок до боли глаз маяка.
Маяк
посылает вослед уходящим
строки пламенных писем.
Далекая гавань, рассеяны в море
чада твои!
Остров средь ветра. Гнезда ветров
меж скрипучих ветвей.
Ветер, отважный свистун!
Ветер ходит играть по домам.
Ветер моет оконные стекла зари.
Ветер кудри расчесывает старикам.
Ветер ворочается в печи.
Земля и море. Птичья колыбель,
свисающая с облаков.
Дети уходят,
дети приходят,
и снова и снова
баюкает бабушка их,
колыбельную песнь напевая.

Владимир
БЕЭКМАН

ДОЛГО ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ ОКОПАМ?

Нынче, земли долгожители,
врезаны в землю окопы,
цепкой травою поросшие
в пряном бору на холмах,
дерн проржавевший меж сосен,
ржа от остывших осколков,
что раскаленными были,
быстрыми были, как смерть.
Нынче они долгожители,
воинский век пережившие,
умерли те, что копали их,
даже могилы разрушились,
писем поблекли слова,
память вдоль кромки окопной
ходит бессонно, сурово,
помнит окопы земля.
Бродит окопами память,
в зарубцевавшихся ранах
ноет и ноет она
и в нераскрывшихся ранах,
в тех, что еще созревают,
зреть им — в бряцании стали.
А от бряцания стали
могут родиться окопы.
Стонет в окопах земля.

КОРАБЛИ УХОДЯТ

Корабли уплывают и чалятся,
в порту неустанна страда.
Хоть и издали возвращаются —
вновь уйдут на рассвете суда.
Вдаль уходят любими дорогами,
штормовые часы нелегки...
Их огнями зовут одинокими
в тихих гаванях маяки.

Корабли уплывают и чалятся,
время так быстротечно в порту.
Хоть и издали возвращаются —
вновь уйдут корабли поутру.
Чайки взмахами торопливыми
провожают от берегов.
Сделай, жизнь, моряков счастливыми,
ждет земля к себе моряков.

●

Когда ты рядом и со мной —
мне не пристало говорить,
все ясно мне, как дважды два,
понятно все само собой.
Но лишь гляжу — уходишь ты,
и в миг рождаются слова,
так много слов, так много слов,
что их на всю хватило б жизнь.
Да, лишь замечу твой уход —
во мне тоска и пустота,
и взгляд твой, как провидца взгляд,
до сердца моего дойдет.
Я верю — ощущаешь ты,
что, отлучаясь хоть на миг,
с собой тепло души моей
уносишь ты,
уносишь ты.

Перевел с эстонского
Олег ШЕСТИНСКИЙ.

Арви **СИЙГ**

ОКНА

Окно — как око. До чего их в мире много!
Что мир без окон? Слеп, как склеп, наверно.
Смотрите: мрак в окне. В том — нежность.
В том — тревога.
Но смотрят в жизнь все окна непременно.
Вот моет женщина окошко под коньком,
как мордочку котенок умывает.
Окошко детства вечным огоньком
сквозь чашу времени привет нам посылает.
Гроссмейстер-город ночью двигает фигуры
огней оконных, как коней неугомонных.
Сцепились правда, ложь, как знаки партитуры.
Глядят друг в друга два окна — всю ночь —
бессонных.
Окно погаснет, а другое заблестит.
Одно опустит, а одно поднимет веко
и бровью шевельнет, и сразу зазвучит
восторг прозрения в груди у человека.
И смотрят окна радостно, печально
на все победы, беды, огорченья.
Нас учат книги. Но первоначально
пришло от окон мироощущенье.

Перевел с эстонского
Борис ШТЕЙН.

Пауль-Эрик **РУММО**

СЛУШАЮ БЕГ ОБЛАКОВ

Лежа в высокой траве, я все вижу глазами
закрытыми.
Сердце твое раскаленное — камнем в груди
у меня.
Что за любовь набухает, гудит незнакомыми
ритмами.
Долги, обязанность — имя ее. И тоска ей —
родня.
Слушаю бег облаков.
Дышит, качается крона протяжно шумящего
клена.
Роем пчелиным как будто туча его обняла.
Жаркого жаждет дыхания строчек свободное
лоно.
Яркий пробел зарубцуется. Темная туча светла.
Слушаю бег облаков.
Ветви бескровные птицы свистом исполосуют.
И разнесут их по ветру. Солнце на миг ослепит
сталью пронзительной. Сердце пред сталью
пасует.
Круговращение крови во мне, как стремнина
кипит.
Слушаю бег облаков.

Вийви **ЛУЙК**

●

Тонкое запястье
часики сжимают.
Лекции и судьбы равно состоят
из секунд стремительных... Вновь меня пугает
пальцами захватанный тусклый циферблат.
Снова день запаздывает... Снова на
мгновенье...
Потускнело стеклышко. Вроде пустяки —
вижу, но царапины притупляют зренье.
Вижу, но снимаю часики с руки.
Время — кратко. Вечность — дольше: вдвое,
втрое?..
Где же остановится стрелка — знать хочу.
Молодо лицо мое — зрение плохое.
Влажною ладонью век свой различу.

●

Медленные пальцы по бумаге
водят осторожный карандаш.
Он добру сопутствует в отваге.
Но и зла неистребимый страж.
Ветер? Время? Улица развится?
Кто там?.. Возле белого листа
сердце бессловесно шевелится.
И не могут вымолвить уста.
Почему у времени любого
боль своя, роднящая людей?
Пальцы пишут... Боль из плена слова
вырвется всесильностью своей.

Матс **ТРААТ**

ДЕНЬ ШТОРМА

К заливу все бегут — и взрослые и дети.
Как в море взвихрил шторм, так волосы им —
ветер.
В восторге мальчуган. Ишь, на отце гарцует.
Хотя песок метет и по лицу лупцует.
Прогнозы обсудив, изложит кто-то где-то
воззрения свои на шторм в начале лета.
Который грянул враз — светло и вдохновенно.
И листья, и песок взметнулись ввысь, и пена.
Осколками стекла сверкает солнце остро.
Вершат свой мощный бег седые волны грозно
Над берегом моим, над скалами пустыми,
где чайка поднялась, застыв, как в диафильме.
Где ржавчину с души шторм рашпилем
сдирает.
И зрение вострит, и силы прибавляет.
Отчаянью конец. Смотри, какие лица
бывают у людей сплоченных. Шторм ярится.
Из года в год — века — природа, духу вторя,
как будто бы орган, настраивало море.
Поразмышляй о том... Смотри, как волны
кружит,
Покуда длится шторм, ничто их не заглушит.
При свете их в тебе прояснится природа.
Поднимутся леса, где пряталось болото.
Под грохот штормовой душа слышнее стала.
Кукушка в тех лесах уже закуковала.

Перевел с эстонского
Александр ЗОРИН.

ГОЛОСА ОСТРОВА

Нина ХРАБРОВА,
фото Виктора САЛЬМРЕ

Не столь давно, даже после войны, на Сааремаа с материка было трудно добираться. Вспомнишь долгое сидение на причалах, качку в проливах, тряску по узкоколейке — и прямо изумишься теперешней простоте поездки на остров. В летнюю погоду несколько сорокапятиминутных рейсов в день. В нелетную — три часа автобусом, через пролив в любое время года на пароме-ледоколе, сидишь в теплом салоне и беседуешь с попутчиками. Потом еще часок на автобусе по мухуской дороге да по дамбе — и вот ты уже в столице острова, в Кингисеппе.

Зима здесь нынче хороша, обычно ее из-за того, что остров окружен неглубокой теплой водой, почти не бывает — так, слякоть. Теперь же остров похож на пышно взбитую пуховую подушку — такие тут снежищи. Солнце встает и садится в морозной дымке, днем то серебряные метели метут, то сизые туманы наплывают.

...Первое знакомство — с избранником островитян, депутатом Верховного Совета СССР Раймондом Йыэару.

— Я обыкновенный человек,— сказал он,— таких на острове сотни и тысячи, вы еще убедитесь в этом и сможете поверить, что в моих словах нет ни малейшей рисовки. Я такой же, как все. После института работаю здесь, в колхозе «Каарма», инженером по строительству. А строительство нынче такое дело, что вокруг него все вертится. Главная моя цель — строить много и хорошо. Но приходится теперь заниматься не только делами строительными—идут ко мне, депутату, мои земляки, чаще с разными нуждами. У нас ведь на острове свои проблемы, и непростые. Но не поговорить ли нам обо всем этом после, когда вы вдосталь наглядитесь, наслушаетесь?

И зазвучали, запросились в сердце голоса острова.

ГОВОРИТ ИСТОРИЯ

...«Наш остров появился на свет раньше, чем сама Эстония,— обязательно скажут его патриоты.— А в начале нашей истории он был населен плотнее, чем материковая Эстония».

И еще скажут:

«Разве есть в Европе такое государство, которое могло бы похвалиться метеоритом в 450 тонн? Видно, 2700 лет назад он нигде лучшего места не нашел, прямо к нам и свалился».

У островитян разговоры без шутки, хотя бы и самой простенькой, не приняты. Но и геофизика и история на их стороне. Действительно, десять тысяч лет назад из-под тающего льда раньше, чем глыба материка, поднялось невеликое отложение из осадочного камня силурийского периода — доломита и известняка. С тех пор остров неуклонительно отвоевывает у моря миллиметры и сантиметры и все время растет. Насчет метеорита тоже верно, и насчет плотности населения — археологические находки, древние городища все подтверждают.

Долгие века, морские невзгоды, скупая земля, холодные ветры. Люди отважные и с веселым характером. Каким шестым чувством узнавали они цену свободы, ее правду? С XIII века неизменно восставали против агрессии с запада. Рыбаки и земледельцы первыми принимали удары и первыми поднимали восстания против феодалов, меченосцев и крестоносцев. И не одну победу одержали в союзе с Русью.

Бывали и поражения, и меченосцы ставили на острове сумрачные храмы-крепости, а в XIV веке построили замок епископа Эзельского (Эзель — так много веков назывался остров). Замок держал народ в подчинении. Позднее вокруг него вырос городок Аренсбург-Курессааре-Кингисепп. Старинное название Аренсбург переводится как «Орлиный город» — ну, это понятно: претенциозность завоевателей; эстонское Курессааре — «Журавлиный остров», тоже понятно: простое и доброе. Но больше всего соответствует характеру острова, характеру города нынешнее его имя — Кингисепп.

ГОВОРИТ РЕВОЛЮЦИЯ

Раньше эту улицу недалеко от стен замка, на краю парка так и называли Парковой. Аллеи и тогда уже были старинными, тенистыми. Сейчас могучие деревья по колено увязли в снегу, мальчишки проложили в его белизне голубые лыжни, красногрудые снегири облепили домики-кормушки. Девушки кормят орехами ручных белок. По краю парка проходит улица Кингисеппа, здесь и стоит домик, где жил человек, давший новое имя городу, улице и еще одному городу — в России. На первом этаже дома, ставшего музеем, традиционная литературная экспозиция. В мансарде спаленка мальчиков, двух гимназистов начала века — Виктора и Оскара. Спартанские кровати под жесткими одеялами. В витрине лежит черная гимназическая фуражка и кожаный ремень с медной пряжкой. На пряжке буквы «А. Г.» — Аренсбургская гимназия. Семья переехала сюда с другой окраины в 1888 году, когда Виктору не было и года. Прожил он здесь до 1906, до окончания гимназии, пережил и передумал революцию 1905 года. Отсюда, из гимназического кружка самообразования, дороги увели его в гущу революционных битв. Это он создавал первую большевистскую эстонскую газету «Кийр» («Луч»). Были годы легальной работы; еще больше на нелегальном положении.

В 1917 году он стал заместителем председателя Военно-революционного комитета Эстляндского края, в 1918-м — одним из организаторов обороны Ревеля (Таллина) против кайзеровских и белогвардейских войск. Потом — Петроград. Кингисепп — член Всероссийского Центрального исполнительного комитета, участник разработки декретов ВЦИК. Работал в ВЧК, расследовал дело о мятеже левых эсеров, был следователем по делу шпионской организации Локкарта. А потом снова в Эстонии, на нелегальном положении, конечно. Эстония раздирана противоречиями, главная забота охранки — погоня за Кингисеппом, ибо имя его в те дни значило — революция. Почти четыре года подполья. Предательство — и Кингисепп в лапах политической полиции. В островном музее хранится его последняя фотография, сразу после ареста — в рубашке, босой, руки скрещены на спинке стула, весь — вызов и непреклонность.

Суд. Короткий, поспешный. В Таллине уже прошел слух об аресте Кингисеппа, на заводах шли митинги.

— Кто вы по профессии? — спрашивает судья.

Кингисепп не называет своей профессии юриста, он, наверное, забыл о ней в эту минуту.

— Ниспровергатель буржуазного государства!— надменно отвечает он.

Потом пытки и расстрел в песчаном карьере у озера Юлемисте. И последние слова хриплым голосом:

— Да здравствует Эстонская Советская Республика!

Отныне всем последующим поколениям острова суждено гордиться лучшим, достойнейшим своим сыном, вспоминать Кингисеппа. И тех, кто брал с него пример. Их было шестеро в семье Элламов. Только одна умерла естественной смертью, остальные погибли в годы буржуазного террора. Первой пала Мария Эллам. В 1919 году, когда буржуазия мобилизовала островитян на борьбу с Советской Россией, она была во главе тех, кто повернул штыки против своей буржуазии и стал на сторону русской революции. Своей революции. Марию расстреляли каратели. Ее брата Александра островитяне девять лет — целых девять! — прятали, и погиб он в случайной перестрелке, а до этого сумел создать на острове подпольную типографию, выпускал газету и листовки. Так, один за другим, пали молодые Элламы. И много других — они родились здесь, здесь боролись с буржуазией, здесь пали смертью героев революционных битв.

В феврале 1922 года, незадолго до гибели Кингисеппа, в рыбачьей деревне Когува на Муху появился на свет еще один островитянин, принесший Эстонии славу,— народный писатель республики Юхан Смуул. Верный традициям земляков, он воевал на фронтах Великой Отечественной и после войны заявил о своем духовном настрое в полный голос. «Я — комсомолец» — так назвал он одну из самых сильных своих ранних поэм. Остроумный, пристрастный, горячий человек, он рано ушел из жизни. Творчество его осталось звездным часом эстонской литературы.

Удивительно, но это именно так: маленькие острова дали эстонской литературе больших, известных далеко за пределами республики писателей: Дебора Вааранди, Ааду Хинт, братья Юло и Юри Туулик — островитяне, и голоса их чисты, верны и бескомпромиссны...

ГОВОРЯТ ФАКТЫ

Первый земледельческий колхоз в Эстонии был создан в 1947 году на Сааремаа. Первый в Эстонии рыболовецкий колхоз — тоже на Сааремаа.

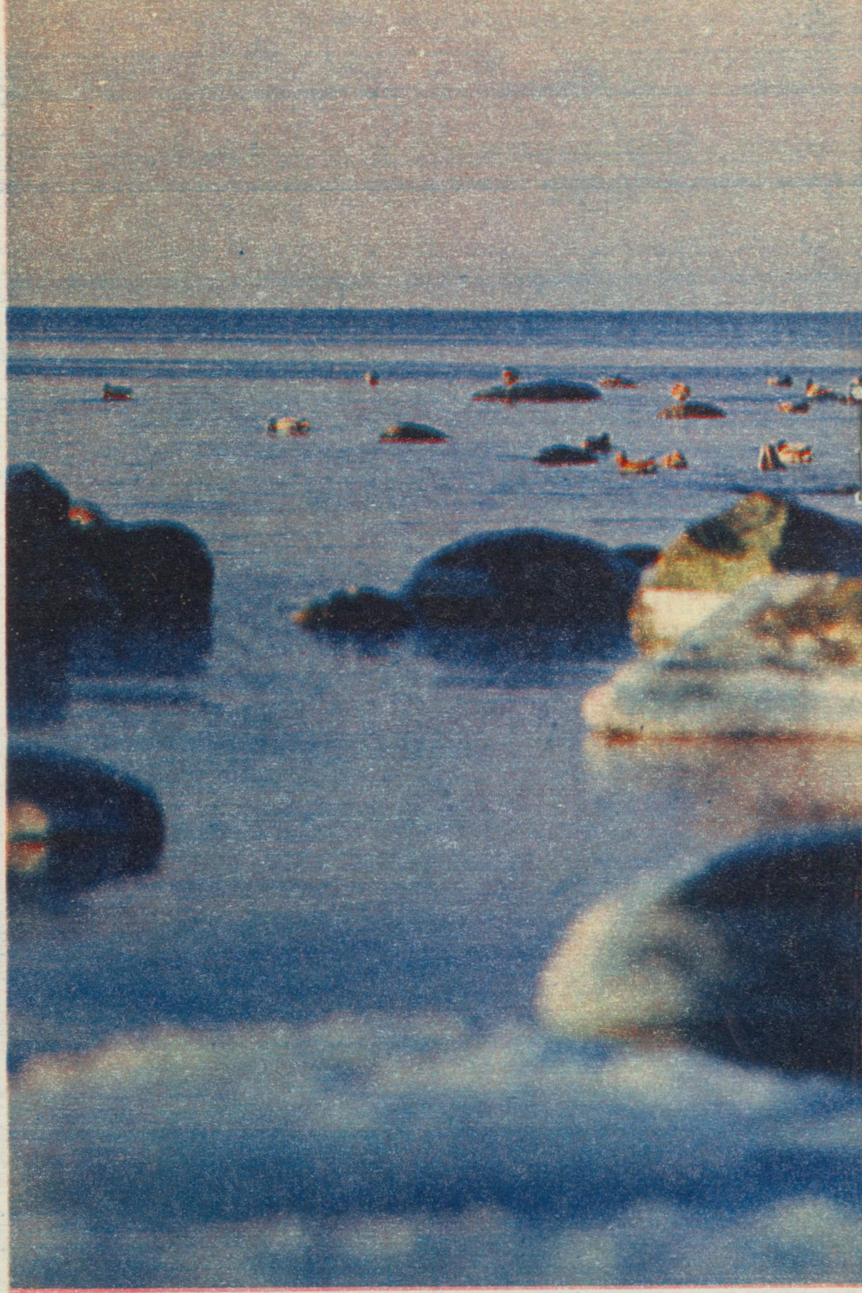
В 1945 году сааремааские рыбаки-единоличники во всей прибрежной акватории выловили 738 тонн рыбы. В 1948 году, в год образования первых колхозов, в этой же акватории почти теми же орудиями лова, только обобществленными и объединенными в коллективные хозяйства, было выловлено 2349 тонн.

В 1981 году колхоз «Сааре калур», укрупнившийся из 26 мелких артелей и располагающий пятью океанскими судами, дал государству 27,5 тысячи тонн рыбы. Это почти в два раза больше, чем улов самого прославленного в республике, да и не только в республике, материкового колхоза имени Кирова.

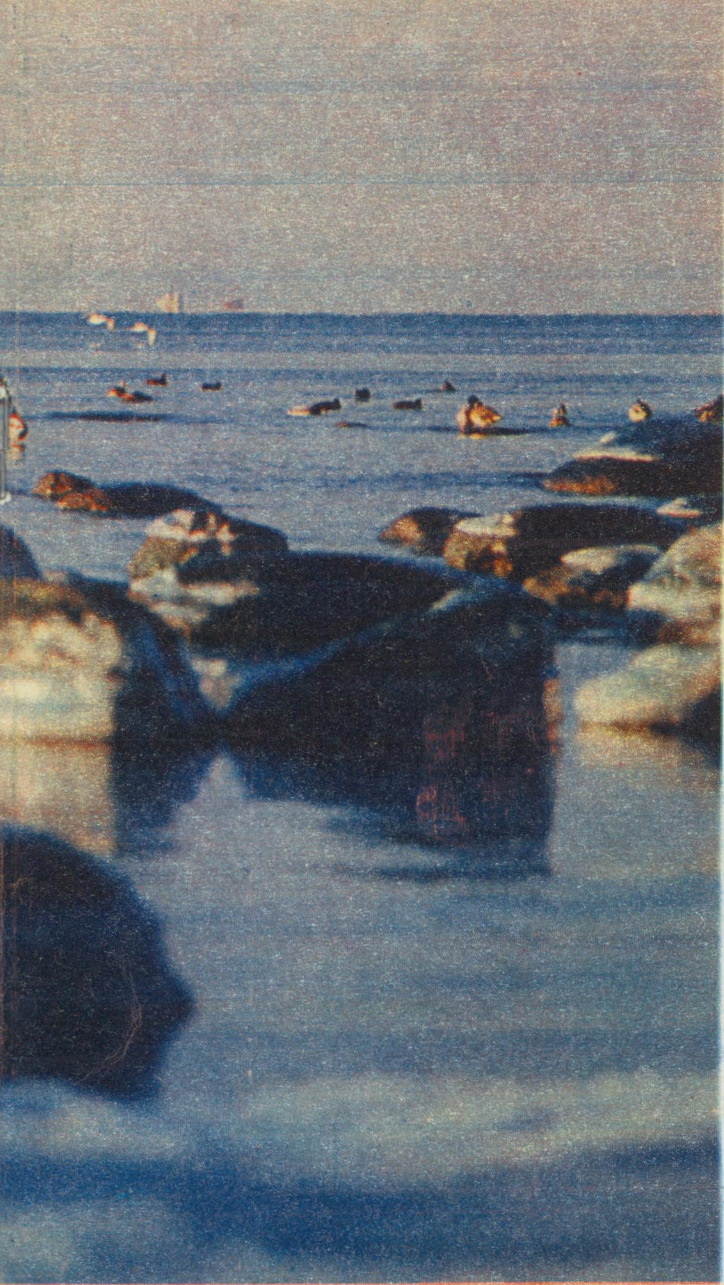
— До войны у моего отца был один гектар земли,— рассказывает Раймонт Трууверк, за-

Сааремаа. Зимнее утро * Депутат Верховного Совета Союза ССР Раймонд Йыэару с женой Лейли, дочерью Эрет и сыном Рометом.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Лайне Тююр из деревни Когува, единственная на острове женщина-рыбачка * Море и берег * Насва — одна из гаваней колхоза «Сааре калур» * На капитанском мостике парома «Когува».

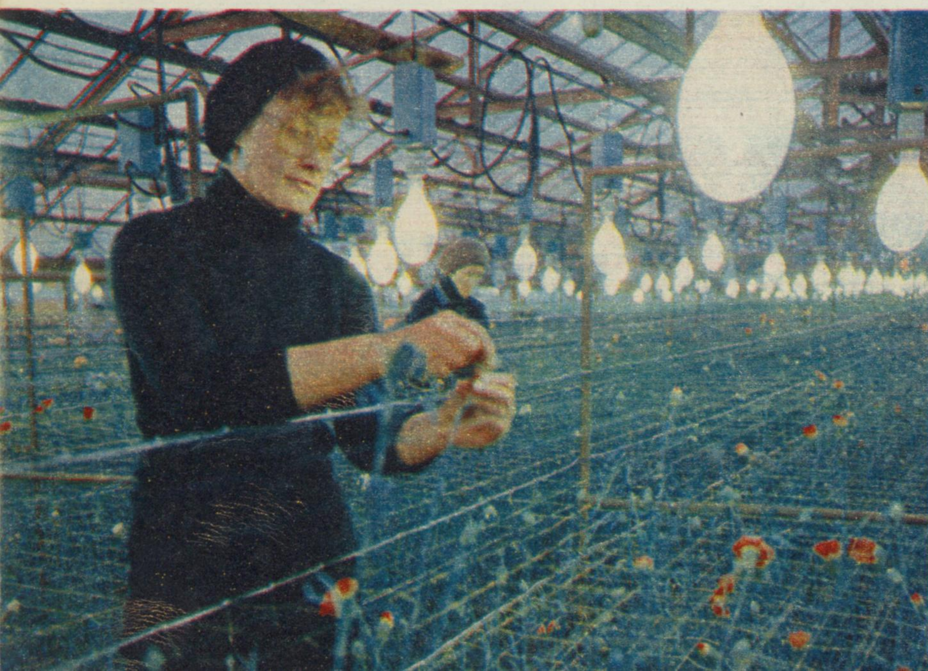

меститель председателя земледельческого колхоза «Каарма».—С него, руками оглаженного и политого потом, отец снимал по десять центнеров зерна. Случилось раз даже и пятнадцать — это было неслыханным счастьем. Теперь в нашем колхозе «Каарма» пять тысяч триста семьдесят гектаров пашни. В урожайный 1977 год мы получили по 37 центнеров с гектара. И даже в неурожайном 1981-м — по двадцать семь. А земли у нас, одним словом, плохие — сплошняком известняк под тонким слоем почвы. Зато люди хорошие, в понятие чести у них прежде всего входит добросовестный труд. Они не требуют от колхоза только «дай», но и говорят «возьми»... На материке считают так: «Островитяне честны, трудолюбивы, но... и чудаковаты тоже». М-м-м, да. Наверное, так это и есть. Но хотел бы я, чтобы так оно и оставалось...

Население Кингисеппа с довоенных лет увеличилось втрое. Вокруг старого города выросли улицы нарядных индивидуальных домов, за ними — новый современный микрорайон имени Смуула, а с другой стороны строится еще один жилой район для рыбаков колхоза «Сааре калур», у него даже пока и названия нет, может быть, назовут "Роза ветров». Два колхоза — «Каарма» и «Сааре калур» — с двух концов вплотную подступили к городу. Горожане работают в колхозе, а колхозники живут в городе. Возможно, что вот так и пойдет тут жизнь — люди будут жить в Кингисеппе, в современных колхозных центрах, вокруг — большие урожайные поля, а за ними вековечное рыбацкое море.

ГОВОРЯТ ОСТРОВИТЯНЕ

Раймонд Й Ы Э А Р У.

— Надеюсь, вы не относитесь к числу тех журналистов, которые на журнальных или газетных страницах грустят, что кончается время столетних, по окна ушедших в землю изб. А то нам обидно бывает — мы строим новое, а работу нашу будто и не замечают. Хотя не заметить ее невозможно. Силосные башни, высокие зерносушилки, построенные по нашим собственным проектам, рыбоперерабатывающие заводы, крупные животноводческие комплексы, новые колхозные центры совершенно изменили вид острова. Разве он стал хуже от новостроек? Разве наши знаменитые можжевельники и валуны от соседства с ними потускнели? По-моему, наоборот — и новостройки и можжевельники, соседствуя, только выигрывают.

В строительных делах мои депутатские заботы совпадают с личными, инженерными. Вы видите, зима такая снежная, а строители наши работают. Новые склады, зернохранилища, административные здания должны быть готовы к сроку, в зимнюю спячку впадать некогда. Согласитесь, строитель в нашем обществе — одна из центральных фигур. В колхозах уже есть свои отделы и группы проектировщиков. Но не все по-доброму заботятся о строителях. Один их вид чего стоит — замасленные, раствором заляпанные. Потому и стараются надеть на себя что похуже. Им безотлагательно нужна спецодежда—удобные комбинезоны из прочной ткани с множеством карманов и карманчиков для инструмента. Я бы даже предложил для них щеголеватые комбинезоны— молодые парни охотнее бы в строительство шли. Инструменты — тоже проблема. Как нужны нам электродрель, электрорубанок, электропила! Вот я и ставлю в первый ряд моих депутатских забот обеспечение строителей самым необходимым.

Или вот, скажем, тракторы К-700. Великолепные машины — для степей. У нас тут тесно, слой земли тонок. Нужны более легкие, мобильные машины. Оттого, что работа эта трудна, у нас трактористов все еще не хватает, несмотря на высокий заработок. И с доярками проблема. Заработок у них—300—400 рублей в месяц, а девчонки все о городских танцзалах мечтают, материк их зовет, жить и работать там легче, интереснее. Я не осуждаю их, я себя осуждаю: надо позаботиться о том, чтобы жизнь у нас стала такой же интересной, как в городе. Надо создавать на острове свои культурные островки. Как создавать? А при школах! Нам проще всего пристроить к существующим школам новые блоки со спортивными залами, плавательными бассейнами.

На острове у всех есть телевизоры. Но принимаем только таллинскую программу. Мало. Островитяне хотят Москву и Ленинград смотреть, телепрограммы соседних республик.

Или такая проблема: климат и земля у нас хуже, чем на материке. А оплата за наш более тяжелый труд такая же. Наверное, это неправильно, пересмотреть надо оплату в соответствии с климатом и почвами. И еще. В последние годы к управлению хозяйствами приходят молодые люди и, как правило, с высшим образованием. Это хорошо. В одном нашем колхозе «Каарма» тридцать три специалиста с высшим образованием, восемьдесят восемь — со средним. А коль скоро он специалист, то признает только свою узкую специальность. По собственному опыту знаю — вернулся домой и чувствовал себя инженером и только инженером. Потом поумнел, поступил на шестимесячные сельскохозяйственные курсы при Эстонской сельхозакадемии. Сейчас по-иному свои проблемы вижу. Все мы — инженеры, учителя, капитаны, ихтиологи,— все живем на островной земле, едим наш хлеб, пьем наше молоко, как же нам не знать забот тех, кто непосредственно за землей ухаживает, кто своими руками кормит животных?..

...Вот такие они, сегодняшние заботы депутата с маленького острова. Они, конечно, не похожи на проблемы шестидесятилетней или сорокалетней давности, когда островитянин в ольховой своей лодчонке был беззащитен перед морской стихией; когда мир делился на бедных и богатых и бедный ничем не был защищен от алчности богатого; когда тогдашние депутаты считали островитян людьми второго сорта. Теперь жители острова даже особым уважением пользуются на материке за их трудолюбие и честный характер. И цели у них, как и у всех советских людей, сводятся к коммунистическому созиданию, к сохранению мира на земле. Мир ведь особенно дорог там, где опустошительно пробушевала война. А здесь, на маленьком кусочке камня и земли, среди моря сорок братских могил, одиннадцать монументов. Тяжкая память минувших сражений...

Антс Т А М М Л Е Х Т,
заместитель председателя колхоза «Сааре калур».

— Я потомственный рыбак, отец, и деды, и прадеды ловили рыбу. После окончания экономического факультета Таллинского политехнического института я вернулся сюда, чтобы модернизировать управление хозяйством, строить работу так, чтобы лов был выгоден для людей, чье тысячелетнее призвание — труд в море. Нет у нас необходимости заниматься чужеродными подсобными промыслами, мы в своих подсобных комплексах разводим рыбу. В хозяйствах Пяхкла и Пидула на теплых источниках в садках у нас обитают сотни тысяч штук радужной форели, пытаемся приучить к здешним водам дальневосточную рыбу — кижучей и даже осетров. В заливах Унду и Арью, огороженных дамбами, занимаемся разведением ценнейшей рыбы — угрей. И все же главное наше дело — море, еще главней — океан. Суда отправляем в Атлантику надолго — на два с половиной года, пока не придет срок капитального ремонта. Вахты, разумеется, меняются: улетают в Атлантику и возвращаются домой на самолетах. Современное рыбное хозяйство — это индустрия, все должно быть рациональным, удобным для людей, выгодным для государства.

Лео Н И П С У С Т, главный специалист по социальному развитию колхоза «Сааре калур».

— Я тут человек пришлый, родом из Тарту, по образованию философ. Меня сюда жена, журналистка Энда Наабер, перетащила с материка, зов острова не давал ей покоя. Поехал, но не понимал: что же я на Сааремаа со своим философским образованием буду делать? Однако сразу же выяснилось, что острову я нужен: в колхозе «Сааре калур» 1886 членов профсоюза, 380 коммунистов, 230 комсомольцев. И хозяйству нужен был план социального развития. Я почувствовал острый интерес к этому труду, открывающему простор для мысли и путь к сердцам людей. Тем более, что труд этот давал возможность науке встать во главе формирования мировоззрения, культурных запросов, производственных и семейных отношений. Теперь план готов. И выкристаллизовалась тема моей будущей диссертации — «Стандарт управления социальным развитием коллектива». Стабильные правила управления большим хозяйством (короче — стандарт!) позволят руководителям чувствовать себя более уверенными.

Сирье А В И Н Г У, биолог.

— Я тоже окончила Тартуский университет. Остров выбрала сама — хотелось пожить среди здешних людей. Приехала, сошла с парома, и... чуть было не отправилась назад этим же паромом: холод, метель, ветер со всех сторон. Хорошо, что раздумала. Теперь остров стал моим домом, у меня здесь друзья. Право, даже если погонят, не уеду. Шучу,— никто меня не погонит, я здесь нужна, потому что островитянам нужны цветы. Раздобыла для оранжерей самые лучшие сорта из Латвии, и вот видите — целые цеха цветов. Вчера я достала розы, надеюсь, что самые активные зацветут. А цветоводство для нашего колхоза «Каарма» — статья дохода. Но я думаю и о другом: если людям постоянно нужны цветы, не значит ли это, что что-то в их жизни изменилось к лучшему?

...Мой блокнот разбух от дополнительных вкладышей. Надо бы еще рассказать о новой грязелечебнице и о предстоящем строительстве пансионата при ней; о детях острова — художниках, музыкантах, спортсменах и просто о здоровых, краснощеких крепышах-снеговиках, летающих на лыжах и на санках в облаках снежной пыли; о Кингисеппском народном театре, отмечающем свою девятнадцатую годовщину. И, конечно же, о Юхане Сааре. О, Юхан Саар — это как раз тот сааремааский чудак, что украшает племя островитян. Он коллекционер старинных книг и разных древностей.

— За коллекции жену надо благодарить,— говорит Юхан Саар.

— Помогала?

— Не-е, помогать не помогала. Но не бранила. Первую-то книгу я купил, когда мне девять лет было. А потом все свои заработки — на коллекции.

И такие у него книги и такие скрипки, гармоники, старые патефоны, и так у него их много, что с трудом уместилось все в дом, построенный колхозом «Каарма» специально для его коллекции.

Но ведь обо всем не расскажешь.

Пусть же вовремя идут на острове снега и дожди, пусть в положенную пору светит солнце. Пусть плодородными будут поля и море до краев наполнится рыбой. А сердца островитян останутся отважными и открытыми.

Бывшая весовая — памятник архитектуры XVII века в Кингисеппе * Стоят на площади повстанцы 1919 года * Так начинается путь в искусство * Сирье Авингу — покровительница цветов * Репетиция перед премьерой в Кингисеппском народном театре.

ИСКУССТВО СТРАН СОЦИАЛИЗМА

Ю. КОЗЛОВ,
С. МАРКОВ

Специальные корреспонденты «Огонька» побывали у кинодокументалистов из ГДР Герхарда Шоймана и Вальтера Хайновски. Часто их фильмы начинают путешествие по экранам мира с премьер в Московском Доме кино, часто показываются по советскому Центральному телевидению. «Пилоты в пижамах» — о судьбе американских летчиков, воевавших во Вьетнаме, «Война мумий» — о событиях в Чили, «Человек, который смеется» — о наемных убийцах в Африке... Эти фильмы запомнились, они произвели огромное впечатление — правдивостью, добротным знанием фактов, публицистической страстностью, верой в доброе начало в человеке, в торжество справедливости...

Фильмы кинодокументалистов дважды были удостоены Национальной премии ГДР, им присуждались премии на кинофестивалях в Москве (1977 год — Золотой приз), в Испании (1978 год — Гран-При), фильмы отмечались почетными дипломами в Тампере, Кракове, Барселоне...

Г. Шойман и В. Хайновски.

КИНОКАМЕРА ИДЕТ В БОЙ

...— Уже вечером одиннадцатого сентября 1973 года, в день фашистского переворота, Пиночет передал должность президента Центрального банка Чили генералу Кано,— рассказывает Герхард Шойман.— Мы с Кано встретились через несколько месяцев. Ожидая установки нашей камеры, генерал суетливо пытался помочь, советовал, потом достал из сейфа коробку с чилийскими банкнотами, только что изъятыми из обращения,— для наглядности. Торопливым почерком ручкой на банкнотах были сделаны надписи: «Хунта militar де ладронес» (новый режим метко окрещен «бандой воров»). На изображении Чукикаматы — самого большого медного рудника Чили — надпись: «Они снова отдадут его американским боссам!» Были и слова: «Да здравствует народное единство! Альенде жив!» Надписи на ассигнациях выражали отношение народа к диктатуре Пиночета. На банкноте в пятьсот эскудо к устам горнорабочего подрисованы слова: «Мы проиграли одно сражение, но борьба продолжается!»

Борьба продолжается...

Слова эти в полной мере выражают главную идею, главную тему творчества кинодокументалистов из Германской Демократической Республики.

...Мы сидим в рабочем кабинете студии «Хайновски и Шойман». К сожалению, Вальтер Хайновски не смог прийти в студию в назначенное время.

Разговаривая с нами, Герхард Шойман еще держит в руке толстую пачку писем,— когда мы вошли, он разбирал утреннюю корреспонденцию. На стенах — политическая карта мира, политические и географические карты континентов и стран.

— В СССР прекрасно знакомы с вашим творчеством, но читателям «Огонька» было бы интересно узнать: что остается за титрами «Хайновски и Шойман»? — спрашиваем мы.— Как вы познакомились, давно ли работаете вместе и как? Каково разделение труда в вашем содружестве?

— Мы оба начинали на телевидении. Вальтер был редактором международных программ и как раз делал фильм о фашистах Западной Германии. Я же,— рассказывает Шойман,— занимался внутренними проблемами нашей страны. Познакомились мы случайно, в коридоре, а может, и в буфете, не помню... Но подружились сразу надолго,— Герхард улыбается,— и всерьез. С 1965 года, с первого нашего фильма студии «Хайновски и Шойман» о белых наемниках в Африке — сняли больше сорока фильмов.

Еще до знакомства каждый из них мечтал создать собственную творческую группу, где все бы понимали друг друга с полуслова. Сегодня мечта не только сбылась, но и превзошла их ожидания. Под знаком «Studio H. S» работает большой дружный коллектив — двадцать четыре человека,— в котором каждый незаменим, и выходящий на экраны фильм — это не только их работа, бессонные ночи, но и их призвание, их борьба.

— Коллектив подбирался по принципу неравнодушия,— продолжает Шойман,— по способности к самоотдаче. Фильм делается единомышленниками в главном: в неприятии насилия, унижения человеческого достоинства, произвола над личностью. Состав группы практически не меняется. А наше с Вальтером разделение труда? Мы равноправны. Может быть, Хайновски немножко больше оператор и сценарист, а я — режиссер, но идею фильма, концепцию, его сверхзадачу и все конкретные проблемы, возникающие в ходе работы над фильмом, мы решаем сообща и совершенно согласны с вашей русской поговоркой: «Одна голова хорошо, а две лучше!»

— Как рождаются сюжеты для ваших фильмов?

— По-разному. Очень помогают письма, которых, как вы сами видите, приходит очень много. Нам пишут со всего света. У нас много друзей, искренних, понимающих, старающихся по-настоящему помочь. К сожалению, по понятным вам причинам, фамилий их назвать нельзя. Что же касается Чили — об этой стране мы сняли девять фильмов, и тему эту оставлять не собираемся,— то еще до переворота 1973 года у нас были контакты с высокопоставленными людьми — гражданскими и военными, которые впоследствии предали Альенде, но уже и тогда не скрывали своей ненависти к правительству Народного единства. Тем более что мы не акцентировали внимания на том, что приехали из социалистической страны. Мы представлялись журналистами из Германии. Кроме того, мы общались с представителями разных социальных слоев: интеллигенцией, рабочими, крестьянами,— внимательно следили за мировой прессой.

Необходимо доскональное знание политической ситуации в стране, обстановки в мире вообще, расстановки политических сил — и, может быть, главное — интуиция, чутье. Чтобы снять хороший фильм на определенную тему, надо очень долго заниматься этой темой, жить ею. Такому отношению к профессии мы учились у нашего хорошего друга, одного из крупнейших мастеров документального кино, Романа Кармена. Мы учились умению полностью концентрировать свои знания, интеллект, профессиональный опыт на событиях в одной стране, будь то Чили или Вьетнам. О войне во Вьетнаме у нас 14 фильмов. Ведь нет страны, как «нет человека, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и также, если смоет край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе». Мы бы хотели, чтобы эти слова Джона Донна, взятые Хемингуэем эпиграфом к его известному роману, могли в каком-то смысле служить эпиграфом и к нашему творчеству.

— Ваши картины запоминаются яркими типажами. Как вы находите героев для фильмов?

— Иногда один человек, одна судьба может рассказать больше и ярче, чем многотомное исследование. Надо только найти такого человека. И мы ищем. По газетам, по документам расследований, по воспоминаниям очевидцев. Иногда такой человек появляется неожиданно, но часто мы ищем и конкретное лицо. Так искали встречи с бывшим агентом ЦРУ, который рассказал перед камерой о своей работе во Вьетнаме, о пытках, которые там применялись,— помните пытку карандашом, вставляемым в ухо подследственному? Так мы искали майора Мюллера, прославившегося своей изощренной жестокостью и «высоким профессионализмом» в Конго.

— Зрителей порой удивляет, как удается вам осуществлять съемку в труднейших, порой невозможных для работы журналистов условиях? Вы снимали концентрационные лагеря в Чили, самого ге-

нерала Пиночета, снимали наемников в действии, горы трупов в застенках Кампучии...

— Как и у всякой фирмы, у нас есть свои секреты, профессиональные тайны. Ну, а главное — журналистская хватка, напористость, хитрость, если хотите... Да, да, именно хитрость, сродни порой военной. Что поделаешь, в таком мире мы живем. Благодаря этой хитрости, например, нам удалось получить подписи на разрешение съемок чилийских концлагерей.

— И наверняка не раз вы рисковали жизнью?

— Как вам сказать... Ситуации бывали разные. Не всегда опасность заключалась в нацеленном на тебя автомате. В 1967 году во Вьетнаме мы попали под массированную бомбардировку американской авиации. В каких бы переплетах мы ни оказывались, главная цель — фильм, притом законченный.

Из окон кабинета видна улица, машины, разбрызгивающие вечером лужи, спешащие по своим делам люди. Вид, казалось бы, идиллический — мирная, спокойная жизнь. Но вот Шойман показывает на невысокую белую стену, разделившую улицу...

— Берлинская стена. Совсем рядом. Если бы добро и зло вот так же четко можно было разделить, как разделили когда-то Берлин... Мы, немцы, живем в центре Европы, и то, что делается по ту сторону стены, не может оставлять нас равнодушными. Мы встретили в Западной Германии молодого,— подчеркиваю, молодого! — человека, который высказывал фашистские идеи острее, еще с большим фанатизмом, чем его предшественники в гитлеровской Германии. Разоблачению неофашизма посвящен наш фильм «Человек без прошлого», он показывался по советскому телевидению.

В Чили было сложнее... Казалось, страна на гребне резких социальных перемен, еще немного, чуть-чуть — и правительство Народного единства, истинно народная власть, утвердится окончательно, наберет силу. Вдохновленные, мы снимали восторженный фильм о том, например, как детям в школах бесплатно дают молоко, как единогласно одобряют и поддерживают очередной указ правительства, как весело идет подготовка к аграрной реформе... А в это же самое время в дорогих кинотеатрах Сантьяго во время показа кинохроники при появлении на экранах Альенде зрители свистели и топали ногами и мгновенно замолкали, когда он исчезал из кадра.

В каждом фильме мы прежде всего сами ищем ответы на поставленные жизнью вопросы. Найдешь ответ, убедишься сам — убедишь и зрителя. Особенно трудно, по-человечески тяжело было нам работать в Кампучии, куда мы попали сразу после свержения кровавого режима Пол Пота. Трудно, во-первых, потому, что столкнулись с нечеловеческой жестокостью, сравнимой разве что с Освенцимом и Бухенвальдом. А во-вторых... Ведь все это прикрывалось красным знаменем, святыми для нас, коммунистов, идеями Маркса, Энгельса, Ленина... Кстати, накануне поездки в Кампучию я отметил тридцать лет своего пребывания в партии.

...Мы поднимаемся по лестнице на третий этаж, в монтажную. Здесь монтируется, озвучивается только что отснятый фильм о Кампучии «Экзерсис». Выключается свет, и на маленьком экране — страшные картины: горы черепов, истлевшие останки замученных людей, груды детской одежды, бетонные стены камер пыток...

— ...Апрель 1975 — январь 1979-го, над Кампучией господствует террор. Согласно маоистской доктрине «культурной революции», народ должен был «стать пустым листом, на котором мы заново напишем историю страны»,— это слова Пол Пота. Поэтому кровавый режим выступал не только против людей, но и против традиций.

Наследие древней, двухтысячелетней культуры было обречено на гибель, запрещены были и классические танцы кхмеров. А уже в сентябре 1980 года, на втором году Народной Республики Кампучии, в Пномпене снова была открыта Школа изящных искусств. В марте в классе танца занимались уже сто десять учеников. Когда мы получили приглашение посетить Школу изящных искусств, то изумились, не поверили... Ведь кровоточили еще раны, не было продуктов, одежды, крова... И тут мы вспомнили: разве в разрушенном Берлине, в советском секторе, не состоялась среди руин премьера спектакля «Натан Мудрый» Лессинга — одной из запрещенных нацистами пьес? Да и первый послевоенный немецкий фильм «Убийцы среди нас» был снят на студии «ДЕФА» по лицензии советской военной администрации.

Смотрим на экран, где мальчики и девочки с не по-детски печальными глазами репетируют старинные танцы кхмеров. Сам факт создания подобной школы — свидетельство возрождения, воскресения,— вот в чем главная идея фильма «Экзерсис».

На уроке в танцклассе Школы изящных искусств немецкие кинодокументалисты испытали не только чувство светлой, естественной радости за спасенную страну, культуру, народ, не только насладились красивыми старинными танцами, но и — в который раз! — были потрясены: из ста десяти учеников, которых они снимали в марте прошлого года, шестьдесят семь — сироты...

— Какую часть отснятого материала вы используете в фильмах?

— Требовательности, строгости отбора самого необходимого, самого убедительного мы учились у замечательного советского режиссера Михаила Ромма. В первую очередь на его ленте «Обыкновенный фашизм». Десятки, сотни километров пленки остались в нем «за кадром», но фильм получился как бы литой, в нем нет ни одного случайного кадра. Безусловно, и у нас кое-что остается «за кадром».

— Чтобы работать в таком темпе, с таким эмоциональным и физическим напряжением, как вы, необходимо постоянно поддерживать работоспособность. Что помогает вам в этом?

— Прежде всего искусство, художественная литература. Любимые наши писатели: Томас Манн, Герман Гессе, Эрвин Штритматтер, Габриель Гарсиа Маркес, который, кстати, смотрел наши фильмы — они ему понравились. Очень нравятся нам из русских — Толстой, Чехов, Шукшин... Поэт и певец, к сожалению, безвременно ушедший,— Владимир Высоцкий. Мы оба — «охотники». Любим фотографировать природу. Я, например,—улыбается Шойман,—еще и радиолюбитель, коротковолновик.

— И последний вопрос: ваши планы?

— Политическое кино — наша жизнь. Пока в состоянии работать, пока творится в мире несправедливость, пока льется кровь и попирается свобода — мы в строю. Ну а если говорить конкретно, планы на ближайшее время у нас обширные. Мечтаем снять фильм о событиях в Афганистане. Очень интересно было бы побывать в Палестине. Внимательно следим мы и за событиями в Центральной Америке — Никарагуа, Сальвадоре...

Фото авторов

Берлин — Москва.

УЖЕ МЕТЕЛИ ГНЕЗДА СВИЛИ...

Владимир АНДРЕЕВ

●

Уже метели гнезда свили.
В рубашке льдистой тополя
Стоят в полях, остры, как вилы,
И блещут, как из хрусталя.

Все неохотнее из хаты
Теперь выходишь поутру.
Дымок плетется синеватый
На холодеющем ветру.

Хлебну опять воды из кружки,
И грянет окрик петуха.
И, как кузнечные меха,
Вздохнет буренушка в теплушке.

Я поплотней надену шапку,
Буренке сена дам охапку,
И руку мне она при том
Лизнет наждачным языком.

Я птице дам пшеницы, проса.
(С утра одни и те ж вопросы.)
Ну, а потом взгляну я просто
На даль окрестную села,
Когда окончу все дела
По беспокойному хозяйству.
Соседушке скажу я: «Здравствуй».
Она поправит свой платок.
«Прохладный выдался денек»,—
Зачем-то скажет, и не зря
Огонь стесненный ноября,
В ее глазах изнемогая,
Вдруг вспомнит родственника мая.

И снег пойдет во все края,
Ложится он на плечи, щеки.
В снегах — сиреневой чащобе —
Ударит вьюга соловья!..

●

Опять грызня асфальта и резины,
Колеса вновь сминают тишину.
С привычной дозой теплого бензина
Я воздух снова утренний вдохну.

А расстояний мощные прогоны
Стоят, они из века в век тверды.
И потому работают моторы,
Шоссе и рельсы гнут свои хребты.

По вечерам, когда смолкают рейсы,
Нас ждут обычно ужин и постель.
И засыпают, вытянувшись, рельсы,
Перекипая соком скоростей.

И гаснет свет, и затихает город.
Лишь у шоссе дежурные огни.
В железных снах моторы видят горы,
Кору земную чувствуют они.

●

В полдневном воздухе, до золота прогретом,
Стоит высокий и прохладный сад,
И, просветляясь, яблоки висят,
И зреют медленно они в согласье с летом.

Опору щупает лозы дремотный ус,
Вдали шиповника пылает колкий куст,
Толпится пыль неведомых цветов
У плеч твоих, чуть тронутых загаром.

Пчела спешит на поиски нектара,
А мысль моя все ищет смысла слов,
В душе затронет давнюю тревогу,
Придвинет вновь протяжные мосты,
И, покачнувшись, дальние дороги
Меня захватят в сети суеты...
Схвачусь за ветку... Рядом голос тихий,
Ты говоришь, твой голос слышу я:
— Ты погляди, какая облепиха,
Ей хорошо живется у ручья.
— Да, хорошо. Как тихо здесь, как сладко,—
Сквозь сети паутины для порядка
Я говорю. Лозы окрепший ус
Меж тем опору обвивал украдкой,
В цветах шиповника пчелы мерцал укус.
У плеч твоих, до золота прогретых,
Сияло облако таинственных цветов...
Душа моя, крылатая от слов,
Опять с тобой, опять в согласье с летом.
И поцелуй твой, чувствую, вот-вот
Созреет, милая, медлительный, как мед...

●

И вздрогнут клевера среди полей,
Вздохнет устало спелая пшеница,
И молния высвечивает лица
В тысячелетней памяти моей.

●

Синичьего свиста качели
Опять подались в синеву,
И я, окрыленный, в апреле,
Как в замке воздушном, живу...

«ВЕЛИЧАЙШИЙ ПОБЕДИТЕЛЬ В БИТВЕ...»

Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот другой — величайший победитель в битве.

«Дхаммапада»

Широко известна большая просветительная и культурная деятельность всей семьи Рерихов — Николая Константиновича, Святослава Николаевича, Юрия Николаевича. Однако о жизни и творчестве историка-востоковеда Юрия Николаевича широкий читатель знает несколько меньше. В этом году исполняется 80 лет со дня рождения ученого. В связи с этим мы обратились к биографу семьи Рерихов Павлу Федоровичу БЕЛИКОВУ.

— Расскажите, пожалуйста, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Юрием Николаевичем Рерихом?

— Впервые я встретился с ним только по приезде его в Москву, в 1957 году. Но по переписке, заочно знал его много раньше. Еще в 1938 году Николай Константинович Рерих написал мне, что они разыскивают книгу Поппе «Грамматика монгольского языка», изданную в том же году в Ленинграде. Сам я работал тогда в «Международной книге» в Таллине, в представительстве советской книги, я достал требуемую книгу и предложил свои услуги по ознакомлению с советской научной литературой. Он ответил и приложил список разыскиваемых им книг.

Потом мы начали переписываться и с Юрием Николаевичем Рерихом. А встретились через 20 лет, когда уже в 1957 году я позвонил Юрию Николаевичу по его московскому телефону. Он сразу назвал меня по имени и отчеству, спросил, где я нахожусь и не могу ли сразу к нему приехать. Через полчаса я был возле дома на Ленинском проспекте, где он жил. Юрий Николаевич уже ждал меня и проводил в кабинет. В кабинете, заставленном книжными полками, царил полумрак, горела лишь настольная лампа на большом письменном столе. Показав на полки с книгами, Юрий Николаевич сказал: «Чувствуйте себя как среди старых знакомых — среди книг много тех, которые вы посылали мне. Они вернулись на свою родину вместе со мной». Проговорив это, он обнял меня за плечи и усадил на стул. Тут я впервые почувствовал то обаяние, которое исходило от Юрия Николаевича и от всей окружающей его обстановки. Это обаяние как бы обволакивало вас особой интимностью, углубляя смысл слов и придавая общению необыкновенную доверительность. Наверное, каждый собеседник думал, что такое отношение проявляется только к нему. И безо всякого напряжения между нами потекла сердечная беседа давно не видевших друг друга людей. В тот вечер особенно сильное впечатление произвело на меня полотно «Гэсэр-хан». Эта картина, созданная в 1941 году, была подарена Юрию Николаевичу к дню рождения его отцом. Мне сразу открылась близость данного сюжета натуре Юрия Николаевича. Как и Гэсэр, он был по складу своего характера воин. Внешний вид кабинетного ученого был лишь доспехами этого воина. Его деликатность была не чем иным, как оружием против грубости мира. Он не считал, что подобное изживается только подобным. На картине всадник, с натянутой тетивой лука, верхом на гордом, благородном коне, целился очень далеко — куда-то в пылающее красным заревом небо. Это был скорее вызов грядущему, нежели преследование какого-либо врага. Смотреть далеко вперед и быть готовым вступить в бой за лучшее будущее человечества — таким качеством наделил своего героя Гэсэра монгольский народ. Это качество в полной мере было свойственно и Юрию Николаевичу Рериху.

Первая встреча с Юрием Николаевичем затянулась почти до полуночи. Вообще, что греха таить, трудно было от него уходить, все мы злоупотребляли его гостеприимством.

— А что бы вы сказали об облике Юрия Николаевича, о наиболее свойственных ему чертах характера?

— Прежде всего на вас производила впечатление необыкновенная подвижность Юрия Николаевича, его мгновенная реакция на окружающее — и это при полнейшем отсутствии каких-либо признаков суетливости. Довольно редкое сочетание человеческих качеств, не правда ли? Интересны в этом отношении фотографии Юрия Николаевича — среди них нет или почти нет похожих одна на другую. Конечно, подвижность исчезает в статическом моменте фотоснимка, ее можно уловить лишь при живом общении с человеком. Любопытен, например, такой факт: когда у Святослава Николаевича спросили, почему он, создавший столько замечательных портретов Николая Константиновича и Елены Ивановны, не написал ни одного портрета Юрия Николаевича, он ответил, что Юрий Николаевич был совершенно не способен позировать,— его постоянно отвлекали другие дела. И потому было сделано лишь несколько эскизов и ни одного законченного портрета.

— Как известно, Юрий Николаевич был большим ученым-лингвистом, востоковедом. Вероятно, это как-то сказывалось на его общении с другими людьми, на укладе его жизни?

— На укладе жизни, возможно, сказывалось. Он очень много времени уделял научным дисциплинам, непосредственно связанным с его работой, следил за всеми смежными областями, собрал уникальную библиотеку и вообще стремился быть в курсе всего, что предлагала мировая наука в области востокознания. Но в общении с людьми Юрий Николаевич был очень скромный человек и не выставлял своих знаний напоказ. Знания его тонули в той душевной теплоте, в той деликатности, с которой он обращался к людям. Он был одинаково внимателен и участлив ко всем, с кем соприкасался, и для него не имело значения, чем занимается данный человек—близкой ли к его интересам наукой или нет. В человеке он прежде всего искал человека и именно к нему обращался, ну а все остальное, как-то: образовательный ценз, занятия, национальность, миропонимание — все это отодвигалось на второй план. Если чего и опасался Юрий Николаевич, так это того, как бы незаслуженно не обидеть человека. Таким образом, главным в его обращении с людьми было проявление деликатности. Однако из этого не следует делать выводы о мягкости его характера, о готовности уступать и жертвовать своими убеждениями. Мы обычно привыкли связывать деликатность с мягкотелостью. Но это неверно. Могу подтвердить, что от любого проявления грубости Юрия Николаевича просто коробило.

— Юрий Николаевич получил большую известность как лингвист-востоковед. Не могли бы вы сказать, что сделал он в данной области и каков был его путь ученого?

— Путь его был весьма прямолинеен и в то же время достаточно широк. Юрий Николаевич отнюдь не относился к узким специалистам, избравшим одну часть обширной науки востокознания. Он являлся скорее энциклопедистом в области истории культуры большого региона, охватывающего на севере — Сибирь, на юге — Цейлон, на востоке — Японские острова и на западе — Балканы и Египет. Еще будучи гимназистом, он занимался у известного русского египтолога Б. А. Тураева и у монголоведа А. Д. Руднева. В Лондоне он поступает в индо-иранскую школу восточных языков при Лондонском университете, где получает звание бакалавра индийской филологии. Свое образование Юрий Николаевич за-

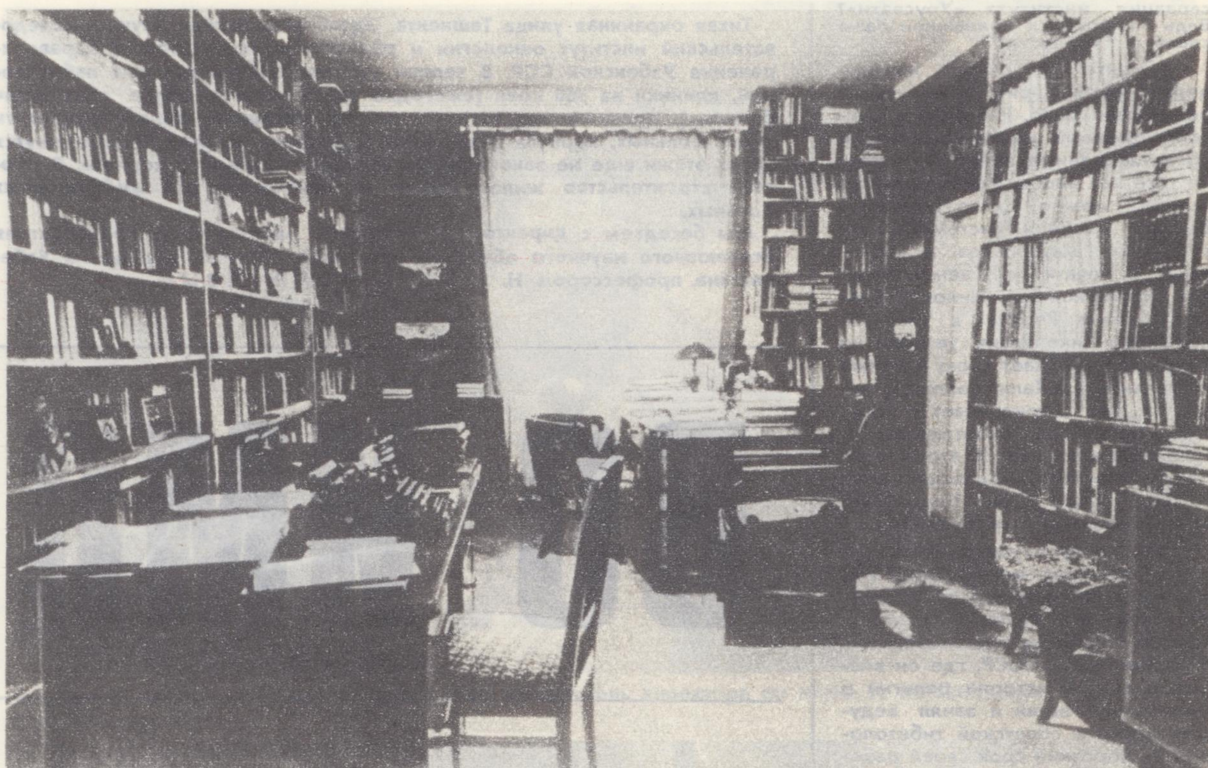
вершает во Франции, где совершенствуется в санскрите, тибетском и монгольском языках, слушает курсы китайского и персидского языков. Среди его учителей были всемирно известные востоковеды Д. Росса, Ч. Ланман, С. Леви, А. Масперо, В. Минорский и другие. Юрий Николаевич поражал широтой своих историко-культурных интересов, которые получили дальнейшее развитие и благодатную почву для практического применения в экспедициях, предпринятых в Азии его отцом. Юрий Николаевич в совершенстве владел русским, английским, французским, немецким, греческим, латинским, тибетским, монгольским, санскритским, пали, хинду-стани, иранским языками, знал китайский, испанский, итальянский и многие другие языки и местные наречия. Ему были доступны любые первоисточники, так же как и разговорный язык в живом общении с аборигенами исследуемых стран.

Широкую известность приобрели работы Юрия Николаевича: «Пути к сердцу Азии»— книга переведена на французский язык и скоро появится на русском; «Голубые Анналы»— в обширном предисловии к этому переводу с тибетского Юрий Николаевич уделяет особое внимание чрезвычайно запутанной хронологии Тибета VII—IX веков, книга стала событием в мировой тибетологии. Он много сделал в этой области, перу его принадлежат четыре монографии по тибетскому языку, в которых прослеживаются фонетические, тональные, морфологические и синтаксические особенности тибетских диалектов на основе живой тибетской разговорной речи. Много сил уделил Юрий Николаевич изучению центрально-азиатского эпоса о Гэсэрхане; писал статьи по археологии, по тибетскому буддизму, народным религиозным верованиям, по истории азиатских стран, фольклору и т. д. Им составлен большой тибетско-санскрито-англо-русский словарь, который подготовлен к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР. Известны его исследования культурных связей Индии с другими странами, взаимовлияния тибетского и монгольского языков, эллинистические влияния на восточное искусство. Юрий Николаевич изучил также сложнейший буддийский астрологический трактат «Калачакра» и перевел с различных языков Азии религиозные тексты. В 1945 году им была опубликована большая статья —«Индология в России», где он разбирал историю возникновения и развития русско-индийских культурных, политических и научных отношений. Помимо того, Юрий Николаевич вел обширную педагогическую и организационную работу.

— Да, ведь он возглавлял организованный его отцом Институт гималайских исследований «Урусвати». Что бы вы могли рассказать об этой деятельности Юрия Николаевича?

— Он был бессменным директором и участником большинства экспедиций института «Урусвати». Институт этот был единственным в своем роде, занимавшимся комплексным изучением Гималайского региона, и универсальность знаний Юрия Николаевича помогала ему активно руководить сотрудниками. Институт охватывал область археологии и смежных с нею наук и искусства, область естественных наук, включая древнюю и современную медицину и фармакологию, область лингвистики и фольклора. При институте функционировала биохимическая лаборатория, проводились исследования космических лучей, была собрана обширная библиотека со множеством древних манускриптов, открыт музей, где собирались многочисленные научные находки экспедиций. Издавался ежегодник «Урусвати», отображавший многообразную научную деятельность института. «Урусвати» обменивался научной информацией с 285 институтами, университетами, музеями, научными учреждениями всего мира. Координировать всю эту деятельность и руководить ею было непросто, однако Юрий Николаевич успешно справлялся с работой. В 1940 году «Урусвати» пришлось законсервировать, так как вторая мировая война нарушила все международные связи. В настоящее время брат Юрия — Святослав Николаевич Рерих прилагает усилия к возобновлению деятельности института, и в этих целях привлекаются ученые социалистических стран.

— Как же сказалась на научной работе Юрия Николаевича кон-

Кабинет Ю. Н. Рериха в московской квартире.

По окрестностям Кулу (1933 год).

После возвращения в Москву (1959 год).

сервация института «Урусвати»? Ведь он лишился привычной базы своей деятельности?

— Видите ли, чисто научная деятельность Юрия Николаевича пострадала мало. Работа в «Урусвати» отнимала много времени на организационные вопросы, а после того как необходимость в этом отпала, можно было посвятить больше времени систематизации собранных материалов и подготовке к печати собственных трудов. После кончины Николая Константиновича Рериха в 1947 году Юрий Николаевич уезжает из Кулу и продолжает свою научную деятельность в Калимпонгском институте, где сотрудничает с известным индийским тибетологом Рахулой Санкритаяна. К этому времени относятся публикации важнейших трудов Юрия Николаевича по тибетологии и буддизму.

В 1957 году осуществилась наконец заветная мечта Юрия Николаевича — переезд на Родину. Началась его научная деятельность в Институте востоковедения Академии наук СССР, где он возглавил сектор истории религии и философии Индии и занял ведущее место в советской тибетологии. За короткий срок своей работы в институте Юрий Николаевич подготовил к печати и отредактировал много статей на различные темы и несколько книг.

— А как воспринял в целом Юрий Николаевич свое возвращение на Родину? Ведь большую часть своей жизни он провел за рубежом, получил там высшее образование, работал в иностранных институтах...

— Когда я у него спросил, не сказалась ли перемена места и условий жизни на его научной деятельности, он ответил: «В Советском Союзе люди науки имеют все необходимое для своей деятельности и обеспечиваются гораздо лучше, чем в западных странах. Нужно только, чтобы работа их была направлена на пользу Отечества».

Это условие, такое естественное для Юрия Николаевича, исходило из традиции всей их семьи. В свое время отец его, Николай Константинович Рерих, писал: «...Исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас четверых в своей области накопил немало знаний и опыта. Для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа, мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много, где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам. И Юрий и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий — в науке, Святослав в искусстве прочно укрепились. Разве для чужих?»

Если все члены семьи Николая Константиновича чувствовали себя странниками, то, оказавшись в России, Юрий Николаевич, конечно, почувствовал себя путником, возвратившимся домой. Мне очень запомнились его слова, сказанные им о судьбах России: «Ни одна капля крови, пролитая в революцию или в последнюю войну, не должна быть напрасно пролитой кровью. За это мы все в ответе».

Беседу вела
Т. КАЛУГИНА

ВО ИМЯ ЧЕЛО

Тихая окраинная улица Ташкента. Здесь расположен научно-исследовательский институт онкологии и радиологии Министерства здравоохранения Узбекской ССР. В зелени утопают здания научных лабораторий, клиники на 360 коек (ежегодно здесь лечатся более трех тысяч больных), поликлиники, которую за год посещают более пятидесяти тысяч больных, корпуса радиологии и высоких энергий. Рядом тянутся вверх этажи еще не законченного экспериментального корпуса. В проекте строительство жилого дома и пансионата для амбулаторных больных.

Мы беседуем с директором института, заместителем председателя Всесоюзного научного общества онкологов, главным онкологом Узбекистана, профессором Н. К. МУРАТХОДЖАЕВЫМ.

— Нариман Кадырович, над какими проблемами работает руководимый вами институт, чему уделяется наибольшее внимание?

— Начну с того, что наш институт — отраслевое научно-исследовательское учреждение, и вся его деятельность направлена на решение социального заказа, определяемого Министерством здравоохранения республики. Сегодня в нашей стране противораковой борьбе уделяется исключительно большое внимание. Во всех медицинских институтах страны будущие врачи проходят специальную подготовку по онкологии. С каждым годом растет сеть онкологических учреждений, они оснащаются самой современной диагностической и лечебной аппаратурой. На наших глазах развертывается стремительное наступление на рак в трех основных направлениях: по профилактике, диагностике и лечению.

Наш институт как раз и ведет работу во всех этих направлениях, считая каждое из них одинаково важным.

Возьмем одну из научных проблем, разработанных нами. Известно, что в любой живой клетке, в том числе и опухолевой, имеется около тысячи ферментов, которые функционируют в очень строгой последовательности и в узком диапазоне температур. Малейшие колебания температуры клетки немедленно сказываются на их работе, что, в свою очередь, может нарушить жизнедеятельность клетки и снизить ее сопротивляемость. Это обстоятельство было использовано нами для разработки метода лечения рака пищевода путем локального нагрева его до 43—45 градусов по Цельсию и одновременного лучевого воздействия. Этот метод используется в институте с 1970 года в тех случаях, когда по тем или иным причинам невозможно осуществить оперативное удаление опухоли. За прошедшие годы были апробированы различные источники тепла — горячая вода, электромагнитные поля УВЧ и СВЧ, изготовлены опытные образцы аппаратуры и, главное, накоплен клинический опыт. Результаты, как говорится, обнадеживающие, но еще не решают сложной проблемы лечения рака пищевода. Следует подчеркнуть, что локальная гипертермия не самостоятельный метод лечения рака, а лишь компонент комплексного лечения.

— Применяются ли в онкологической практике другие методы гипертермии?

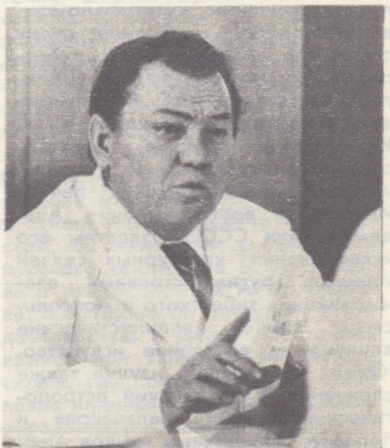
— Да, например, общая гипертермия. Этот метод впервые в нашей стране внедрен в клиническую практику Белорусским НИИ онкологии и медицинской радиологии под руководством члена-корреспондента АМН СССР, Героя Социалистического Труда Н. Н. Александрова. Метод основан на искусственном повышении температуры всего тела с помощью специальной аппаратуры до 41—41 с половиной градусов, которое, как уже отмечалось, вызывает нарушение жизнедеятельности опухолевых клеток не только в первичном очаге, но и в отдаленных метастазах. Одновременно вводятся большие количества глюкозы. Они усиленно захватываются опухолевыми клетками, что ведет к избыточному накоплению в них недоокисленных продуктов обмена, в частности молочной кислоты. Это, в свою очередь, еще более усугубляет вызванные повышенной температурой нарушения в опухоли. Сеанс общей гипертермии завершается инъекцией больному ударной дозы противоопухолевых препаратов. Ваш журнал — один из самых массовых. Поэтому мне хотелось бы подчеркнуть, что метод общей гипертермии находится еще в стадии клинической апробации и пока не может быть рекомендован для широкого применения.

— Каково ваше отношение к хирургическому лечению рака?

— Хирургический метод продолжает оставаться одним из основных способов лечения злокачественных опухолей. Однако изучение отдаленных результатов оперативного лечения рака свидетельствует о том, что дополнение операции лучевой или лекарственной терапией делает результаты лечения более надежными. В последнее время арсенал лечебных возможностей онкологической клиники пополнился иммунотерапией — методом стимуляции собственных защитных сил организма. Жизнь показывает, что только комплексное лечение с использованием всех перечисленных методов обеспечивает стойкое выздоровление больных.

— В 1980 году мировая общественность отмечала 1000-летний юбилей великого ученого Абу Али ибн Сины (Авиценны), который родился и работал на территории Средней Азии. Занимался ли он лечением рака? Имеют ли значение его труды для современной онкологии?

— Абу Али ибн Сина был человеком энциклопедических знаний и выдающимся медиком. В многотомном трактате «Канон врачебной науки» он излагает свои воззрения на происхождение и особенности развития злокачественных опухолей, описывает симптоматику многих форм рака и рекомендации по их лечению. Достойно восхищения, что его выводы о зависимости эффекта лечения рака от степени его распространения созвучны с данными современной онкологии. Заслуживает внимания тот факт, что он наряду с оперативным лечением широко применял местные лекарственные травы и мумие.

Н. К. Муратходжаев.

— Проводится ли в институте поиск новых противоопухолевых препаратов из местного растительного сырья, и используете ли вы мумие?

— Этой проблемой занимается специальная лаборатория. Сейчас проходят экспериментальную проверку ряд перспективных препаратов. Это работа ответственная, и пройдет еще немало времени, прежде чем они смогут быть представлены в фармкомитет.

Что касается мумие, то в прошлом году мы завершили многолетнее изучение его тератогенного, канцерогенного и противоопухолевого свойств. Оказалось, что он не вызывает у животных развития уродств и опухолей, но и, к сожалению, не обладает противоопухолевой активностью.

— Скажите, пожалуйста, существуют ли какие-либо местные особенности в распространении опухолей в Узбекистане?

ВЕКА

— Злокачественные опухоли в Узбекистане встречаются значительно реже, чем в других регионах страны, и в то же время отмечается относительно высокая частота рака пищевода. Причины этого еще не выяснены, и мы специально занимаемся этой проблемой в соответствии с разработанной долгосрочной целевой программой.

— Какие связи поддерживает институт с научными и практическими онкологическими учреждениями?

— Мы имеем широкие научные связи с ведущими центрами науки страны, в частности со Всесоюзным онкологическим научным Центром АМН СССР, НИИ онкологии имени Н. Н. Петрова Министерства здравоохранения СССР, московским онкологическим институтом имени П. А. Герцена, ВНИИИМТ МЗ СССР, с рядом других институтов и лабораторий. В рамках этих связей мы осуществляем подготовку научных кадров, координацию научных исследований и участвуем в кооперативных исследованиях, в том числе и по линии СЭВа.

Наши научные изыскания тесно переплетаются с практикой лечебной работы и большой шефской помощью всем онкологическим диспансерам республики.

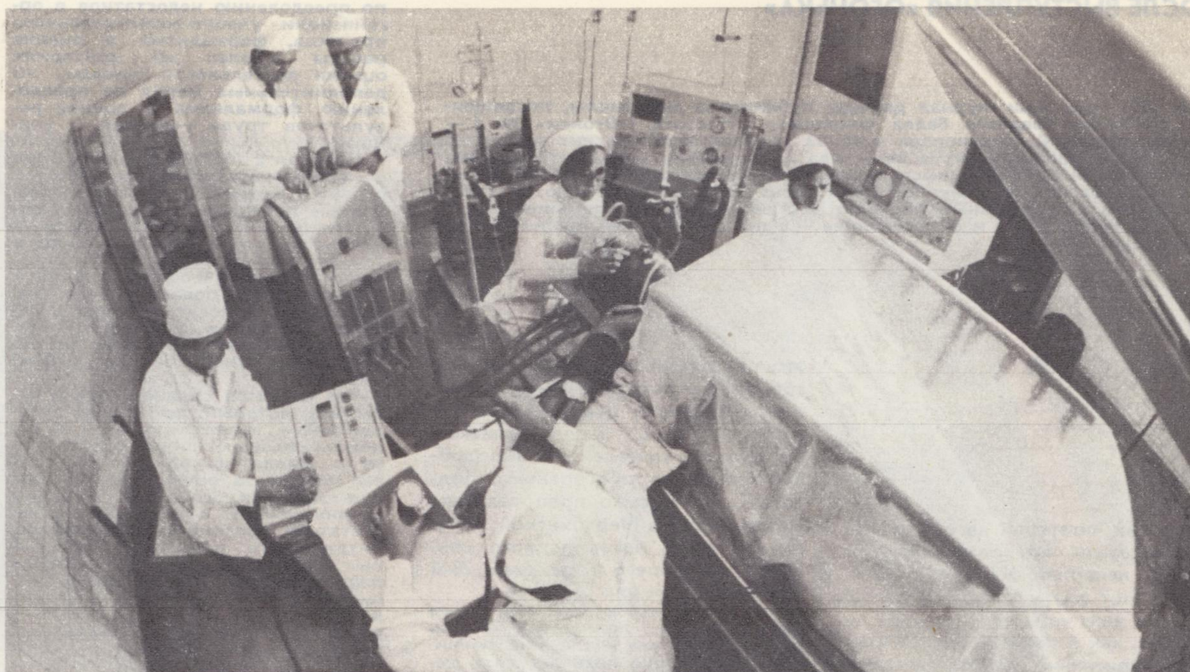
— Нариман Кадырович, расскажите о мерах профилактики рака.

— Профилактика рака в нашей стране осуществляется в нескольких аспектах: во-первых, путем проведения общегосударственных мероприятий по охране внешней среды; во-вторых, своевременным и эффективным лечением хронических воспалительных процессов. Ведь они часто становятся основным фоном возникновения опухолей. В-третьих, огромное профилактическое значение имеет широкое развитие физической культуры и спорта, что представляет собой мощный фактор укрепления здоровья.

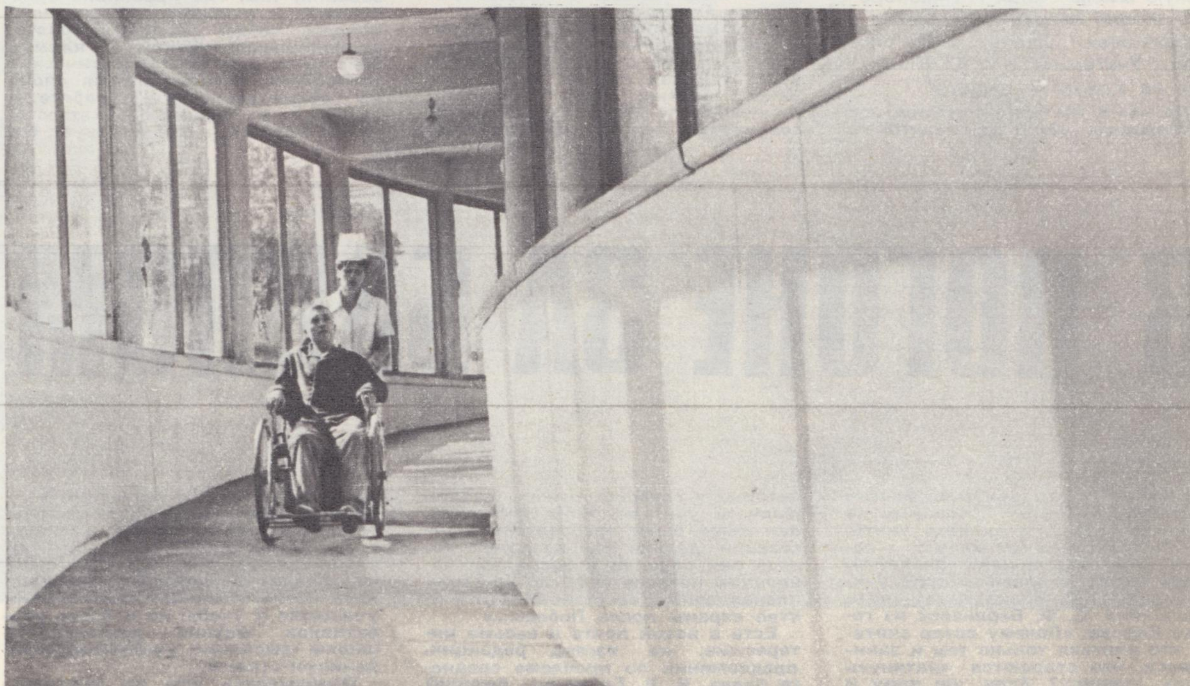
Широкое наступление на рак, которое ведется сегодня в нашей стране и во всем мире, вселяет уверенность в победе над этим тяжелым недугом.

Беседу вела И. МИХЕЕВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ

За сеансом общей гипертермии наблюдают заместитель директора по науке Г. М. Локтионов и доцент А. А. Кочегаров.

Корпуса института соединены подземными переходами.

В холле лечебного корпуса.

В ПОГОНЕ ЗА БАЛЛОМ

В 1981 году наш журнал дважды публиковал материалы, посвященные проблеме среднего балла школьного аттестата («Огонек» № 4 — статья учителя Г. Никанорова и № 33 — обзор читательских писем). В статье московского педагога речь шла о моральном уроне, который наносит средний балл учащимся, преподавателям, родителям. Обзор писем несколько расширил тему: читатели тесно связывают погоню за средним баллом с формальным подходом к оценке труда школьников и учителей, а говоря резче и определеннее — с процентоманией, пронизавшей жизнь школы.

Реакция читателей на обзор писем показала, что разговор этот еще не исчерпан. Начнем с того, что на этот раз у среднего балла нашлось уже четыре защитника, а не один, как в первой почте. Причем защитники ревностные. Но вот что показательно: их аргументация как раз и подтверждает основную мысль статьи Г. Никанорова и обзора писем — положение в сегодняшней школе неблагополучно. Учительница Г. С. Клековкина из Удмуртии пишет:

«Да, «5» и «4» зря не ставим, вот спасительное «3» — да. Некоторые ребята не хотят учиться, многие не могут усвоить программу за среднюю школу, а их надо учить. Кто бы знал, как мы маемся с такими. Это настоящая проблема». Почти слово в слово вторит учительнице Г. С. Клековкиной мать школьника С. Ф. Берлизева из города Кирова: «Почему автор считает, что учителя только тем и занимаются, что стараются «натянуть балл» ученику? Если уж кому и делается снисхождение, то не тем, кто учится на «4» и «5», а тем, кто еле-еле тянет на «3». Но тут уже виноваты условия, а не учителя, от которых требуют стопроцентной успеваемости». Позвольте, но ведь именно об этом и говорилось в обоих материалах — о том, что нынешняя система учета знаний в средней школе изжила себя и ничего, кроме вреда, не приносит... Возникает тут и другая проблема: дела в системе просвещения — по многим причинам — сложились так, что немало ребят без погонялки в виде среднего балла и тому подобных мер учиться не хотят, их приходится принуждать к получению знаний.

Тов. Берлизева выражает недовольство тем, что редакция опубликовала обзор писем, часто, как она выражается, анонимных, а не побеседовала с учителями и учениками. Но, во-первых, подобных бесед было предостаточно и при подготовке обоих материалов и задолго до того. Во-вторых, Г. Никаноров — сам учитель, проработавший в школе почти тридцать лет. В-третьих, анонимных писем редакция вообще не получала: каждое было подписано, на каждом стоял адрес. Просто некоторые авторы просили не указывать их фамилий в печати. Да, редакция тоже обратила внимание на это обстоятельство. Оно вызывает тревожные раздумья о нравственной атмосфере, царящей в некоторых школах, о политическом воспитании учителей. Что подобные раздумья обоснованны, подтверждает письмо преподавателя математики из Челябинской области, который начал первого сентября минувшего года свой 28-й учительский сезон:

«Не хочу, чтобы мое имя где-то фигурировало полностью: боюсь за школу, в ней и так уже сменили за последние пять лет пять директоров, — все ищут того, который обеспечит требуемые проценты... Школу жалко, коллег, если их из-за меня в очередной раз трепать будут...

Я не могу понять, почему раньше был нормальным и добросовестным, а теперь стал недобросовестным, так как ставлю своим ученикам двойки, когда они того заслуживают. Но в таком случае получается, что и мои учителя, которых я глубоко уважаю, плохие люди, и учителя моих учителей: они тоже были требовательны — ставили двойки за незнание. Но ведь они обучили и воспитали поколение, которое вынесло на своих плечах войну, восстановило хозяйство страны после Победы...»

Есть в новой почте и весьма интересные, на взгляд редакции, предложения по проблеме среднего балла. Н. Я. Еременко, бывший директор Стерлитамакского завода синтетического каучука, полагает, что средний балл «следует принять безоговорочно, но разрешить абитуриентам, по их желанию, сдавать пятый предмет на конкурсных экзаменах вместо зачета среднего балла, если последний недостаточно высок». Нам кажется, что это предложение заслуживает внимания.

Почта принесла не только читательские отклики. Редакция получила и официальный ответ — письмо из Министерства просвещения СССР за подписью члена коллегии министерства, начальника управления учебных заведений тов. В. К. Розова. Приводим это письмо:

«Авторы статьи и писем правы в главном: в ряде школ все еще низок уровень учебно-воспитательной работы, знания многих учащихся недостаточно основательны. Еще встречаются факты формального подхода отдельных учителей и руководителей школ к организации и содержанию учебного процесса, имеют место случаи субъективизма в оценке знаний учащихся, недостаточно эффективен контроль за уровнем преподавания, мало внимания уделяется методической помощи учителю.

Министерство просвещения СССР, органы народного образования в каждом отдельном случае принимают действенные меры по устранению недостатков в работе школ. Разработан ряд материалов по преодолению недостатков в организации учебно-воспитательного процесса, формализма в оценке работы школы: «О критериях оценки деятельности школы», «О дополнительных мерах по преодолению формализма в оценке результатов труда учителей и учащихся».

Начиная с 1981/82 учебного года в общеобразовательных школах страны введены усовершенствованные программы, в которых определены по каждому классу и предмету требования к знаниям и умениям учащихся, а также даны рекомендации по оценке знаний и умений. Надо полагать, что эти материалы помогут учителю в отборе главного в учебных курсах, сосредоточат его внимание на более объективной оценке знаний учащихся.

Что касается среднего балла аттестата, который, по мнению авторов писем, является чуть ли не одной из главных причин создавшейся в школе нездоровой атмосферы погони за оценками, то, как нам кажется, дело не в самом среднем балле, а в серьезных недостатках организации учебно-воспитательного процесса в указанных школах, в отсутствии единых педагогических требований к учащимся, тесного взаимодействия школы, семьи, общественности в работе с детьми; там принижена роль общественных организаций, органов самоуправления.

Как показывает изучение вопроса Министерством просвещения СССР, органами народного образования, там, где правильно организован учебно-воспитательный процесс, создан здоровый нравственно-психологический климат, действуют единые педагогические требования, осуществляется опора на общественность в работе с детьми, там средний балл аттестата не мешает, а способствует более серьезному отношению учащихся к учению и в конечном счете положительно влияет на качество обучения и прочность знаний учащихся. Средний балл аттестата не только способствует повышению ответственного отношения учащихся к учебе, но и более объективной оценке деятельности школы высшими учебными заведениями страны.

Основываясь уже на многолетнем опыте использования среднего балла в практике приема в высшую школу, можно совершенно определенно говорить о его положительном значении как для школы, так и для вуза. Как нам представляется, средний балл аттестата позволил изжить практику пресловутого деления учебных предметов в школе на основные и второстепенные, повысил ответственность учащихся за изучение всех дисциплин школьного цикла, а это, в свою очередь, позволило пойти на сокращение количества вступительных экзаменов в вузы и средние специальные учебные заведения.

В целом положительно относясь к среднему баллу аттестата, Министерство просвещения СССР вместе с тем будет и в дальнейшем направлять свои усилия на совершенствование учебно-воспитательного процесса в школах, преодоление формального подхода к оценке знаний учащихся, о чем справедливо и своевременно ставит вопросы редакция журнала «Огонек», заслуживает внимания и возможность дальнейшего совершенствования практики учета и применения среднего балла аттестата при приеме в вузы и средние специальные учебные заведения».

Казалось бы, можно порадоваться, что выступления журнала нашли такой серьезный отклик. И тем не менее это письмо вновь возвращает все к той же школьной проблеме. Диагноз поставлен правильно, а вот способы лечения болезней нынешней школы представляются явно недостаточными. Ведь были уже и новые, усовершенствованные программы и рекомендации по оценке знаний, а опора на общественность в работе с детьми присуща каждой школе. При нынешней системе оценки работы школ, основанной на формально цифровых показателях (а ведь это своеобразный «вал», как известно, не дающий ожидаемого эффекта даже в промышленности!), коренного улучшения дел мы ожидать не вправе. Видимо, назрела пора пересмотреть саму эту систему. И в отношении роли среднего балла: если в школе будет правильно поставлено обучение и контроль за знаниями, вряд ли ей понадобятся подпорки вроде среднего балла аттестата. Польза его сомнительна, а вред явный, как это доказывалось в двух предыдущих наших публикациях.

Конечно, решение вопроса потребует времени. От торопливых экспериментов, которых немало на памяти учителей, школа наша в общем-то не выиграла. Усилия потребуются большие и серьезные — от Министерства просвещения, от Академии педагогических наук СССР и от самих учителей. Но усилия эти совершенно необходимы.

Закончить сегодняшний разговор хотелось бы все же цитатой еще из одного письма. Учитель физики из Алма-Атинской области, который тоже просит не упоминать его фамилию, пишет:

«Сколько их, тех, кто бездельничал в школе восемь — десять лет, а им за это ставили тройки? Один процент? Вряд ли. Думаю, что гораздо больше. Но и один процент от всех работающих у нас — это сотни тысяч человек. И вот сотни тысяч, не умея и не желая работать на совесть, будут халтурить, но уже не в школе, а на производстве, в массовом масштабе. Впрочем, почему будут? Не этих ли бывших учащихся-бездельников мы видим зачастую за прилавками или кассовыми аппаратами магазинов? («Вас много, а я одна!»); в институтах — отдельные кандидаты и даже доктора наук, читая студентам лекции, не могут оторваться от конспекта...

О тупике, в котором оказалась школа, свидетельствует и все более модное теперь репетиторство. Это ли не обвинение погоне школы за процентом? Ведь тот учащийся, который хочет поступить в институт и пользуется для этого услугами репетитора (платного!), фактически считает, что средняя школа не дает ему достаточных знаний в объеме... средней школы. Парадокс? К сожалению.

И что интересно. Ведь дети от природы и способны, и любознательны, и неравнодушны. Но как часто все столь хорошие качества нивелируются! Не является ли это одним из последствий процентомании? Так что все эти слова — «липовые баллы», «показуха», «очковтирательство» — все же правильно отражают действительное положение дел...»

Письмо суровое. Но, к сожалению, справедливое. А посмотреть в глаза самой горькой правде куда как полезно.

Дети — наше будущее. Эту банальную, тысячекратно повторенную истину приходится повторять вновь и вновь. Если мы хоть на минуту забудем, что это так, что будущее строится сегодня, в частности в классах школы, мы никогда не сможем исправить в ней положение дел. Надо полагать, что приведенный выше ответ Министерства просвещения отнюдь не последнее слово руководителей народного образования по поводу поднятой проблемы.

Н. ВЕРИНА

В. Кутилин. Род. 1931. ПЕРВОЕ ПОЛЕ. 1981

В. Альшевский. Род. 1958. МЕДСЕСТРЫ. 1981

ДОМА СТЕНЫ ПОМОГАЮТ

Людмила УВАРОВА

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

Прошло около полутора месяцев с того дня, как папа ушел на фронт, а за все это время мы от него получили только одно письмо.

Письмо было коротким, несколько строчек, написанных размашистым, хорошо знакомым папиным почерком:

«Дорогие мои! Я жив-здоров. Обо мне не беспокойтесь. Часто думаю о вас, если будет трудно, уезжайте к Грише, там у него поживите. Надеюсь, что недалек час, когда мы опять встретимся у нас, в Москве, дома».

Еще тогда, когда папа был в Москве, он решил, чтобы мы с мамой уехали к его брату Грише.

Мне никогда не приходилось видеть папиного брата, он не приезжал в Москву, только изредка писал открытки, но в нашей семье о нем ходили легенды. Он был удачлив, смел, жизнерадостен. И похож, как мне думалось, на моего любимого писателя Джека Лондона.

Когда-то в юности, поругавшись с отцом, моим дедом, он ушел из дома, был лесорубом в лесах Карелии, потом какими-то судьбами переехал в Архангельск, плавал матросом на сейнере, потом перебрался в Башкирию, стал механиком на пассажирском пароходе.

Там, в Уфе, на берегу реки Белой, он построил дом, жил в нем со своей женой Анфисой.

Анфисы я тоже никогда не видела, по слухам, она была красавица. Гриша однажды прислал нам фотографию круглолицей, с широко расставленными глазами женщины. Влажные, слегка вывернутые губы ее чуть улыбались, на подбородке виднелась ямочка. Косы венцом на голове. Она была поистине прекрасна.

— Однако,— сказал папа.— Отхватил-таки братишка жену, лучше, кажется, не придумаешь...

Мама строго глянула на него, папа сконфузился, замолчал. Он немного побаивался маминого сурового характера, тем более что бывал грешен перед нею, случалось, мог загулять с приятелями, поздно явиться домой и даже приударить за какой-нибудь хорошенькой, правда, во всех своих прегрешениях он после признавался и охотно каялся маме, а она долго не желала прощать его, она-то была безупречной женой и матерью, никогда никого не признающей, кроме своей семьи.

Еще в Москве папа договорился в своем наркомате, чтобы нам с мамой достали билеты в Уфу тогда, когда мы решим уехать.

И вот в конце июля, когда в Москве стали частыми воздушные налеты, мама уволилась с работы, поехала в папин наркомат за билетами, и мы отправились с нею в Уфу.

Рано утром мы вылезли из вагона на Уфимском вокзале, оставили наши чемоданы в камере хранения и пошли искать Прибрежную улицу — там жил папин брат, дядя Гриша.

Прибрежная находилась на краю города, на берегу реки Белой. Мы увидели деревянный дом с большим садом, окруженный высоким забором.

Калитка в сад была закрыта. Я позвонила. Никто не ответил. Я позвонила снова.

Чьи-то шаги послышались за калиткой, негромкий старческий голос спросил:

— Кого надо?

— Фалалеевы здесь живут?— спросила мама.

Щелкнула задвижка, отодвинулся засов. Калитка раскрылась.

Перед нами стояла старушонка очень маленького роста, почти карлица, крохотное, с кулачок, лицо, крючковатый нос, впалые глаза непонятного цвета.

Наина из «Руслана и Людмилы», да и только!

— Нету Фалалеевых,— отрезала Наина, голос у нее был под стать всему ее облику, скрипучий, резкий.— Уехали.

— Куда уехали?— спросила мама.

— Известно куда, на фронт.

Мы переглянулись с мамой. В самом деле, и как это нам не пришло в голову, что Гриша мог уйти на фронт?

Я спросила:

— Анфиса тоже на фронте?

— Тоже, куда же она без него,— ответила Наина и стала медленно закрывать калитку.

— Постойте,— сказала мама.— Постойте, посоветуйте, что же нам делать?

Наина искоса поглядела на маму.

— Чего посоветовать?

— Мы только что из Москвы, я жена Гришиного брата, Аркадия, он тоже ушел на фронт...

Старуха слушала маму, по-птичьи наклонив голову. Потом слегка посторонилась, сказав одно только слово:

— Проходите...

Много, очень много лет минуло с той поры. Давно уже нет на свете Наины, и моя мама успокоилась навсегда в холодной башкирской земле, и я стала неузнаваемой, взрослой, даже пожилой, умудренной нелегким житейским опытом, но до сих пор помнится мне заросшая травой дорожка, по которой мы шли, высокое деревянное крыльцо, выходящая в сад веранда с цветными стеклами...

Мы прожили с мамой в этом доме всю осень и зиму, вплоть до самой весны.

Наина, троюродная тетка Анфисы, или, как мне думалось, седьмая вода на киселе, оставила нас жить в маленькой комнате с окнами в сад.

В миру Наину звали Анастасия Фоминична, но для меня она на веки вечные осталась Наиной, я так и звала ее про себя, и мама в конце концов тоже стала за глаза звать Анастасию Фоминичну Наиной.

Кроме нас и Наины, в соседней комнате жили эвакуированные из Риги две сестры, Лайма и Айна, в то время казавшиеся мне пожилыми, им было что-нибудь за тридцать, худенькие, ярко-белокурые, поразительно походившие друг на друга.

Обе были портнихи, и обе работали на швейной фабрике. В первый же день, когда мы с ними познакомились, они сообщили, что в Риге, на улице Индрану, осталась чудесная двухкомнатная квартира с прелестной ванной и очень удобной кухней. И они каждое воскресенье ездили на взморье, сестры говорили одинаково — «возморье», где самый лучший пляж в мире, а море мелкое и совсем неопасное.

— Мы жили очень хорошо,— вздыхала Лайма, Айна вторила ей:

— О да, замечательно...

Акцент у обеих сестер был одинаковый, немного на «о», так обычно изъяснялись по-русски иностранцы.

Теперь сестры работали на фабрике, где выполняли заказы фронта, и были до смерти довольны, что их поместили в хорошем доме, в отдельной, довольно просторной комнате. По словам Наины, эта комната в прошлом была кабинетом дяди Гриши.

Нам с мамой везло с самого начала: вскоре мама устроилась в один из эвакогоспиталей заведующей библиотекой.

Мы ликовали, лучше и придумать было невозможно, работа была маме по душе, кроме того, ей полагалось двухразовое бесплатное питание, чего еще можно было желать в ту пору?

Я тоже устроилась курьером в Наркомат социального обеспечения, эвакуированный из Москвы.

Получилось все неожиданно: надо было мне на рынке повстречать нашу московскую соседку! В Москве она едва замечала меня, тем более что мы жили на разных этажах и я была раза в два с половиной моложе ее. Но тут, на рынке, увидев меня, она ринулась ко мне, изо всех сил обняла и, заливаясь слезами, начала осыпать поцелуями.

— Девочка! — почти кричала она.— Неужели это ты? Я не верю своим глазам! Это ты сама, до чего же я рада, я не могу прийти в себя от радости!

Оказалось, что она экспедитор Наркомата социального обеспечения, эвакуировалась сюда с теткой и с двумя мальчиками-близнецами. Живет где-то на окраине города в крохотной каморке, где и одному человеку повернуться негде.

Одним словом, благодаря ей я стала работать в наркомате. Он помещался в здании школы, заняв три этажа. И я бегала из одной комнаты в другую, с одного этажа на другой, разносила бумаги, циркуляры, приказы, а случалось, ездила в город, в райисполком, на почту, в горком партии или в горисполком.

Тогда я устраивала себе маленькие праздники, быстро выполнив все дела, я шаталась по улицам, или шла на берег реки Белой, глядела, как вода постепенно, медленно и неотвратимо каменеет в тисках первого, еще молодого, неокрепшего льда.

А иногда, когда я так вот бродила по городу, я вспоминала о прошлой своей жизни или думала о том, что будет со мной и с мамой.

Чтобы поменьше думать о печальном, я заходила порой в кино, на любую картину. В то время кинотеатры стояли днем почти пустые, билетов было сколько угодно. Картины были большей частью старые, хорошо знакомые, но мне они представлялись как бы увиденными впервые, и я обливалась слезами, глядя на страдания Ларисы Огудаловой, всей душой полюбившей элегантного красавца Паратова, смеялась вместе с Верой Марецкой над злоключениями закройщика из Торжка Игоря Ильинского.

Иногда на экранах появлялись коротенькие фильмы, в которых высмеивался Гитлер и его приспешники.

Гитлера изображали очень страшным, помню, в какой-то картине он походил на черта, в другой, перевязанный платком, узел на макушке, — на старую ведьму. Остальные фашисты выглядели не лучше его, зато наши бойцы все как один были красивые, сильные, смелые и ласкали глаз бравой военной выправкой.

Порой вечерами нас зазывали к себе сестры-рижанки Лайма и Айна. У них было уютно, горела настольная лампа под зеленым стеклянным абажуром, на письменном столе стояли кружки с дымящимся кипятком. Мы пили кипяток, едва подкрашенный сушеной морковкой, ели паштет из белковых дрожжей — привычное лакомство тех лет — и подолгу беседовали. Большей частью вспоминали о прошлом. Все наши воспоминания были исполнены грусти и радости в одно и то же время. Радости потому, что, как нам казалось, мы знали счастье, грусти потому, что счастье кончилось.

Послушать всех, кого угодно, нашу московскую соседку, рижанок Лайму и Айну, сотрудников наркомата, кого ни возьми, выходило, что до войны у каждого, где бы он ни жил, жизнь была прекрасной.

Среди молочных берегов текли кисельные реки сплошного блистающего счастья. И все были абсолютно, решительно, непоколебимо счастливы.

— О, у нас на взморье по воскресеньям яблоко не упадет,— вздыхала мечтательно Айна, ей вторила Лайма.— Помнишь праздник Лиго в Межапарке?

— Межапарк! — стонала более экспансивная Айна. Лайма молча вытирала глаза. Должно быть, им часто снилась родная Рига, чайки над морем, желтый песок взморья, строгие ели Межапарка. Наши комнаты были рядом, порой приходилось слышать, как кто-то из них вскрикивал во сне, а однажды я проснулась ночью от плача. Это плакала Айна, прерывисто всхлипывая, повторяя все одно и то же:

— Неужели навсегда? И никогда, никогда больше? Да, никогда?

Ранней весной меня отправили на трудфронт. Наркомат получил предписание командировать на лесозаготовки троих молодых сотрудников; самым молодым сотрудником оказалась я и самым изо всех здоровым, потому что у остальных молодых можно было насчитать целый букет различных хвороб, и потому меня, единственную изо всех здоровую, послали на лесозаготовки под Белебей.

Однако мне не пришлось работать в лесу. Приехав на место, я свалилась в жестоком гриппе, осложнившемся воспалением среднего уха.

Я болела целых три недели. Меня определили в избу к старому леснику. Старик был добродушен, характера мягкого и покладистого, но не тогда, когда выпьет. Выпив, он становился сущим зверем, буйствовал, беспрерывно орал на свою жену Михевну, даже порывался иной раз ударить ее, а она, сохраняя невозмутимое спокойствие, не перечила ему ни единым словом. Зато позднее она, что называется, брала реванш, ругательски ругая за все, а он, проспавшись и окончательно протрезвев, лебезил перед нею, униженно просил прощения, обещая никогда, ни за что, ни одной капли...

В конце концов мне изрядно надоели оба старика со своими скандалами, едва поднявшись с постели, я на попутном грузовике укатила обратно в Уфу.

Близился вечер, когда я открыла калитку. На крыльце стояла Наина. Старый мужской, должно быть, Гришин пиджак был накинут на ее костлявые плечи, в руках ведро с водой... Она приставила ладонь козырьком к глазам, вглядываясь в меня, потом узнала.

— Долгонько тебя не было...

— Где мама?— спросила я.

Она ответила не сразу:

— Не знаю.

— В госпитале?— спросила я.

— Может, и так,— ответила Наина. Голос ее звучал обычно, негромко, глуховато, но мне почему-то стало вдруг как-то не по себе.

Я пробежала мимо нее, с силой дернула дверь в нашу комнату. Ни одна дверь, так уж было заведено в этом доме, никогда не запиралась.

В комнате, где мы жили с мамой, все было по-прежнему. Столик, два стула, две раскладушки. Шкафчик для посуды. Черный громкоговоритель на стене.

Но чего-то не хватало, чего, я не могла сразу сообразить, потом поняла: не было папиного габардинового плаща, висевшего обычно возле дверей, покрытого простыней. Не было — и все тут. Куда же он мог деться? Мама берегла его, сколько раз предлагали ей поменять плащ на масло, сало, картошку или баранину, она ни за что не соглашалась.

— А в чем же будет ходить мой муж, когда вернется?— спрашивала мама. Она меняла на продукты свои платья, даже летнее только-только сшитое в Москве пальто, которое очень шло ей, за это пальто мы получили два мешка картошки и килограмм сала, но папин плащ был неприкасаем, и я часто представляла себе, как мы приезжаем обратно, домой, нас встречает папа, и мама дает ему надеть его любимый плащ...

Я бросилась обратно к Наине. Она все еще стояла на крыльце, мыла рогожной тряпкой ступени.

— Где мама?— спросила я.— Говорите правду!

Наина снизу вверх глянула на меня. И вдруг с неожиданной теплотой, почти ласково взяла меня за руку.

— Тут вот какое дело...

— Что? Какое дело?— спросила я, едва шевеля губами, сердце мое внезапно застучало гулко и часто, так, что, казалось, всем кругом слышен этот громкий, сильный стук.

— Да ты сядь вот сюда, на ступеньку, здесь чисто, я вымыла...

Почти насильно она заставила меня сесть на ступеньку, сама присела возле меня. Маленькие глаза ее казались печальными.

— Ничего не поделаешь,— сказала Наина.— Стало быть, так суждено...

Мама умерла за неделю до моего возвращения. Вскоре, когда я уехала, она заболела воспалением легких. Лечили ее хорошо, сам начальник госпиталя распорядился отпустить для нее все, какие будут нужны, лекарства. И вроде бы все уже шло на поправку, но сердце не выдержало.

Однажды утром она не проснулась.

— Господь ей легкую смерть послал,— сказала Наина.— Хорошо, что не мучилась...

— Легкую?— переспросила я.— А вы откуда знаете?

Мне представилось в этот миг, как мама ночью мечется на ветхой своей раскладушке, сжигаемая жаром, даже не имея сил позвать кого-нибудь. Сколько часов довелось ей промучиться? Часов, особенно долгих ночью?

— Мы тебе телеграмму на другой же день отстучали,— сказала Наина.

— Я не получила, я сама лежала в избе у лесника.

— Так без тебя и похоронили, больше нельзя было ждать...— Наина передернула плечами, словно ей разом стало холодно: — Зато место на кладбище дали хорошее, за это ваш плащ взяли, а место, ты увидишь, хорошее. Самой бы мне лежать в пору...

Опустив голову, она задумалась. Губы ее были скорбно сжаты.

В этот миг она казалась мне никакой не Наиной, а обыкновенной, придавленной горем, неброской старухой, какие в ту пору встречались так часто.

Позднее явились с работы сестры-рижанки. Одинаковые щегольские пальто из букле, белокурые локоны тщательно причесаны, на губах помада — розовая у Айны, карминно-пурпурная у Лаймы. Помню, взглянув на них, я поймала себя на чувстве неприязни, даже вражды к ним. У меня горе, мамы нет, никогда не будет, а они оживленные, даже вроде бы веселые, намазанные и завитые...

Тогда я еще не понимала до конца, что каждому суждено переживать свое горе в одиночку, один на один с самим собой.

Увидев меня, Лайма и Айна разом бросились ко мне, обняли, расцеловали и заплакали обе сразу.

И я заплакала вместе с ними.

А от папы все не было и не было писем. И я решила: «Мы отправились в Уфу без него, он не знает, уехали мы или остались дома, может быть, ему и в голову не приходит, что мы в Уфе. И он пишет домой...»

Мне виделся облезлый почтовый ящик, висящий возле нашей квартиры, переполненный папиными письмами. И никто их не вынимает, никому нет дела до нашего ящика.

Очень хотелось в Москву. Я спала и видела замоскворецкие улицы, которые назывались так неповторимо по-московски: Якиманка, Полянка, Пятницкая, Калужская, Серпуховка, Мытная, Житная, Шаболовка, Коровий вал...

Мысленно я проходила по Замоскворечью, знакомые дома двигались мне навстречу, деревянные, провинциальные с виду особнячки, окруженные палисадниками, с завалинками возле заборов, по мостовой неторопливо, тяжело покачивались грузные троллейбусы, голубые искры летели с проводов, угасая в густой, немеркнущей зелени деревьев, растущих по обе стороны тротуара.

Как же она была чудесна, Москва! И как же болело сердце в разлуке с нею!..

Я вставала утром, шла в свой наркомат, разговаривала с людьми, разносила служебные бумаги, выполняла поручения, потом возвращалась домой, ложилась на свою раскладушку и начинала вспоминать о доме, о Москве.

Как-то мне довелось услышать:

«Дома стены помогают...»

Я на разные лады повторяла эти слова. В самом деле, дома и вправду стены помогают, они с тобой заодно. Но как попасть домой? Что для этого надо сделать?

Помог, как оно часто бывает, случай.

Раненый Сережкин ехал домой, в Рязань. Ему нужен был сопровождающий, потому что он был на костылях, и начальник отделения предложил мне ехать с ним.

— Доедешь до Рязани, а там уж рукой подать до Москвы,— сказал начальник. Я тоже так считала. Рязань не Уфа, как-нибудь доберусь.

Собирали меня все вместе: Наина напекла на дорогу подорожников из белой муки, которую хранила для Гриши с Анфисой.

— Ладно, приедут, отыщем для них еще какой мучицы,— великодушно решила Наина.— Лишь бы вернулись живыми.

Сестры-рижанки подарили мне почти не одеванное пальто из букле и шелковый шарф ядовитого фиолетово-синего цвета.

— Ты будешь самая большая франтиха в Москве,— сказала Айна, а Лайма грустно добавила:

— Когда я надевала этот шарф на взморье, все смотрели на меня.

Сережкину было двадцать три года, а выглядел он едва на восемнадцать. Светловолосый, веснушчатый, сероглазый, он с первого же дня сказал мне:

— Если хочешь, едем к нам в Палисадово, устроишься там, будешь жить припеваючи...

— Что еще за Палисадово?— спросила я.

— Моя родина,— горделиво произнес он.— Я там родился, большое, очень красивое село, леса, луга заливные и Ока...

— Нет,— сказала я.— Мне надо в Москву и как можно скорее.

— Тогда как знаешь,— ответил Сережкин.

Мы сели с Сережкиным в переполненный вагон, я подошла к окну, увидела стоявших на перроне Наину и сестер-рижанок.

Они что-то говорили все вместе, но окно не открывалось, и я не могла слышать, что они говорят.

Я стояла у окна, мне вспоминалось все, что было, казалось бы, совсем недавно; вспомнилась мама, ее усталые глаза, темные на бледном лице ресницы, медленный, низкий голос.

Слезы невольно покатились по моим щекам, а Наина и сестры, разом замолчав, печально смотрели на меня.

Потом поезд качнуло, и он двинулся, пошел. В последний раз я увидела Наину, Лайму, Айну. Поплыли перед глазами дома и деревья города, в котором навсегда осталась моя мама.

— Вот и все,— сказал Сережкин.— Теперь поехали.

Он вынул хлеб, крутые яйца, соль в тряпочке, кусок жареного мяса. Сказал мне:

— Давай присаживайся.

До сих пор ясно помнится мне соленый от слез вкус хлеба, черного, грубой выпечки, с

остинками, царапавшими горло, хлеба военной поры.

Я ела хлеб и не переставала плакать, но никто не приставал ко мне, никто не пытался расспросить или утешить. Война. У каждого своя беда, свое неизбывное горе.

Прошло два с половиной дня, и вот я очутилась совершенно одна в городе Спасске, что неподалеку от Рязани. Сережкин укатил на попутной машине в свое Палисадово, а я решила во что бы то ни стало пробраться в Москву. Чего бы мне это ни стоило!

Как бы со стороны я смотрела на себя: стою на неширокой вокзальной площади, в руках небольшой чемодан. В чемодане зимнее мое пальто, валенки, две буханки хлеба, связка лука.

И еще немного, совсем немного денег в кармане кофты.

До самого вечера я бродила по Спасску, вдоль и поперек исходила неширокие его улицы.

Забрела на рынок, купила граненый стакан варенца, съела его с ломтем черного хлеба. Потом опять бродила без устали, не зная, что делать, куда идти.

В маленьких деревянных домах постепенно зажигались огни. Я смотрела на уютные окна, сиявшие теплым светом разноцветных абажуров, и думала: что будет со мною сегодня ночью? А завтра? Или послезавтра? Или через неделю?

Как быть? Куда идти?..

И все-таки, должно быть, я родилась счастливой. С самого детства мне везло на хороших людей. Повезло и на этот раз.

Когда я снова вернулась на вокзальную площадь, исходив, наверно, никак не меньше полусотни километров, я увидела голубой грузовик, стоявший на краю площади.

Я подошла ближе. Плечистая, высокая женщина в темном ватнике, покуривая, стояла возле грузовика.

Я хорошо разглядела ее. У нее было широкоскулое лицо, выпуклый, без единой морщинки лоб. Густые брови, красивый рот, нижняя губа чуть шире верхней. Россыпь веснушек на переносице.

Она тоже смотрела на меня, попыхивая папиросой-«гвоздиком».

— Чего глядишь?— спросила добродушно.— Никак наглядеться не можешь?

Обычно я за словом в карман не лезла, но тут почему-то молчала, не находя, что сказать в ответ.

Наверно, я показалась ей очень жалкой или просто выглядела усталой, почти больной, потому что внезапно она сказала совсем другим, более мягким тоном:

— Что с тобой? А ну расскажи.

Я рассказала ей все. И про маму и про то, что от папы не было писем. И что я сплю и вижу снова очутиться дома, в Москве.

Она слушала, не перебивая.

— Пропуск есть?— спросила.

— Нет.

— Вот оно что!

Вынула из кармана ватника смятую пачку папирос, закурила новый «гвоздик».

— Что с тобой делать, просто не знаю,— сказала, глубоко затянувшись.

— И я не знаю,— сказала я.

Впервые мне ясно представилась вся необдуманность моего поступка. Надеялась на авось, и что же получилось? Все равно без пропуска мне в Москву никогда не попасть.

— Спрошу-ка я дедулю, что нам делать,— сказала женщина.

— Кого?— переспросила я.

— Дедулю.

Она открыла дверцу кабины, позвала негромко:

— Дедуля, а ну давай сюда...

Щупленький, невысокий человек вылез из кабины. Повел на меня улыбчивым глазом, потом глянул на нее.

— Чего, тетя Лена?

— Что с нею делать, посоветуй...

— Сейчас,— живо отозвался дедуля. На вид ему было не больше, но и не меньше тридцати. Один рукав старенькой, застиранной гимнастерки подвернут под пояс. Наверно, воевал, оставил руку где-то в бою, теперь, вчистую отвоевавшись, демобилизовался.

Тетя Лена неторопливо рассказала ему про

меня. Он слушал ее, то поглядывая на меня, то на нее круглыми, веселыми глазами.

— А что, если мы ее возьмем с собой?— спросил дедуля.

— С собой?— задумчиво повторила тетя Лена. Обернулась ко мне.— Если тебя застукают, то и мне не поздоровится, потому что везу без пропуска.

— А вдруг не застукают?— спросил дедуля и сам же ответил: — Ведь могут и не застукать.

— Конечно, ей без нас податься некуда,— все так же задумчиво продолжала тетя Лена. Долго стояла, не говоря ни слова, потом обернулась ко мне.

— Полезай в кузов, ложись в самом углу, поняла?

— Поняла,— радостно ответила я, взобралась на колесо, а с колеса прыгнула в кузов.

Тетя Лена и дедуля приехали в Спасск из Москвы за картошкой. В ту пору многие учреждения и заводы посылали своих снабженцев на машинах за картошкой в города и районы, не бывшие под немцем.

Дедуля работал в орсе номерного завода, там же шофером работала и тетя Лена, Елена Ивановна.

— Почему вы зовете его дедулей?— спросила я.

— За волосы,— ответила она.— Его у нас на заводе все так зовут.

Дедуля подмигнул мне, сдвинул бобриковую серую солдатскую ушанку набок, и я увидела совершенно белые прямые волосы. И вправду, дед дедом.

— Я с детства седой,— пояснил он мне.— Альбинос, что ли.— Подумал и добавил:— Ничего, и альбиносом жить можно, зато живой остался, правда, руку под Смоленском похоронил.

Мы ехали около двух суток. Ночью я менялась с дедулей, он садился в кузов, а я в кабину, рядом с Еленой Ивановной.

Она вела машину щегольски, как бы козыряя своим умением, ловкостью, четкими движениями смуглых, красиво вылепленных рук.

На дороге нам встретилось четыре контрольных пункта.

Мы их благополучно миновали, солдаты читали проездные документы, спрашивали, что за груз она везет в Москву, потом отпускали на все четыре стороны.

Каждый раз Елена Ивановна говорила:

— Наконец-то! Пронесло!

И я понимала, она боялась за меня, ну, и, само собой, за себя, потому что, если бы меня нашли, ей бы тоже не поздоровилось.

— У меня и муж и сын на фронте,— призналась Елена Ивановна.— Оба на разных фронтах, сын на Кавказе, а сам — на Курской дуге. Уже раз был ранен, опять пошел воевать.

Разволновалась, быстро закурила свой «гвоздик», сказала:

— И все равно, если тебя найдут, ничего не поможет, и тебе и мне попадет на орехи.

Уже перед самой Москвой на контрольном пункте, как назло, попался особенно въедливый лейтенант.

Мало того, что настойчиво светил фонарем прямехонько в лицо Елене Ивановне, пронзая ее острыми, молодецевато прищуренными глазами, мало того, что несколько раз перечитал ее документы, шевеля про себя губами, словно незадачливый ученик в школе, он еще пожелал взобраться в кузов.

Я лежала ни жива ни мертва в своем углу, заваленная мешками с картошкой.

Спотыкаясь, он шагал по картошке.

— Вы, пожалуйста, поаккуратнее,— вежливо сказал дедуля.— А то своими сапогами всю картошку нам перемнете.

Лейтенант, не слушая его, шагнул дальше и упал.

Это меня и спасло. Хотя я и дала себе слово — лежать тихохонько, даже если он и наступит на меня, прямо вот так вот встанет и пойдет по мне своими сапогами, все-таки было боязно, а вдруг не выдержу, вскрикну? Или он сам внезапно увидит меня?

К счастью, лейтенант раздумал шагать дальше, соскочил на землю. До меня донесся его голос:

— Скоро поедете...

Я прижалась лицом к доске, отыскала в ней крохотную дырочку. Прямо передо мной было лицо лейтенанта, словно из дерева вырезанное, с тяжелой челюстью, небрежно выбритым подбородком. На миг узкие, прищуренные его глаза встретились с моими глазами, я мгновенно отпрянула, мне показалось, что он увидел меня.

Машина тронулась. Я засмеялась от счастья.

Все. Теперь уже не будет никаких контрольных пунктов.

Впереди Москва.

Мы остановились в негустой роще. Елена Ивановна постучала мне в кузов. Я соскочила на землю.

Было уже темно, очень тихо.

Неясно белели в темноте высокие прямые березы. Елена Ивановна стояла возле машины, жадно курила. Дедуля, мечтательно закинув голову, глядел в ночное небо.

Я подошла к Елене Ивановне, стала рядом с нею.

— Жива?— спросила она.

— А как же. А что?

Она старательно втоптала окурок в землю.

— А то, что не знаю, как ты, я натерпелась страху.

— Ну и лейтенант попался,— сказал дедуля.— До того вредный, такому бы начпродом быть или в столовой вкалывать, цены бы тогда не было.

— Его работа такая,— сказала Елена Ивановна.

Вздохнула, глядя на зубчатые ветви ели, растущей напротив нас.

— Как-то там мои сейчас? Что с ними?

Она вынула новый «гвоздик», глубоко, с удовольствием затянулась.

— Мы сейчас где?— спросила я.

— К Удельной подъезжаем. Ты где живешь?— спросила она.

— На Шаболовке.

— Немного не по дороге, ну да ладно, довезем тебя до самого дома.

— Зачем?— воскликнула я.— Прекрасно доберусь сама.

Елена Ивановна усмехнулась.

— Слышь, дедуля, какая она у нас прыткая, хочет сама до дома добраться.

— В Москве нельзя ходить без ночного пропуска,— поучительно произнес дедуля.— Разве не слышала?

Я не ответила ему.

Родной, любимый мой город был рядом, рукой подать. Еще немного, самую малость, и я буду у себя дома, открою свою дверь и непременно, наверняка выну из ящика папины письма.

А может быть, папа дома? Вдруг по какой-нибудь причине его демобилизовали? Или у него командировка на несколько дней? Или маленький отпуск? И так бывает.

Елена Ивановна молча смотрела на меня, словно понимала мои мысли.

— Никогда вас не забуду,— сказала я.

Она усмехнулась.

— Забудешь.

— Нет, не забуду.

Она настойчиво повторила:

— Забудешь. В жизни столько разных людей встречается, всех не упомнишь.

Круто оборвала себя, решительно забралась в кабину.

— Поехали, мне еще домой в Карачарово ехать и дедулю в Лосинку везти.

Машина снова тронулась. С каждой минутой Москва становилась все ближе; казалось невозможным, невероятным, удивительным, что еще через какой-нибудь час, не больше, я буду у себя на Шаболовке.

...Елену Ивановну я не забыла. Но больше нам не привелось с нею видеться. Ни с нею, ни с дедулей.

По моей ли вине или, как принято говорить, жизнь развела в разные стороны? Не знаю. А вот не встретились мы с нею больше, и все. Так как-то получилось...

ВАРЯ БЕ
ИЗ «ПОРТ-

Лидия Васильевна Кобеляцкая.

Не так давно пришлось мне побывать в одной из школ Кисловодска. Просматривая в пионерской комнате альбомы с фотографиями, я наткнулся на снимок, где среди веселой ребятни сидела старая женщина с живыми, лукавыми глазами и по-детски открытой улыбкой.

Не скрою, я очень обрадовался этой встрече, пусть на фотографии, с человеком, с которым судьба свела меня впервые почти двадцать лет назад. Наше знакомство состоялось благодаря счастливому случаю. В библиотеке санатория я брал перечитать роман А. Степанова «Порт-Артур» — захотелось воскресить в памяти события, описанные в этой увлекательной книге. Девушка, выдававшая книги, спросила:

ЛАЯ АРТУРА»

— Вам нравится «Порт-Артур»? Могу вас удивить: здесь, в нашем городе, живет его героиня — Варя Белая.— И добавила, видимо, зная, что я журналист: — Интереснейшая женщина! Если хотите ее повидать, могу дать адрес...

Образ славной, искренней и храброй девушки из романа «Порт-Артур» всегда вызывал у меня огромную симпатию, и стоит ли говорить, что я в тот же день отправился повидать ее.

Подъем по крутой лестнице — и вот я в небольшой, скромной и уютной комнате, где каждый предмет, каждая фотография напоминает о незабываемой странице русской воинской славы. Навстречу мне вышла подвижная, приветливая старушка. На румяном лице — синие-синие, совсем по-молодому блестящие глаза.

На мое обращение по имени-отчеству — Варвара Васильевна — хозяйка засмеялась и отрицательно качнула головой:

— Не вы первый, голубчик, ошибаетесь. В книге я действительно Варя, а в жизни — Лидия. Александр Николаевич писал свою книгу на основании дневников своего отца, капитана Степанова, участника порт-артурской обороны, командира Суворовской мортирной батареи. А там я упоминалась просто как дочь генерала Белого. Работал же Степанов над романом в дни Великой Отечественной войны и разыскать меня не смог. Впрочем,— добродушно добавила она,— не велика беда. Я ведь фигура не историческая, не полководец, тем более что характер мой схватил он точно, да и многое из того, что происходит со мной в книге, было на самом деле.

Уловив мой взгляд на стену, где на фотографии Лидия Васильевна была снята верхом на лошади, она с легкой грустью вздохнула:

— Девушкой я и впрямь была бойкой, независимой, лихо гарцевала на отцовской кобыле, хотя воспитание получила в Институте благородных девиц. И неудивительно: ведь я дочь кадрового военного, даже родилась во время русско-турецкой войны в крепости Карс.

Разговор зашел о ее семье. Лидия Васильевна с гордостью рассказывала о своих родителях, братьях.

— Степанов создал очень правдивый образ моего отца — Василия Федоровича Белого. Он был настоящим патриотом, справедливым человеком, пользовался большой любовью солдат и всех честных, до конца преданных родине офицеров.

Об этом свидетельствует и мужественное, самоотверженное поведение генерала после того, как Порт-Артур был сдан японцам. Как помнит, наверное, читатель, роман Степанова кончается тем, что Василия Федоровича Белого увозят в плен. Так оно и было на самом деле. Японцы, правда, предложили освободить его при условии, что он даст подписку не воевать с ними. Однако генерал Белый наотрез отказался. «Мой долг,— сказал он,— быть там, где мои солдаты. Я не буду себя уважать, если не разделю с ними невзгоды пребывания на чужбине».

Вместе с ним переносил все тяготы плена и его сын Леонид, офицер-артиллерист, как и отец, участник обороны Порт-Артура. Кстати, и другие два брата Лидии Васильевны тоже были артиллеристами. Старший, Иван, полковник, погиб под Мукденом. Олег пал геройски во время первой мировой войны. Он был ранен, товарищи, рискуя жизнью, хотели вынести его под огнем с поля боя, но он не пожелал подвергнуть их смертельной опасности и застрелился. Оба брата за храбрость были награждены золотым оружием.

— По традиции я тоже вышла замуж за артиллериста, и в этом Степанов не ошибся,— продолжала свой рассказ Лидия Васильевна,— настоящая фамилия моего мужа не Звонарев, как в романе, а Кобеляцкий. Он отважно сражался во время империалистической войны, попал затем в плен. И я не могу снова не упомянуть о том поистине редкостном даре, которым владел Александр Николаевич Степанов. Не зная ничего о Кобеляцком, он наделил Звонарева чертами характера, свойственными моему мужу. Иван Дмитриевич был демократичен, прост в обращении, понимал заботы и нужды подчиненных. И не случайно по возвращении на родину солдаты выбрали его командиром части. К сожалению, он вскоре скончался в вильнюсском госпитале от последствий отравления ипритом.

Лидия Васильевна показала мне целые связки писем. Она до последних дней жизни вела переписку с бывшими портартуровцами, с семьями погибших и умерших солдат и офицеров. Особенно тесную дружбу поддерживала она с дочерью генерал-лейтенанта Романа Исидоровича Кондратенко, тоже одного из главных действующих лиц «Порт-Артура». Мария Романовна Кондратенко жила тогда на Украине, давала уроки музыки в детском саду. В одном из писем к Лидии Васильевне она писала: «Я тоже, как и Вы, получаю много писем из разных концов нашей страны, свидетельствующих о том, что подвиги героев русско-японской войны не забыты нашим народом». Примечательно, что внук Р. И. Кондратенко — Олег Петрович Мирошников — пошел по стопам деда. Он окончил ленинградское военно-инженерное училище.

С уважением и большой симпатией отзывалась Лидия Васильевна о ближайших соратниках отца, о тех, кто разделял его взгляды и убеждения.

— Как известно из романа, вместе с отцом отказался дать подписку японцам и генерал Надеин. Это был большой друг нашей семьи. Я хорошо помню его, а также генерала Кондратенко. Образы их весьма удались Александру Николаевичу Степанову. Это были истинно русские патриоты, люди, понимавшие солдатские души и лишенные кастовых предрассудков.

Переписывалась Белая и с внуком адмирала С. О. Макарова, которого очень почитал ее отец, писателем из Волгодонска Владимиром Викторовичем Смиренским. Показывала она мне и любопытное письмо от старого солдата (в 1960 году ему было девяносто лет), участника русско-японской войны — Якова Моисеевича Гринблата, где есть строки, наглядно характеризующие Василия Федоровича Белого: «Я никогда не забуду Вашего отца. Мне неоднократно приходилось общаться с ним, и я всегда убеждался в его сердечном отношении к простому солдату. Раз как-то я принес ему мундир. Он не заставил меня стоять навытяжку, усадил за стол, угостил папиросой и долго расспрашивал меня о моей жизни. А встреча на улице Порт-Артура со Стесселем закончилась для меня плачевно. Он придрался ко мне из-за пустяка, приказал снять с меня новые сапоги и изрубить их в куски...»

Лидия Васильевна говорила, что есть веские основания предполагать, что Я. М. Гринблат послужил Степанову прототипом для создания образа шутника и неудачника Давида Зайца.

В Кисловодске мне рассказывали о той благородной роли, которую сыграла Белая в судьбе старейшей участницы обороны Порт-Артура — бывшей сестры милосердия Елены Кондратьевны Митянской. Встретила ее Белая случайно, на улице, было ей тогда свыше ста лет. Жила Митянская одна, тяжело болела, приходилось ей трудно. И Лидия Васильевна до самой смерти помогала, чем могла, дряхлой и беспомощной женщине.

Все, что связано с «Порт-Артуром», было дорого ее сердцу. Она переписывалась с Александром Николаевичем Степановым, а когда роман был инсценирован и поставлен на сцене Малого театра, Лидия Васильевна завязала дружеские связи с исполнительницей одной из главных ролей — народной артисткой СССР Еленой Митрофановной Шатровой. Внучка ее Галина бывала в Москве на спектакле, в доме прославленной актрисы ее принимали как родную.

Отец героини романа, генерал Василий Федорович Белый, не дожил до Октябрьской революции. Он умер в 1913 году и похоронен в Царском Селе, ныне Пушкине. Многие из офицеров и курсантов ленинградских военных училищ, состоящие в переписке с Лидией Васильевной, ухаживают за могилой до сих пор.

Нет сомнения, что все, связанное с бессмертным подвигом русских солдат и офицеров, проявивших чудеса отваги, бесстрашия, стойкости, верности воинскому долгу при защите Порт-Артура, дорого для советских людей.

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

ПАМЯТИ БЭГЗИЙНА ЯВУУХУЛАНА

Горькая весть пришла из братской Монголии: умер Бэгзийн Явуухулан, скончался в расцвете сил и дарования. Перестало биться сердце поэта, чей выдающийся талант оставил неизгладимый след в монгольской национальной литературе, в поэзии всего современного Востока.

Судьба Б. Явуухулана неразрывно связана с судьбой его народа, страны, в течение жизни одного поколения проделавших путь, равный столетиям. Путь из мрака феодализма, минуя капитализм, к светлым высотам развитого социалистического общества, к новой жизни, проникновенным певцом которой и был поэт.

И как не петь!
Любовь к родному краю
меня несла на песенной волне,—

писал он в одном из своих последних стихотворений.

Родился Б. Явуухулан в 1929 году в западной Монголии в семье скотовода-охотника. От родителей он унаследовал любовь к родной земле — к бескрайним степям и высоким горам, жаркому дыханию пустыни и животворной прохладе быстрых рек. Вместе с молоком матери впитал он и богатейший национальный фольклор — сказки, былины, песни, образы которых потом органично вошли в его стихи. Писать Б. Явуухулан начал рано, со школьной скамьи, затем в финансовом техникуме. Окончательно дарование поэта сформировалось в конце пятидесятых годов, в период учебы в московском Литературном институте имени А. М. Горького. К этому времени стихи Б. Явуухулана получают известность на родине, издаются отдельными сборниками, вызывающими широкий резонанс в литературной и читательской среде. Тогда же их стали охотно переводить и в других странах, в том числе в СССР. На русском языке первый сборник лирики Б. Явуухулана вышел в свет в 1960 году, последний (последний по времени, но не по счету!) издан незадолго до безвременной кончины поэта в «Библиотеке «Огонек». А всего стихи Явуухулана переводились на языки более шестидесяти народов мира.

Привлекают они прежде всего идейностью, гражданским пафосом и глубиной философского осмысления жизни. Яркая ассоциативность, пристальное внимание к внутреннему миру человека, тончайший лиризм отличают творчество поэта, позволяют говорить о своеобразной «школе Явуухулана», учениками которой с гордостью называют себя многие современные поэты Монголии.

Кроме поэтического творчества, Б. Явуухулан вел большую партийную и общественную работу, был секретарем Союза писателей МНР. Поэт-интернационалист, искренний друг нашей страны, он постоянно заботился о пропаганде литератур советского многонационального государства, дружбе наших народов. Активно участвовал Б. Явуухулан и в деятельности международных региональных организаций писателей, прежде всего стран Азии и Африки.

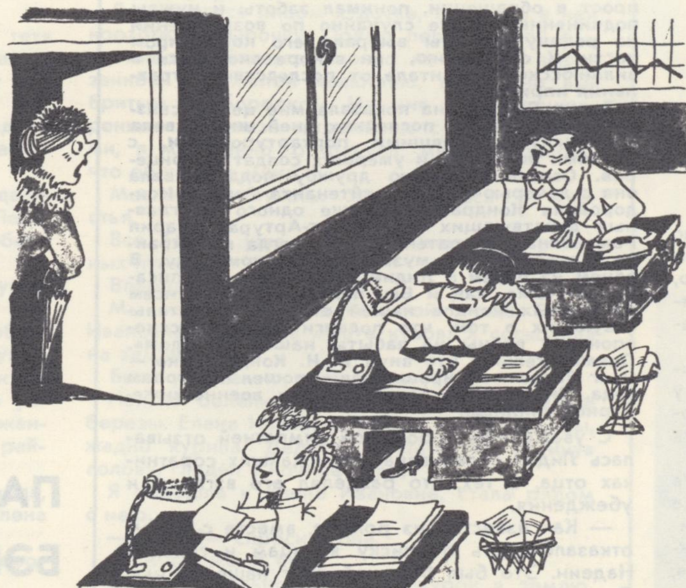
Плодотворная творческая и общественная деятельность Б. Явуухулана была отмечена Государственной премией МНР, он удостоен звания заслуженный деятель культуры республики.

Поэт Бэгзийн Явуухулан ушел от нас, но стихи его живут. Им уготована долгая жизнь.

НЕПРИЕМНЫЙ ДЕНЬ

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

Н. ЕЛИН, В. КАШАЕВ

Некоторые полагают, что волшебникам, как и футбольным судьям и директорам мебельных магазинов, все человеческие слабости чужды. На то они, дескать, и волшебники, чтоб быть выше людской суеты. Так-то оно, может, и так, но только жизнь с этим их привилегированным положением считаться не хочет и порой подкладывает им такую свинью, что они начинают кипятиться и выходить из себя, как самые простые смертные. Уж на что, скажем, феи — кроткие существа, а и те иногда не выдерживают контакта с реальной действительностью. В прошлом месяце одна такая задумчивая старушка фея приковыляла в наше учреждение за какой-то справкой. То ли она ей для пенсии потребовалась, то ли для какой-нибудь там нездешней отчетности, но сотрудница, к которой она обратилась, не только никакой справки ей не дала, да еще и проработала ее как следует за то, что людей от дела отрывает. Фея ей попыталась что-то объяснить, но сотрудница слушать ничего не стала и по-дружески посоветовала ей не морочить голову себе и людям. Фея довольно-таки долго держалась с достоинством, даже когда ее назвали старой лысой мочалкой. Но, когда увлекшаяся сотрудница сравнила ее с ржавой кофейной мельницей, фея не выдержала.

— О несчастная! — гневно воскликнула посетительница, взмахнув складным японским зонтиком.— Ты осмелилась посягнуть на самое драгоценное, что у меня есть,— на мой голос! Голос, который все мои знакомые находят похожим на журчание горного ручья, на звуки флейты, этот голос ты посмела сравнить со скрипом заржавевшей кофемолки! Так умри же, осквернительница прекрасного! Пусть тебя... пусть тебя немедленно растерзают львы!.. Раз... Два...

Фея хотела уж было произнести слово «три!», но запнулась, прикинув в уме, что такая смерть, пожалуй, обойдется слишком дорого. Начальство может не утвердить таких расходов, и потом придется расплачиваться за львов из собственного кармана. Лучше львов чем-нибудь заменить...

— Пусть поразит тебя молния! — вскричала фея и хлопнула в ладоши.— Раз... Два...

Но тут она вспомнила про энергетический кризис и решила поберечь атмосферное электричество. Волшебница перебрала в уме еще несколько вариантов эффектной расправы и с сожалением отвергла их один за другим. К этому времени она уже немножко остыла, да и торчать тут, в учреждении, было некогда — пора было гулять с собакой. Фея задумчиво почесала зонтиком спину и, вздохнув, решила ограничиться полумерами.

— Пусть с этой минуты ты погрузишься в сон и будешь спать, не просыпаясь, ровно сто лет, день в день и час в час! Раз... Два... Три!..

Волшебница трижды хлопнула в ладоши и, улыбнувшись нехорошей улыбкой, исчезла вместе со своим японским зонтиком, даже не попрощавшись и не оставив адреса.

В общем, как говорится, порок наказан, а добродетель торжествует. Но, с другой стороны, добродетель тоже торжествовать не может, потому что необходимую справку она так и не получила. А без справки торжество получается неполноценным даже у добродетели. Всю ночь фея провела в размышлениях. Гнев ее уже немножко улегся, отчасти сменился меланхолией, и стало ей до боли жалко себя, и справку, и даже наказанную сотрудницу.

«Ведь у нее, наверное, близкие есть,— мучилась угрызениями совести вспыльчивая старушка.— Я видела, на столе у этой несчастной, под стеклом трогательная фотография лежала: собака в наморднике. Каково ей теперь без хозяйки? Может быть, у нее нет никого ближе. Ни одной родственной души... Ладно, так и быть, прощу эту грубиянку. Я уверена, что это ей послужит хорошим уроком...»

Наутро, как только рабочий день начался, приходит фея в то самое учреждение, находит нужный кабинет, открывает дверь и видит: подложив под голову чернильный прибор, спит за столом та самая сотрудница. Взмахнула фея рукой, хотела ее расколдовать, однако в последнюю минуту присмотрелась и начали ее сомнения одолевать. Похоже, что сотрудница была не та, а совсем другая. Та, вчерашняя, была, кажется, шатенка, а тут спала типичная блондинка.

«Наверное, я ошиблась дверью»,— подумала фея, на цыпочках выйдя из комнаты, заглянула в соседний кабинет и в ужасе отшатнулась. Там за таким же столом спал мужчина.

— Чур меня, чур! — испуганно пробормотала фея и в панике выскочила в коридор. Она точно помнила, что мужчину не усыпляла. То ли это были козни конкурентов, то ли собственный склероз. Чтобы уточнить это, волшебница после некоторого раздумья неслышно приоткрыла еще одну дверь и боязливо просунула в щель голову. В этой комнате спали сразу четыре женщины.

— Батюшки! — запричитала фея.— Какое ужасное недоразумение! По моей вине пострадали невинные люди! Видно, я по халатности заколдовала весь коллектив!

Она бросилась к ближайшему столу и принялась энергично трясти за плечо спящую за ним сотрудницу.

— Проснитесь! Вы слышите, гражданка, проснитесь! Вы тут ни при чем! Поверьте, я усыпляла совсем другую женщину...

— М-м...— недовольно пробормотала сотрудница и приоткрыла один глаз.— В чем дело? Сегодня неприемный день!

Она положила голову на другую руку и снова смежила веки.

— Постойте, постойте! — опять затеребила ее фея.— Я должна вам объяснить. Это я во всем виновата...

— Гражданка, не мешайте работать! — отчеканила женщина, не открывая глаз.— Вам русским языком говорят: мы заняты, приходите в понедельник...

Фея хотела ей возразить, но в этот момент вспомнила наконец о своей волшебной силе.

— Сейчас я их расколдую всех разом,— прошептала она и взмахнула руками.— Раз... Два... Три!

Здание потряс удар грома еще сильнее, чем накануне. Словно пепел из проснувшегося вулкана, посыпалась с потолка штукатурка. Ослепительная молния влетела в окно, попала в кого-то из сотрудников и отскочила обратно. Все это произошло так стремительно, что никто не успел поднять головы. Все продолжали спать как ни в чем не бывало, только пораженный молнией сотрудник время от времени недовольно морщил нос, пытаясь согнать спящую на нем муху.

— Товарищи, почему вы не просыпаетесь?! — занервничала волшебница.— Я вас уже расколдовала, можете вставать! Товарищи, подъе-ем!!!

На шум явился пожилой усатый вахтер.

— Чего расшумелась, мать? Сказано тебе: неприемный день. В понедельник приходи...

Фея хотела что-то возразить, однако вахтер вежливо, но твердо взял ее под руку.

— Пойдем, пойдем, мать. Не мешай людям работать...— И он галантно раскрыл перед ней дверь.

Придя домой, волшебница всплакнула, потом утерла слезы, подошла к старомодному трюмо и принялась критически разглядывать себя в зеркале. Осмотр, видимо, не удовлетворил ее. Она тяжело вздохнула, достала лист бумаги и, сев к столу, принялась писать заявление с просьбой уволить ее с должности феи ввиду утери квалификации.

Юмор

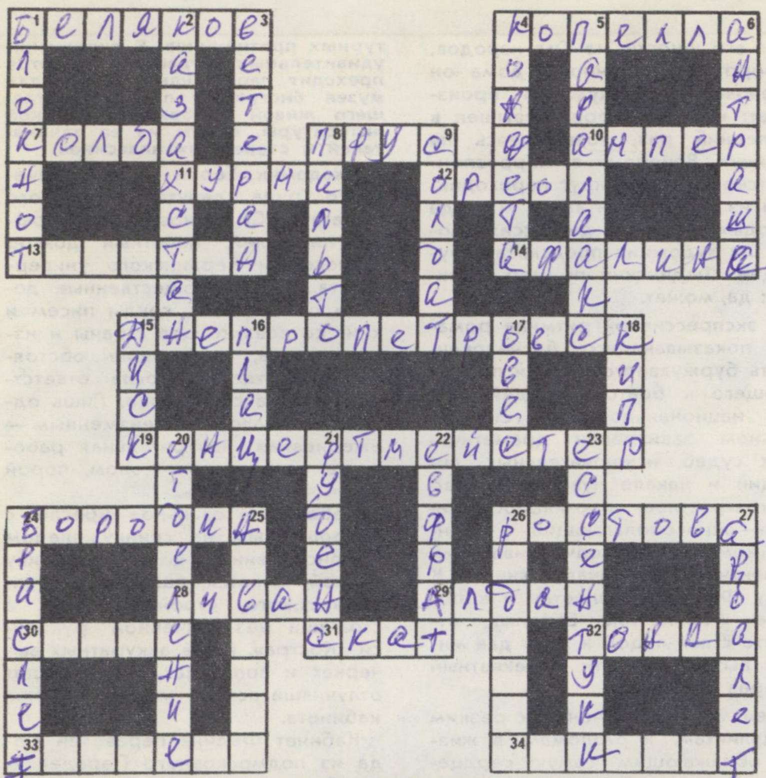
По щучьему велению. Рис. Л. Тишкова.

Рис. Ю. Кособукина (Киев).

Рис. К. Рыбалко.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Штурман первых дальних беспосадочных полетов, Герой Советского Союза. 4. Коллектив певцов и музыкантов. 7. Лабораторный сосуд. 8. Польский писатель. 10. Единица силы электрического тока. 11. Южное плодовое дерево и кустарник. 12. Оптический фон вокруг изображения источника света. 13. Герой оперы Р. Вагнера. 14. Животное семейства дельфиновых. 15. Областной центр на Украине. 19. Пианист-аккомпаниатор. 24. Русский композитор и ученый-химик. 26. Героиня романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 28. Государство в Западной Азии. 29. Приток реки Лены. 30. Народная писательница Латвии. 31. Крупная плоская морская рыба. 32. Единица массы. 33. Живопись специальными красками. 34. Стихотворная форма.

По вертикали: 1. Записная книжка. 2. Советская союзная республика. 3. Старый воин, работник. 4. Кондитерское изделие. 5. Видимое изменение положения небесного светила. 6. Прыжок в балете. 8. Верхняя одежда. 9. Военнослужащий, рядовой. 15. Спортивный снаряд для метания. 16. Площадь для строевых занятий, парадов. 17. Злак. 18. Остров в Средиземном море. 20. Войсковое подразделение. 21. Фламандский живописец. 22. Река в Турции, Сирии, Ираке. 23. Курорт в Ставропольском крае. 24. Украшение, носимое на запястье. 25. Рассказ А. П. Чехова. 26. Минерал, поделочный камень. 27. Старинное метательное оружие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 7. Строфика. 8. Аквариум. 9. Кюхельбекер. 12. Кварта. 14. Омолой. 15. Анива. 16. Бразилия. 18. «Свинопас». 20. Цистерна. 23. Барвинок. 25. Труба. 26. «Космос». 28. Ректор. 29. Макогоненко. 30. Горбатко. 31. Карамзин.

По вертикали: 1. Сталевар. 2. Бирюса. 3. Пашенная. 4. Ватерпас. 5. Овьедо. 6. Туманова. 10. Хризантема. 11. «Воробьишко». 13. Бидструп. 17. Иран. 19. Вода. 21. Изолятор. 22. Атомоход. 23. «Баядерка». 24. Озокерит. 27. Спарта. 28. Ракурс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Антс Таммлехт, заместитель председателя колхоза «Сааре Калур». (См. в номере материал «Голоса острова».)

Фото В. Сальмре.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Старший научный сотрудник А. Ю. Абдуллаева за пультом управления гамма-камерой * Главный врач клиники института С. Ф. Махмудов и заведующая поликлиникой З. Ш. Махмудова * В научной библиотеке института 20 тысяч экземпляров специальной медицинской литературы. (См. в номере материал «Во имя человека».)

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27: Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 08.02.82. Подписано к печати 23.02.82. А 00326. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 597. Заказ № 1915.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. А. ФЕДИНА

В ФОРМАХ САМОЙ ЖИЗНИ

Юрий ОСИПОВ

Фото Г. РОЗОВА

С Соколовой горы, откуда некогда громили «жалкий городишко Саратов» Разин и Пугачев, город его детства, его книг выглядит почти не изменившимся. Все так же разбегаются в вогнутой долине ряды низких кровель, прорезанные кое-где острыми контурами современных зданий, все так же неторопливо вершит в необозримом разливе свой извечный путь Волга.

И если спуститься к арочному порталу Троицкого собора, по мостовым, мощенным еще «мамайским кирпичом» из развалин древнего Увека, протянувшаяся через весь центр улица Чернышевского непременно выведет вас на угол покойного особняка в глубине двора за оградой — бывшего Сретенского начального училища, в которое ходил сын приказчика писчебумажного магазина Костя Федин.

Теперь здесь открыт музей писателя.

...Пыльная лебеда Плац-парада, жандармские конюшни по Вольской, «Липки», а внизу — волжский простор, отражавшийся в окнах училища. Такова «топография» детства. Он играл на этих улицах с мальчишками звонкими ордынскими монетками и арабскими дирхемами, растасканными из увекских руин, лазал в гроты желтой горы Сары-тау, давшей название городу, добирался до «земли обетованной» всех жаждавших романтики местных подростков — Зеленого острова и часами любовался его белыми от ландышевых россыпей лесными прогалинами.

Мы узнаем и остров и ландыши на страницах «Первых радостей» и «Необыкновенного лета», как узнаем их на полотнах саратовских современников Федина — В. Борисова-Мусатова, П. Кузнецова, К. Петрова-Водкина...

«Заброшенные сады, рыбачьи дощаники, буксиры, крепкий анис... Отсюда пошли мои первые представления о русской земле — как о Мире, о русском народе, как о Человеке» — скажет писатель спустя много лет.

Сухие ковыльные токи из заволжских степей тревожили и манили вдаль. Сама природа звала включиться в ее «великие соответствия», пробуждая чувство перспективы, которое не покидает нас в эпическом путешествии сквозь фединские города и годы.

И все же не только «вечный покой», но и вековой бунтарский дух Волги, ее исторические и социальные контрасты с малых лет занимали воображение художника. В формирующееся сознание худенького, мечтательного гимназиста поэзия «понизовой вольницы» входила рядом с пыточными кольцами в подвале старинного здания училища, где в свое время томились перед казнью многие пугачевцы и следом за ними удалой донской казак Ханин, также объявивший себя «чудом спасшимся» императором Петром III.

Контрасты продолжались и за стенами училища, придавая драматическое напряжение сонной одури провинциальной жизни. Впрочем, к концу прошлого века сакраментальная фраза «в глушь, в Саратов!» звучала уже изрядным анахронизмом. Город Чернышевского и «вольных демократов» в 80-е годы бойко загремел конками, закурился на солнце асфальтом, зашелестел собственными газетами и наконец-то дотянул до вокзала последний участок Тамбовско-Саратовской железной дороги...

Задолго до публичного открытия Третьяковки и нынешнего Русского музея саратовцы получили первый в России общедоступный художественный музей имени великого и многострадального уроженца их края Александра Радищева. Цвет отечественной и западноевропейской живописной культуры вдруг оказался перенесенным в торгово-промышленный волжский город.

По-настоящему все это Федин оценит позднее, но не приходится сомневаться в силе его мальчишеских впечатлений от знакомства с «Эрмитажем Поволжья» и начавшим действовать при нем Боголюбовским рисовальным училищем. Возможно, именно они привили мальчику тягу к карандашу и палитре. Свою первую, детскую картину «Родина» он подарит отцу и до конца жизни сохранит увлечение живописью, которое отзовется в его литературном творчестве яркостью пейзажей, зримой точностью обрисовки портретов, пластическим мастерством описаний.

Отзовется и музыка. С семи лет Костя учится играть на скрипке, не пропускает концерты Саратовского отделения Русского музыкального общества. Глубокое, профессиональное понимание музыки — черта, на которую обращали внимание все близко знавшие Константина Александровича. Исследователи же единодушно отмечают мелодичность фединской фразы, специфический тональный настрой его прозы.

Федин строит свои произведения по принципам музыкальной композиции, ведь музыка, утверждает он, проникает во все виды искусств. «...У меня, романиста, нечто близкое композитору, который передоверяет одну и ту же мелодию, чаще всего лейтмотив, несхожим инструментам». Роман для Федина — «партитура», «искусство сочетать разнообразные мотивы с основной темой». Вот почему писатель так внимателен к общему звучанию вещи, к смене тональности, к ритмике, мелодике отдельных частей, глав, фраз в соотношении с целым. «Я прежде всего слышу, что пишу», — говорил он. Его заботит, чтобы слово, «с наибольшей точностью определяя мысль», было «музыкально выразительно», имело «размер, требуемый ритмической конструкцией фразы». В результате достигаются своеобразная эмоциональная атмосфера, подтекст, усиливающие смысловое воздействие вещи.

Музыка и театр. Новый каменный театр, гордость города, сделался его страстью. Спустя 10 лет в Германии Федин попробует

К. А. Федин.

свои силы на сцене и расскажет затем об этом в книге «Я был актером».

Наряду с театром рано вошла в жизнь мальчика литература. Она вызывала неосознанное стремление писать, сменившееся вскоре твердой мечтой о писательстве. Первый, подражательный гоголевской «Шинели» рассказ вернулся из редакции журнала без всякого ответа...

Но еще раньше жизнь предложила иные темы. Осенью 1905 года он «со всем классом участвовал в ученической «забастовке»; ходил с товарищами в 1-ю гимназию (где полвека с лишним назад преподавал Чернышевский) «снимать» с занятий гимназистов; убегал дворами от оцепивших гимназию казаков». Навсегда врезались ему в память черносотенные погромы, пронзительная картина которых всплывет потом в романе «Братья».

Стряхнув после освобождения Уральска красными нравственное оцепенение, один из двух главных героев романа, композитор Никита Карев, прошедший трудный путь через разъединение с миром из-за искусства к единению с ним благодаря искусству же; начинает понимать своего брата, большевика Ростислава, и сознается: «...это мало — одни утраты... нужно иметь еще что-нибудь», веря, что «незыблемо приходит время, когда величайшее горе прорастает доброй, безбольной, понимающей улыбкой».

Ранний опыт познания тупой темной стихии зла обусловил последующую остроту восприятия писателем его «вселенского» разгула, научил безошибочно распознавать гнетущую косность мещанства. Контрасты дореволюционной волжской провинции подготовили интернированного в бюргерском Циттау русского студента к разоблачению шовинистического угара мировой бойни, за которым он в числе первых разглядел грядущую угрозу фашизма.

Пройдут годы, и битва с фашизмом приведет писателя в Нюрнберг его юности, на Суд народов. У ворот разрушенного дома он остановится и задумчиво произнесет: «Из этих ворот я вышел в последний раз, возвращаясь на родину». Вечером, в корреспондентском баре, вокруг переходившей из рук в руки книги «Города и годы» вспыхнет дискуссия: может ли художник предсказать будущее. Фединский пример убеждал: да, может.

В экспрессивной ритмике романа, показывающего бесчеловечность буржуазного мира и призывающего к братству людей разных национальностей, в стремительном завихрении драматических судеб, исключительных ситуаций и накале чувств сходство и контрастное противопоставление — основополагающий принцип композиции, подчеркивающий романтическое начало книги. К нему Федин обращается и в романе «Похищение Европы», открыто ставя лицом к лицу два мира, пытаясь найти адекватный «образ времени».

Неизменное влечение к резким конфликтам, к разломам в жизни, обнажающим самую сердцевину характеров, остается сутью творческого метода Федина в трилогии «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер».

Пока же будущий писатель вступает в личный конфликт с окружающей действительностью и дважды пробует удрать из дому. Романтическая жилка сильна в этом голубоглазом гимназисте, решительным жестом ухватившемся за форменный ремень, под стеклом выцветшей музейной фотографии. Пройдут годы, и ненавистный в детстве Смурский переулок путеводной нитью свяжет страницы фединской прозы.

Стремясь «включить время в повествование на равных и даже предпочтительных правах с героями», писатель в зрелом возрасте вторично «откроет» для себя родной Саратов как одно из материальных воплощений времени, как неиссякаемый источник философского осмысления жизни, даст развернутую и многомерную художественную летопись города в его более чем полувековом развитии.

Гуляют возле университета Кирилл Извеков и Лиза. На площади напротив еще не убраны балаганы. Кирилл говорит Лизе:

«— Это университет прижал балаганы в самый угол. Ты знаешь, его корпуса разрастутся, перейдут через трамвайную линию, вытеснят с площади карусели, потом казармы, потом тюрьму...

— Что ты! — сказала Лиза.— Тюрьму никогда не вытеснят.

— А я думаю, да... И, может быть, не успеем оглянуться, как не будет никаких казарм, никаких тюрем...»

Федин прослеживает ход истории прежде всего через повседневную жизнь рядовых людей, интеллигентов, людей творческого труда, постоянно сталкивая настоящее и прошлое. Так, в «Костре» Великая Отечественная война берется в широкой исторической перспективе, в преемственности революционных традиций и еще дальше — Отечественной войны 1812 года. Отсюда ведущая тема романа, тема родины, обозначает немеркнущую пространственную координату Тулы решающих схваток гражданской, Ясной Поляны Толстого, вокруг которых завязывается действие центральных глав.

На творческом пути художника возникали и другие пространственные координаты, другие устойчивые привязанности — Москва, Смоленщина сердечного друга И. С. Соколова-Микитова, подарившая нам проникновенные фединские повести и рассказы о меняющемся облике деревни. Но прежде были Петроград девятнадцатого, Дом искусств на Мойке, встреча с Горьким...

Шершавая оберточная бумага редкого сызранского журнала «Отклики» под редакцией К. Федина, мандат газеты «Петроградская правда» на II конгресс Коминтерна, в ходе которого написан «Рисунок с Ленина», афиши выступлений «серапионов» и их литературных противников. В окружении удивительных судеб и талантов проходит перед нами на стендах музея биография писателя, ставшего живой историей советской литературы, одним из ее зачинателей и старейших классиков.

Академик, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, руководитель Союза писателей, почетный доктор философии берлинского университета... Росли общественные дела и обязанности, груды писем и книг со всех концов страны и из-за рубежа, требующие обстоятельных ответов. Росла ответственность за свое слово. Лишь одно оставалось неизменным — ежедневная изнурительная работа за письменным столом, порой по 14 часов в день.

Небольшое овальное кресло с наброшенным на спинку пледом и прислоненной к подлокотнику палкой, кажется, еще хранит тепло высокого, стройного тела, а страница незаконченной рукописи «Костра», вся в аккуратных вычерках и поправках, словно ждет отлучившегося на минуту хозяина кабинета.

Кабинет Федина перевезен сюда из подмосковного Переделкина, богатейшее же книжное собрание с дарственными надписями Горького, Бунина, А. Толстого, Р. Роллана, С. Цвейга заняло отдельную комнату в хранилище научной библиотеки Саратовского университета.

В последние годы ему все труднее становилось выбираться в дорогой его сердцу Саратов, но обширных многолетних связей с земляками-литераторами, студентами, учеными он не прерывал, даже находясь в больнице. Многим молодым открыл Федин дорогу в литературу, многие известные прозаики называют его своим учителем.

Он учил молодых и учился сам. Учился у Толстого — мастерству «превращения», умению «откладывать старые инструменты, берясь за новую конструкцию». Испытав мучительные сомнения, внутреннюю эволюцию, он избрал своим кредо завет Толстого — творить «в формах самой жизни».

Задумываясь над тем, что оставил нам Константин Федин, видишь блестящие критические изыскания и страстную публицистику сборника «Писатель, искусство, время», уникальные историко-литературные документы и волнующие художественные портреты мемуарного цикла «Горький среди нас», где писатель идет рука об руку с теоретиком и историком литературы. И, конечно же, видишь многотомную эпопею, исторический роман о современности, в котором между поколениями революции и Отечественной войны переброшен мост.

Неторопливо-вдумчивое, «объективированное» повествование поздних произведений писателя шаг за шагом конденсирует необыкновенные качества обыкновенных людей, постепенно переходит от изображения человека в революции ко все более полному раскрытию человека революции, решающего судьбы мира.

Это книги о том, как изменяются отношения человека и истории, как в повседневности рождаются новый невиданный мир, новый человек, как история формируется и преломляется в буднях. Книги Федина о долге и личной ответственности каждого за все, происходящее на земле.

Кабинет писателя, перевезенный из Переделкина.

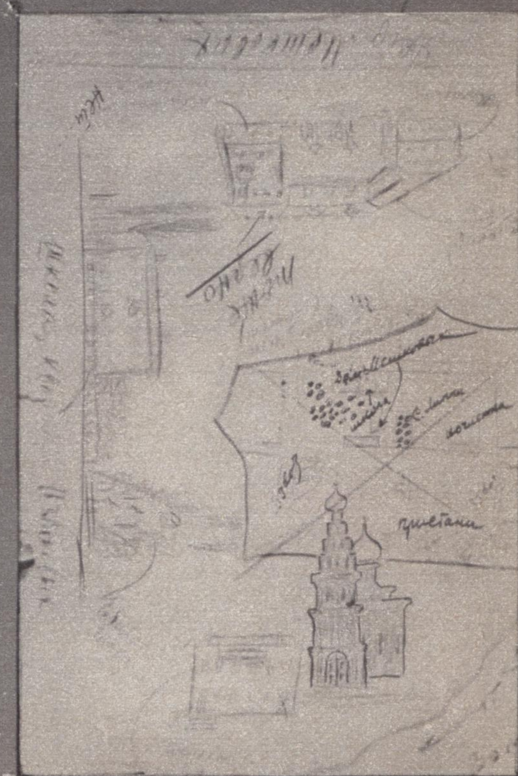
Старый Саратов. Дом семьи Фединых в Смурском переулке.

К. А. Федин. 1917 год.

Графический план действия одной из глав романа «Первые радости». [Рис. К. Федина.]

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663